

Материалы международной научной конференции
**«АЗИАТСКАЯ РОССИЯ:
ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ»**,
посвященной 60-летию со дня рождения А.В. Ремнева

Омск, 24–26 октября 2015 года

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П.А. СТОЛЫПИНА
AV IMPERIO
ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В ИРКУТСКЕ

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. РЕМНЕВА**

Омск, 24–26 октября 2015 года

Омск

2015

УДК 950

ББК 63.5

А355

*Конференция организована при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-14057)*

А355 Материалы Международной научной конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи», посвященной 60-летию со дня рождения А.В. Ремнева [Электронный ресурс] / под ред. Н.Г. Суворовой. – Омск, 2015. – 156 с. – URL : <http://histdep.omsk.ru/page.php?id=109> (дата обращения : 21.10.2015).

Материалы конференции представляют собой часть тезисов докладов конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи». Их публикация дает возможность участникам и потенциальным гостям конференции ознакомиться с докладами заранее для плодотворного обсуждения заявленных проблем. По итогам конференции будет опубликован сборник научных статей участников конференции.

Конференция объединила участников, которые работают в рамках имперской тематики и предлагают различные исследовательские подходы изучения экономического, этнического и социального пространства Российской империи.

Конференция проводится в связи с 60-летием профессора Омского государственного университета А.В. Ремнева. Ряд докладов посвящен анализу научного творчества юбиляра и исследованию его вклада в современные отечественные и зарубежные исследования по имперской тематике, исторической регионалистике, сибиреведению.

Материалы конференции адресованы в первую очередь участникам конференции, а также исследователям истории Российской империи, могут быть использованы при подготовке учебных курсов, при чтении специальных курсов по региональной и национальной истории.

Информационная поддержка конференции: Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Официальный сайт: <http://sfrik.omskreg.ru>.

**Анатолий Викторович Ремнев
(30 июня 1955 – 24 января 2012)**

От оргкомитета

В Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского 24–26 октября 2015 года была проведена международная научная конференция «*Азиатская Россия: люди и структуры империи*», посвященная 60-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева.

Цель конференции – дать оценку современного состояния и развития региональных исследований в рамках имперской истории, привлечь внимание научного сообщества к значимости в современных политических условиях исследований истории и историографии сопредельных государств; охарактеризовать вклад профессора А.В. Ремнева в современные отечественные и зарубежные исследования по имперской тематике, исторической регионалистике, сибиреведению.

Научное творчество профессора А.В. Ремнева посвящено проблемам имперского строительства на азиатских окраинах. Предложенные им концепции имперской географии власти, ментального конструирования сибирского пространства, дискурсивных практик постколониальной теории динамично развиваются в современной гуманитаристике не только как самостоятельные направления сибиреведения, но и в цельном методологическом направлении – новой имперской истории. Научные достижения ученого нашли отражения в многочисленных публикациях и получили высокую оценку современных исследователей. Участники конференции обсудили результаты своих исследований, а также поделились воспоминаниями о сотрудничестве с А.В. Ремневым, об организации научной мастерской историка.

Работа была организована по следующим секциям:

Секция 1. Вокруг империи: в поисках новых исторических нарративов.

Секция 2. Люди и институты империи

Секция 3. Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом и социальном измерениях.

Организаторами конференции выступили Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, международный научный журнал «*Ab Imperio*», Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске. Соорганизаторами конференции стали Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, Исторический архив Омской области, Региональный общественный фонд «Духовное наследие», Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Омский филиал Российского фонда культуры.

В программу конференции были включены выступления российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Оренбурга, Самары, Новосибирска, Барнаула, Тюмени, Иркутска и Омска. Участниками конференции

стали ученые Республики Казахстан (Астана, Алматы) и Польши (Познань). С докладами на конференции выступили исследователи, которые сотрудничали с профессором А.В. Ремневым, участвовали в совместных международных проектах: **Леонид Ефремович Горизонтов** (Москва, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»), **Владимир Олегович Бобровников** (Москва, Институт востоковедения РАН), **Сергей Николаевич Абашин** (Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге); вместе обучались в Ленинградском государственном университете: **Александр Георгиевич Еманов** (Тюмень, государственный университет), **Сергей Константинович Лебедев** (Санкт-Петербург, институт истории РАН); коллеги из сибирских университетов: **Виктор Иннокентьевич Дятлов** (Иркутск, государственный университет), **Михаил Викторович Шиловский** (Новосибирск, государственный университет), **Лев Михайлович Дамешек** (Иркутск, государственный университет), а также ученые Омского государственного университета, ученики Анатолия Викторовича Ремнева.

Предлагаемый вниманию читателей сборник является электронным изданием, цель которого – представить научному сообществу основное содержание докладов, сделанных на конференции. По итогам работы научного форума будет опубликован сборник статей.

Доклады пленарного заседания

Ю.А. Сорокин

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ИСТОРИКА А.В. РЕМНЕВА

Принято считать, что наука не может дробиться по какому-либо внешнему признаку. Она по своей природе, по самой своей сути интернациональна, не связана напрямую ни с политической системой, ни с политическим режимом, ни с формой правления, ни с уровнем благосостояния общества, ни с определенной идеологией, она принципиально внерелигиозна (ученый может быть воцерковленным, но наука не может быть основана на вере). Подвижникам от науки неважно ни место работы, ни размеры заработной платы: скромнейший учитель гимназии за свои научные достижения может получить престижнейшую научную премию и остаться, как Роберт Кох, учителем в гимназии.

Одновременно в СССР считалось справедливым и истинным суждение, что лучшие научные кадры сосредоточены, например, в академических учреждениях. Их сотрудники призваны заниматься наукой, только наукой, ничем иным, кроме как наукой – за это им, собственно говоря, и платят жалование. Соответственно, преподаватель высшего учебного заведения читает лекции, работает со студентом и проч. В советские времена это было не просто нормой: работа в научном учреждении и учебном заведении понималась чуть ли не как разные профессии. Историк мог всю жизнь проработать старшим научным сотрудником, а мог и доцентом. Во всяком случае, ученый с мировым именем мог и не иметь звание профессора, если не преподавал в высшем учебном заведении.

Соответственно считалось, что лучшие научные кадры сгруппированы в столице нашей родины, в столицах союзных республик, в академических центрах, подобных Новосибирску, на худой конец, в

старых университетских центрах, подобных Томску.

Применительно к исторической науке это означало (понятно, что речь идет не о формальных разграничениях, а о фактическом положении дел), что региональные историки разрабатывают историю своего региона, скажем, сибирские исследователи пишут историю Сибири, а столичные, как правило, занимаются общероссийской проблематикой. В самом деле, представить себе ситуацию в советское время, чтобы казахский автор защищал диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук в Омском совете по истории Молдавии, можно было, лишь обладая буйной фантазией. Это просто не было принято. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что в Москве и Ленинграде общерусскую историю также изучают единицы – основная масса авторов занимается исследованием проблем региональной истории и изучает московскую партийную организацию, пролетариат Центрально-промышленного района, новгородское вече в XIII в. и т.п.

Я уже на студенческой скамье вполне осознал, что никогда и ни при каких обстоятельствах заниматься историей Сибири не хочу. Даже сейчас мне трудно понять истоки такого моего юношеского максимализма. Мои учителя, перед именами которых я благоговею, – З.Я. Бояршинова, Л.А. Чиндина, Н.В. Блинов – занимались именно изучением сибирской истории. Тем не менее вполне понятный пиетет перед ними не вынудил меня изучать историю региона. Я увлекся политическим режимом Павла I, самой его личностью. З.Я. Бояршинова как руководитель кафедры была от такого моего выбора темы дипломного сочинения не в восторге. Мне потребовалось доказывать ей, что выпускник ее кафедры

может подготовить выпускную работу с общерусской проблематикой.

Я успешно защитился, но настоящие проблемы начались, когда я уже работал на историческом факультете в ОмГУ. Довольно быстро я усвоил истинность банальной сентенции: ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан. Но тема!? Меня легко соглашались взять под свое руководство многие видные сибирские исследователи (М.Е. Плотникова, Н.А. Миненко), но и тему давали соответствующую их научным интересам. Я страдал. Необходимость защититься для того, чтобы преподавать, скажу еще раз, вполне мною осознавалась, но пересилить себя и заняться сибирской историей я был не в состоянии. Промаявшись почти десять лет, я был на грани ухода из университета: не было ни перспектив, ни денег, ни квартиры. Окончательно меня сломала небольшая по объему статья Н.Я. Эйдельмана, признанного специалиста по павловской эпохе. Он рассказал читателю, что уже два месяца работает в маленьком провинциальном украинском архиве, рассчитывая изыскать документы, связанные с деятельностью декабристов. Я понял это так: Н.Я. Эйдельман уже проработал все фонды всех столичных архивов и два месяца работает на Украине. Как же я буду заниматься эпохой Павла, если всего две недели был в Москве, да и то работал в библиотеках.

Со временем, однако, все вошло в свою колею. Я должен был благодарить за это двух людей. Профессор А.А. Говорков согласился взять меня под свое научное руководство вместе с Павлом; А.В. Ремнев наглядно продемонстрировал, как общерусской проблематикой надлежит заниматься в Омске, глухой тогда научной провинции применительно к исторической науке.

Я услышал имя Анатолия Викторовича много раньше, чем мы с ним познакомились. Отзывы были единодушными: талант, труженик, перспектива, школа. Один мой хороший знакомый бойко сравнивал Ремнева с Набоковым. Имелось в виду, что А.В. Ремнев – порождение и носитель двух культур, двух научных школ, он один и

неделим как провинциальный автор и как порождение славной питерской школы, питерской научной традиции.

Я уже знал, что он будет работать на кафедре, встречи с ним ждал, хотя и несколько робел. Почти два десятка лет, которые мы проработали бок о бок, тепло, по-товарищески относясь друг к другу, позволяют мне оценить творчество ученого, ставшее любопытным научным феноменом. Будучи провинциальным историком по своему формальному положению Анатолий Викторович, безусловно, сделался фигурой общероссийского масштаба в исторической науке, благодаря именно своим трудам, своей деятельности как ученого. Что же позволило ему добиться такого положения?

Понятно, что на его профессиональные качества повлияла (и даже определила их) школа – исторический факультет Санкт-Петербургского университета. Но это, так сказать, общее положение. Во всяком случае, я не помню, чтобы Ремнев любил вспоминать с благодарной слезой о своих менторах на факультете, скорее наоборот, он готов был соглашаться, что люди и преподаватели на истфаке были, скажем, со всячинкой. Для него альма-матер целиком и полностью укладывалась в фигуру учителя – Б.В. Ананьича. Считается, что часть не может быть больше целого. Если брать данную сентенцию как отвлеченный философский принцип, то она, может быть, и истинна, но, как мне помнится, для Ремнева Б.В. Ананьич был больше, чем весь факультет, он был не только научным руководителем, но наставником, учителем, и не только в науке. Анатолий Викторович удивительным образом менялся, когда рассказывал о своем «шефе». Не будучи человеком ни сентиментальным, ни романтичным, он как-то светлел глазами, у него менялся тембр голоса, речь становилась мягкой, тон сокровенным. Близостью к Ананьичу он гордился не потому, что его шеф – академик, редактор и проч. Он любил подчеркнуть их человеческие, личные теплые отношения. Соответствующим образом он относился к Р.Ш. Ганелину, В.Г. Чернухе и другим мэтрам из Ленинградского отделения Института истории. Мне иногда казалось, что сам Анатолий Викторович

полагал, что своим профессиональным становлением он обязан ЛО ИИ не меньше, чем факультету.

Но у Б.В. Ананьича, рискну предположить, было много учеников, среди них немало докторов, но и Ананьич отличал Ремнева: живо интересовался его делами, не оставлял ни заботами, ни советами, помогал. Должно быть, и он чувствовал уникальность или, скажем, незаурядность Анатолия Викторовича. Легко впасть в умиление и заговорить с пафосом о способностях, талантах, уме и других всяческих навыках историка А.В. Ремнева. Делать этого я не буду, и не потому, что мой товарищ ими не обладал («талантлив больше, чем нужно» – сентенция Ю.И. Визбора вполне применима к качествам ученого А.В. Ремнева), но потому что сам Ремнев все эти определения считал чересчур легковесными и очень неопределенными по своему содержанию. Это ведь только в педагогике есть твердые представления о содержании дефиниций «способность» или «талант». Но в исторической науке на вопрос, что значит быть талантливым историком, все еще нет ответа. Во всяком случае, сам Ремнев никогда не называл ни себя, ни «шефа», ни своих учеников, ни уважаемых им авторов «талантливый историк».

Главное качество ученого-историка он видел в другом – в трудолюбии, трудоспособности, про себя любил повторять – «я – пахарь». Я имел возможность наблюдать, что это значит на практике. Мы четыре месяца жили с ним в Ленинграде, повышая свою квалификацию. Толя водил меня по всем архивам, ибо я был в Северной столице впервые и даже адресов не знал. К тому времени Ремнев уже лет шесть или семь жил и работал в Омске, и мне казалось, что это уже достаточный срок для того хотя бы, чтобы его не сразу и вспомнили. Но меня ждал приятный сюрприз: везде Ремневу были рады, создавали особые условия, давали, например, дел сколько закажешь, а не сколько положено по норме. У меня возникло ощущение, что в каждом архиве, в каждой библиотеке оставался еще теплым стул после Ремнева, а где-то была и не допитая им чашка чая. Мы жили, как в

сказке у Астрид Линдгрэн: «Добро пожаловать, дорогой Карлсон! Ну и ты, Малыш, заходи». Даже если Ремнев приезжал в столицу на 36 часов, он выкраивал время, чтобы сходить в архив. Что значит «пахать в архиве» я понял из одного казуса, приключившегося с нами в Центральном архиве Военно-морского флота. Толе принесли дело в 15 тысяч страниц (!). Множительная техника, всякие там сканеры, принтеры, копировальные аппараты тогда, понятное дело, отсутствовали. За неделю Толя дело переписал, обработал. В Омск из Петербурга Ремнев привез полчемодана записей. Он сам говорил мне: если бы все его записи формата А4 уложить стопкой, они бы были выше него. Он пытался доказать мне, что это единственный путь для историка с периферии, если он действительно желает заниматься наукой. Я его не слушал, мы спорили. Я полагал, что не архивом единым жив историк, что мы напрасно пренебрегаем законодательством, источниками личного происхождения, т.е. уже опубликованными, введенными в научный оборот источниками. Из того факта, что они используются в исследовательской практике 200 лет как раз и следует, что и мы должны ими пользоваться.

Кроме того, я только тогда могу эффективнее работать, когда новые знания я привожу в соответствие с прежними. Время в архиве я тратил на раздумье. Толя полагал, что это непозволительная роскошь, ибо подумать можно и дома, в архиве же ищут и собирают материал – «пашут».

Понятно, что спорили мы о приоритетах при формировании источниковой базы, например, докторской диссертации. Каждый из нас пошел своим путем. Формально мы добились одинакового результата, фактически же Толя ушел далеко вперед: он со своими новыми источниками сделался интересен всем, я же со своими новыми интерпретациями никому.

Ремнев пытался меня по-товарищески направить и предостеречь, ссылаясь на свой опыт. Он прямо говорил, что Б.В. Ананьич раз и навсегда определил его научную тему – взгляд на Сибирь из Петербурга, и мне нужно иметь что-то подобное. Именно

поэтому, как я сейчас ясно понимаю, он был интересен и столичным историкам (они, фигурально выражаясь, ничего не знали о Сибири), и региональным, сибирским ученым – они знали о петербургских делах непрофессионально, и ученым с Запада. Я же смотрел на Петербург из Сибири и уже именно этим был неинтересен.

Подобную традицию историописания в регионе А.В. Ремнев передал своим ученикам. Все защитившиеся под его

научным руководством диссертации повторяли путь учителя в этом аспекте. Я и тут упорствовал – мои ученики занимались и будут заниматься общерусскими сюжетами.

Сегодня я ясно осознаю, что путь А.В. Ремнева есть столбовое, магистральное направление регионального историописания как в части истории региона, так и в части истории России. Труды А.В. Ремнева и его учеников вполне в этом убеждают.

М.В. Шиловский

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ ГЛАВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Актуальность изучения управленческой структуры и административного аппарата в избранных мною территориальных и хронологических рамках емко определил выдающийся сибирский историк-регионовед А.В. Ремнев. «Насущность ретроспективного взгляда объясняется известной схожестью многих проблем, с которыми вынуждено сталкиваться руководство в организации управления сибирским регионом, – отмечал он. – Учет как положительного, так и отрицательного опыта регионального управления позволит в значительной степени предвидеть, а значит, и избежать многих негативных последствий, нередко вызываемых реформами. Актуальность взаимоотношений центра и регионов сохраняется, имея тенденцию к обострению» [1, с. 36]. В процессе освоения Азиатской России для центральной власти вопросы подбора, назначения и контроля глав территорий являлись актуальными. К тому же изначально возник кадровый дефицит для заполнения вакансий в управленческом аппарате за Уралом. Данное обстоятельство констатировалось в течение всей истории региона.

Так, в середине XVIII в. местные управленцы постоянно жаловались на то, что в «Сибирской губернии в городах в воеводах обстоит нужда, а в некоторых городах воевод нет, а исправляют воеводские

должности из тамошних дворян и детей боярских» [2, с. 192]. Совсем недавно в 2008 г. оказалось, что в стране «кадровый голод» и он касается руководителей регионов. «Нет скамейки запасных. Каждый раз ломаем головы, как найти кадры для замещения высших должностей в регионах», – сетовал на тот момент Президент РФ Д.А. Медведев [3]. К тому же, как заметила омская исследовательница Ю.В. Попова: «России присуща персонификация политического пространства, рассмотрение и понимание его сквозь призму личности. Об этом свидетельствует отношение населения к политическим лидерам» [4, с. 219]. Поэтому цари, императоры, генеральные секретари, президенты занимают в глазах обывателей первенствующее положение по сравнению с другими властными структурами. Примерно в такой же плоскости рассматриваются региональные лидеры: воеводы, генерал-губернаторы, губернаторы, первые секретари, главы администраций, постсоветские губернаторы.

Несмотря на определенные отличия, административно-территориальное деление и управленческий корпус изучаемой территории имел и постоянные константы. Основными структурами, составляющими организационный каркас Сибири и Дальнего Востока дореволюционного периода, являлись разряды, генерал-губернаторства, губернии и области. Вопросы истории

организации управления и персонального состава их начальствующего состава разрабатывались в трудах В.И. Вагина, Л.М. Дамешека, М.О. Акишина, А.В. Ремнева, М.П. Матхановой, Н.И. Дубининой, В.Д. Гахова, А.В. Яковенко, Д.Я. Резуна, Л.П. Бердниковой и др. При обилии публикаций по отдельным временным этапам в историографии темы имеются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно изученные сюжеты, четко выраженное «огораживание» отдельных периодов, отсутствие сквозных исследований на протяжении избранного для анализа временного интервала. Учитывая научную значимость и состояние разработки темы, автор на основе имеющихся фрагментарных сведений попытался выявить основные характеристики высших должностных лиц территориально-административных образований (воеводы, генерал-губернаторы, губернаторы).

Руководство присоединенной территорией от Урала до Тихого океана осуществляли с конца XVI в. Посольский приказ, Приказ дьяка Варфоломея Иванова, а затем Сибирский приказ (1637–1710 гг., 1730–1765 гг.), судьями которого царь назначал пользовавшихся его доверием представителей московской боярской аристократии. За 73 года функционирования управленческой структуры во главе ее побывало 8 чел., т. е. средний срок нахождения в должности составил 9 лет, самый высокий показатель для высших управленческих органов региона в течение всего изучаемого времени, обусловленный московской пропиской территориального приказа.

При преобладании в колонизационном потоке русских, среди сибирских воевод XVII в. мы встречаем потомка крымских князей Ю.А. Сулешова, «ливонского немца» Д.А. Францбекова, англичанина А.А. Барнешлева (Вильгельм Бернслей) и т. д. Для этого времени характерно назначение на воеводские должности служилых людей по отечеству из Европейской России, присылаемых по московской разрядке. Среди них можно выделить две основные категории: «репрессированные», для которых служба за Уралом являлась

разновидностью ссылки (П.И. Бярятинский, И.В. Траханиотов, Ф.И. Шереметев, А.И. Бахтияров-Ростовский, А.В. Голицын) и представители определенного круга дворянских фамилий, традиционно занимавших воеводские места в Сибири (Кольцовы-Масальские, Щербатовы, Бярятинские и др.).

Деятельность воевод осуществлялась на основании специальных царских грамот и наказов. С учетом отдаленности территории и быстро меняющейся ситуации инструкции заканчивались универсальным клише, впервые воспроизведенном в наказе тарскому воеводе Ф.А. Елецкому в 1595 г.: «дела делать и смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее». В компетенцию разрядных управленцев входило: организация походов для приведения в подданство аборигенов и сбор с них ясака, оборона городов, организация пашни и осуществление суда. В приграничных районах уездные воеводы организовывали сбор информации о «соседях» и осуществляли внешнеполитические функции. Пришедшие на смену воеводам губернаторы наделялись обширными полномочиями: управленческими, хозяйственными, финансовыми, военными, внешнеполитическими.

Характерной чертой сибирской управленческой элиты вплоть до начала XIX в. (реформы М.М. Сперанского) являлось ее вовлеченность в коррупцию, казнокрадство, а также административный произвол в условиях отдаленности региона и отсутствия эффективной системы контроля, сдержек и противовесов в отношении воевод и пришедших им на смену губернаторов. Основным средством пресечения злоупотребления местных администраторов являлись челобитные на них от городских общин в Тобольск и Москву. Воеводе вменялось в обязанность отправить прошение в Сибирский приказ, в случае необходимости сопроводив ее своим комментарием. Законным считался отказ общества подчиняться «плохому» управленцу, что оформлялось в виде отказной челобитной.

В XVIII в. срок службы сибирских воевод продлевается с двух до трех лет, а с 1760 г. – до пяти. Кадровый дефицит удовлетворялся и за счет перемещения высокопоставленных чиновников. Высшие должности провинциальных и городских воевод «оказались в распоряжении отставных офицеров из природных российских дворян, которые быстрее всего выслуживали штаб-офицерские чины на военной службе. Военный чин, потомственный дворянский статус, продолжительные сроки воеводства делали таких дворян-чиновников в представлении населения полноправными хозяевами уезда, немногим отличавшимися от воевод XVII в.» [5, с. 258].

Во главе Сибирской губернии (1711–1780 гг.) побывало 10 чел., т. е. в среднем губернаторский срок ограничивался 7 годами. 18 лет гигантским краем управлял Д.И. Чичерин, чуть более года – И.А. Шипов. Половина высших должностных лиц к моменту назначения уже служили в регионе, а Ф.И. Соймонов по делу А.П. Волынского был бит кнутом и выслан в Охотск (февраль–сентябрь 1741 г.). Трое из общей совокупности относились к родовитой аристократии и имели княжеские титулы, один происходил из боярского рода, все остальные являлись выходцами из дворян, служивших в армии, гвардии, на флоте и произведенные в бригадиры, генерал-майоры, контр-адмиралы. Трое за служебные злоупотребления в Сибири оказывались под следствием. Для двоих дело завершилось увольнением с должностей, князя М.П. Гагарина, растратившего 305 тыс. казенных денег, повесили в Петербурге. И в XVIII в. среди высокопоставленных чиновников Азиатской России была достаточно высокой доля иностранцев. Так, в числе 15 иркутских провинциальных воевод, вице губернаторов и губернаторов за 1724–1783 гг. их число составило 6 чел., или 40 %. Среди них мы встречаем: Ланга Лоренца, родившегося предположительно в Стокгольме; выходца из Швеции В.В. Якоби; Вульфа Ивана, «нации польской пруса», капитана шведской армии, пленного; Фраундорфа фон Карла Львовича, из иноземных дворян; Бриля Адама Ивановича,

из иноземных дворян; Кличку Франца Николаевича (Франтишек Миколаш), из чешских крестьян [6, с. 215–223].

Последняя по времени зачистка Сибири от коррупционеров и злоупотребляющих властью чиновников осуществляется М.М. Сперанским в ходе ревизии Сибирской губернии в 1819–1821 гг. Главным основанием для возбуждения 74 следственных дел являлось «лихоимство» в разных видах на общую сумму 2874 тыс. руб. Злоупотребления были столь существенны, что, по мнению ревизора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». По итогам ревизии два губернатора, томский Д.В. Илличевский и иркутский Н.И. Трескин оказались под судом, а всего обвиняемых «по всем следствиям» набралось 680 чел. [7, с. 43].

Преемниками сибирских (тобольских) губернаторов с 1822 г. стали западно-сибирские (с 1882 г. степные) и восточно-сибирские (с 1887 г. иркутские) генерал-губернаторы. Всего за 60 лет на посту западно-сибирского генерал-губернатора сменилось 9 чел., в среднем по 6,6 лет на каждого. Все они, за исключением князя П.Д. Горчакова, были выходцами из мелкопоместных дворян, окончили военные училища (кадетские корпуса) и к моменту назначения в Западную Сибирь имели воинское звание генерал-лейтенант. Военная ипостась западно-сибирских генерал-губернаторов определялась еще и тем, что они одновременно являлись наказными атаманами Сибирского казачьего войска (далее – СКВ), командирами Отдельного Сибирского корпуса, а затем командующими Западно-Сибирского военного округа (1865–1882 гг.). Степные генерал-губернаторы одновременно являлись командующими войсками Омского военного округа (с 1899 г. Сибирского, с 1906 г. снова Омского) и наказными атаманами СКВ. Всего их до февраля 1917 г. было 6, на момент назначения находящихся в звании генерал-лейтенанта, командовавшими кавалерийскими соединениями (дивизиями и корпусами).

Более пестрым выглядел генерал-губернаторский корпус в Восточной Сибири.

Всего в 1822–1917 гг. на должности главного начальника края здесь побывало 19 чел. Средний срок пребывания составил 6 лет. За исключением троих (тайных советников А.С. Лавинского, Л.М. Князева, действительного статского советника А.И. Пильца), все остальные были генералами. Но в отличие от Омска, среди них присутствовала значительная прослойка правоохранителей. В.Я. Руперт, А.И. Пантелеев, П.И. Кутайсов служили в жандармском ведомстве, Н.П. Синельников до Иркутска руководил всеми тюрьмами империи, А.П. Фредерикс был генерал-полицмейстером в Царстве Польском.

В 1884 г. из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства выделяется Приамурское. Всего до февраля 1917 г. во главе его находилось 6 чел., в том числе пятеро на момент назначения генерал-лейтенантов. В 1910 г. принимается решение о разделении военной и гражданской власти на Дальнем Востоке и первым гражданским генерал-губернатором назначается шталмейстер, бывший Тобольский и Томский губернатор Н.Л. Гондатти. Таким образом, с 1822 г. в Азиатской России на должностях генерал-губернаторов побывало 40 чел. К ним необходимо добавить еще троих Сибирских генерал-губернаторов – И.О. Селифонтова, И.Б. Пестеля и М.М. Сперанского. Общее количество главных начальников составило 43. Из них 7 гражданских и 36 военных.

Наиболее массовый слой управленцев анализируемого уровня в дореволюционный период представляли начальники губерний и областей. Всего тогда в Азиатской России работало 222 губернатора [8, с. 666–670]. Имеются установочные данные (годы жизни, время пребывания в должности, классные чины согласно «Табели о рангах» ко времени назначения и во время нахождения начальником губернии или области) на 218 из них. Некоторые из них управляли не одним территориально-административным образованием. Так, И.И. Крафт последовательно работал губернатором Якутской области, а затем Енисейской губернии; А.М. Корнилов – Иркутской и Тобольской губерний; И.К. Педашенко – Забайкальской области и Енисейской

губернии; М.С. Корсаков – Забайкальской области, а затем возглавлял Восточно-Сибирское генерал-губернаторство; П.Ф. Унтербергер – Приморской области и Приамурское генерал-губернаторство. О Н.Л. Гондатти говорилось выше. Таким образом, во главе губерний и областей региона в изучаемое время находилось 214 чел. На момент назначения их можно разделить на военных (генерал от инфантерии, генерал-лейтенанты, генерал-майоры, контр-адмиралы, бригадир, полковники) – 107 чел. и штатских (тайные советники, действительные статские советники, статские советники, надворные и коллежские советники) – 107 чел. Согласно «Табели о рангах» они распределились следующим образом: генерал от инфантерии (2 класс) – 1, генерал-лейтенант (3 класс) – 21, контр-адмирал (4 класс) – 5, генерал-майор (4 класс) – 72, бригадир (5 класс) – 1, полковник (6 класс) – 7, тайный советник (3 класс) – 3, действительный статский советник (4 класс) – 75, статский советник (5 класс) – 31, коллежский советник (6 класс) – 2, надворный советник (7 класс) – 2. Как видим ключевые позиции в губернаторском корпусе занимали генерал-майоры и действительные статские советники, на долю которых приходилось 68 % от общего числа представителей изучаемой совокупности.

Таким образом, в XVIII в. возраст руководителей территориально-административных образований в Азиатской России колебался в пределах 39–60 лет, в среднем они управляли в течение 7 лет. Примерно треть за злоупотребления и коррупцию оказывались под следствием. Генерал-губернаторы (1822–1917 гг.) имели возраст к моменту назначения 50–60 лет, находились в должности в среднем 6–6,6 года и являлись преимущественно военными в звании генерал-лейтенантов, имея за плечами богатый опыт военно-административной службы и участия в боевых действиях. Начальники губерний (1780–1917 гг.) вступали в должность в возрасте 34–65 лет, находились на ней в среднем 3,5 года. В течение XIX в. происходила замена преимущественно военных гражданскими чиновниками с

высшим, в том числе юридическим образованием.

Список литературы

1. *Ремнев А.В.* Сибирский вариант управленческой организации XIX–начала XX в. // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 36–45.
2. Цит. по: *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М., Новосибирск, 2003. 408 с.
3. Новая газета. 2008. Июль. № 29.
4. *Попова Ю.В.* К возможности формирования гражданского общества в современной России // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 215–220.
5. *Ананьев Д.А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. 264 с.
6. Власть в Сибири XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2002. 296 с.
7. *Дамешек И.Л.* Сибирские реформы М.М. Сперанского как проявление имперского регионализма // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе. Новосибирск, 2005. С. 41–48.
8. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г., Матханова Н.П.* Губернаторы и генерал-губернаторы дореволюционные // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 666–671.

Ж.А. Ермекбай

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А.В. РЕМНЕВА

В 2013 г. в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского прошла научная конференция, посвященная памяти доктора исторических наук, профессора Анатолия Викторовича Ремнева. На конференции соратники, друзья, коллеги из России, Казахстана выступили с докладами, посвященными памяти и наследию А.В. Ремнева. В числе участников конференции был и я. Как я отметил в своем выступлении на форуме, мое знакомство с профессором А.В. Ремневым произошло в 1998 г. в стенах Омского университета на одной из научных конференций. В дальнейшем мы пересекались на научных форумах, конференциях, в научно-образовательных учреждениях, в архивах различных городов.

Профессора Ремнева интересовали не только вопросы имперской политики в Сибири и Дальнем Востоке, но и в Казахской степи, которая полностью вошла в состав империи во второй половине XIX в. Он активно работал по различным аспектам внутренней политики царской администрации в Казахской степи, одном из обширных регионов Центральной Азии. Названия докладов и статей свидетельствуют об этом: «История образования Омской

области», «Источники по истории административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. (Общая характеристика)», «"Естественные границы" империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова», «Степной отдел российского императорского общества востоковедения», «Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы)», «"Русская гражданственность", "обрусение" и имперская армия: к дискуссии о воинской повинности казахов в 70-х гг. XIX столетия», «Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи», «Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е гг. XIX в.)», «Язык и алфавит в имперской политике в казахской степи (вторая половина XIX в.)», «Степное генерал-губернаторство в административных планах самодержавия конца XIX – начала XX в.», «Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти» и др. Ряд работ был написан в соавторстве с коллегой Н.Г. Суворовой, в том числе их совместная монография «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX

в.», статьи «Обрусение» Азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации», «Научная экспертиза колонизации Азиатских территорий Российской империи».

Перечень научных публикаций говорит о внимании ученого к вопросам управления Казахской степью со стороны царской администрации. А.В. Ремневым были выявлены уникальные документальные материалы из центральных и местных архивов России и Казахстана, свидетельствующие об эволюции управления огромной территорией. Сибирское и Оренбургское генерал-губернаторства изучались на основе военно-топографических экспедиций, сведений дипломатов, военных, чиновников, купцов и гражданских путешественников по линии Русского географического общества и по другим источникам. Были внимательно исследованы особенности экономического развития кочевого хозяйства, торговли, местных национальных обычаев и традиций в хозяйственной, социальной и правовой системах, сложившихся в казахском ауле.

Одним из факторов, способствовавших исследованию некоторых вопросов истории русско-казахских отношений, были международные научные форумы по истории Степного края, которые с 1998 г. стали традиционной формой общения ученых России и Казахстана. Одним из организаторов международных конференций, посвященных русско-казахским взаимоотношениям, был профессор А.В. Ремнев, работавший в ту пору проректором по научной работе Омского государственного университета. Вклад Анатолия Викторовича в проведение конференций, посвященных Степному краю, был исключительным. Так на первой конференции «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)», состоявшейся в 1998 г. в стенах Омского университета, профессор Ремнев выступил с обстоятельным докладом на пленарном заседании на тему «История образования Омской области». В своем выступлении А.В. Ремнев обратил внимание на тот факт, что «Омск сыграл важную роль в развитии

русско-казахских политических и социально-экономических связей. В этом процессе сближения двух народов, завершившимся присоединением и длительным пребыванием Казахстана в составе Российской империи, а затем и СССР, образование так называемой первой Омской области, на мой взгляд, имело ключевое значение» [1, с. 6]. Профессор Ремнев подробно рассмотрел вопросы, связанные с организацией системы управления в казахской степи, правильно отмечая, что этому «<...> способствовала смерть в 1817 г. хана Букея (Бокея), а в 1819 г. – хана Среднего жуза Вали (Уали). Российское правительство решило воспользоваться этим обстоятельством, чтобы вообще упразднить здесь ханскую власть и не назначать нового хана. Петербург переходит от системы косвенного управления к более жесткому подчинению казахского населения, вводя систему совместного управления, но только на низовом уровне и под контролем со стороны царской администрации» [1, с. 7–8]. Смеем отметить, что А.В. Ремнев хорошо знал историографию изучаемой проблемы не только российских, зарубежных авторов, но и казахстанских ученых. Он внимательно следил за публикациями, выходящими в Казахстане, и в своих поездках по республике заглядывал в книжные лавки и приобретал нужную литературу. Не раз обращался к коллегам в целях приобретения необходимой литературы, особенно по государственной программе «Культурное наследие», посвященной истории Казахстана.

В 2001 г. на второй по счету конференции «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)», которая состоялась в Кокшетауском государственном университете им. Ш.Ш. Уалиханова, профессор А.В. Ремнев в качестве модератора прекрасно руководил научной сессией, где выступил с докладом «"Естественные границы" империи и степь в геополитической конструкции М.И. Венюкова». Обращаясь к образу военного офицера Русского генерального штаба и активному сотруднику Русского географического общества М.И. Венюкову,

посвятившему жизнь исследованию Азиатской России и сопредельных ей стран, А.В. Ремнев сумел показать географию расширения пределов Российской империи с учетом этапов процесса имперского расширения в Азии. Казахстан был важным стратегическим регионом Азиатской России, и это понимали государственные деятели, дипломаты, военные и чиновники. На основе деятельности русского офицера и ученого Венюкова профессору Ремневу удалось показать величие Казахской степи, ее освоение в контексте расширения и укрепления пограничных рубежей Российской империи. Данная публикация ценна с научной точки зрения как объективная оценка процесса расширения границ Российской империи за счет сопредельных территорий, и здесь справедливо показаны цели военно-казачьей колонизации Казахской степи, реформы государственного чиновника М.М. Сперанского, да и сами взгляды Венюкова, отражающие внутреннюю и внешнюю политику России в Центральной Азии.

Основательным было выступление профессора А.В. Ремнева на форуме в стенах Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в 2003 г. В ту пору я работал в этом университете и принимал своих коллег из России. В докладе «Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы)» Ремневым были определены возможности ориентализма Российской империи второй половины XIX в. Кратко характеризуя геополитическое состояние Российской империи в середине XIX в. и особенно после её поражения в Крымской войне, которое по его словам «<...> ознаменовалось всплеском общественного внимания к Востоку и формированием новых политико-географических “образов” Российской Азии, географическое и этнографическое освоение зауральских территорий сопровождалось исследовательским бумом» [2, с. 84]. Основное внимание Ремнев уделил имперской географии новых территорий и народов, когда «география, этнография и история Востока, мотивированные потребностями “знания-власти”,

развиваются под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждавших имперские проблемы <...> можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяли различные варианты российского видения Востока» [2, с. 85]. Это выступление запомнилось мне новым подходом российского ученого в исследовании имперской политики в Азиатской России, когда в середине XIX в. казахский край окончательно вошел в состав империи. До Ремнева никто из казахстанских и российских исследователей не рассматривали в таком русле политику царизма в Центральной Азии.

Ученый скрупулёзно изучал архивные материалы, что не раз я это наблюдал в Государственном историческом архиве Омской области и Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Интересные сведения мы находим в одном из его докладов, посвященном Степному отделу Российского императорского общества востоковедения, открывшемуся в Омске в начале XX столетия. Здесь внимание ученого обращено на малоизвестные факты, свидетельствующие об интересе царской администрации к изучению восточных окраин империи, где, по мнению капитана Генерального штаба В. Попова, «<...> Омск ему виделся естественным центром для востоковедных исследований уже в силу того, что отсюда распространяется политическое и экономическое влияние России не только на Казахскую степь, но и на Монголию, и Западный Китай» [3, с. 71].

Нельзя не отметить актуальные работы профессора А.В. Ремнева, написанные в последние годы жизни и посвященные различным проблемам воинской повинности, ислама, языка, алфавита казахов и деятельности татар в Казахской степи в контексте имперской политики царизма в Азиатской России. В казахстанской историографии эти вопросы мало изучены и практически отсутствуют труды, где можно найти на них ответы. А.В. Ремнев часто бывал в научных командировках в

Казахстане и хорошо знал историографию изучаемой проблемы, об этом также можно судить по индексу цитирования им трудов казахстанских ученых. Если была интересная с научной точки зрения работа, то он обязательно делал ссылку на неё. Изучая вопрос, связанный с деятельностью татарских миссионеров в Казахской степи, Ремнев высказал интересную мысль по поводу политики империи в отношении ислама в 1860–1880-х гг., когда «<...> произошел поворот от политики веротерпимости (и даже покровительства) к ограничению влияния мусульманского фактора на казахское население <...> толерантная лексика в отношении ислама сменяется агрессивными обвинениями мусульман в фанатизме, невозможности мирного сосуществования двух религий и даже антиисламской фобии. Империя начинает позиционировать себя в качестве защитника народов, которые подвергаются экономической и культурной экспансии со стороны татар. Таким образом,

“мусульманский вопрос” в Казахской степи вобрал в себя помимо конфессиональной составляющей, опасение, что империя проигрывает на востоке империи культурную борьбу, а политика обрусения казахов, помимо традиционной угрозы мусульманского фактора из Центральной Азии, столкнулась с татарским национально-религиозным проектом» [4].

К сожалению, ограниченные рамки доклада не позволяют раскрыть актуальность и других трудов из научного наследия дорого нам человека. От себя скажу, что в одной из частных бесед Анатолий Викторович сказал, что почти заканчивает серию публикаций, посвященных некоторым вопросам русско-казахских отношений. Возможно, если объединить эти работы и систематизировать их по главам, то получится солидная монография, посвященная малоизученным вопросам имперской политики в Казахской степи.

Список литературы

1. Ремнев А.В. История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 175-летию образования Омской области. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. С. 6–14.
2. Ремнев А.В. Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность : тезисы докладов и сообщений Международного Евразийского форума (III научная конференция) / под ред. А.П. Толочко. Омск Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. С. 83–86.
3. Ремнев А.В. Степной отдел Российского императорского общества востоковедения // Народы Евразии: культура и общество : тезисы докладов и сообщений Международного Евразийского форума (III научная конференция) / под ред. С.А. Абдыманапова. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 71–73.
4. Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е гг. XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы : ежегодник / отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М.: Наука, 2006. Вып. 32. С. 238–277.

Секция 1

Вокруг империи: в поисках новых исторических нарративов

В.О. Бобровников

К ИСТОРИИ (МЕЖ)ИМПЕРСКИХ ТРАНСФЕРОВ XIX–XX ВЕКА: ИНОРОДЦЫ/ТУЗЕМЦЫ КАВКАЗА И АЛЖИРА

История империй колониальной эпохи (не обязательно и не во всем колониальных) обнаруживает немало поразительных совпадений в области восприятия ими своих окраин и колоний, социальных сетей и практик управления регионами империи. На это не раз указывала школа новой имперской империи, в числе других А.В. Ремнев. Тема моего доклада – трансферы колониального знания и имперских судебно-правовых практик в области так называемого инородческого/туземного управления. Немало интересных наблюдений в этом отношении представляет сравнительное синхронное изучение «горцев-мусульман» Кавказского края Российской империи и «туземцев-мусульман» Алжира во Французской колониальной империи. Основу доклада составили нормативные, документальные и нарративные источники на русском, французском и арабском языках, собранные в государственных и частных архивах и библиотеках Махачкалы, Тбилиси, Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Нью-Йорка и Токио. Хронологически работа охватывает период формирования французского Магриба и русского Кавказского края, занимающий в Алжире 1830–1900 гг., а на Северном Кавказе – 1844–1905 гг.

Что представляли собой разные категории неполноценных мусульманских подданных обеих империй, сконструированные здесь усилиями военных, законодателей, администраторов? Как инородцы и туземцы, точнее представители инородческих элит, отвечали на вызовы имперского законодательства и порой стремительно менявшейся внутренней политики? Что можно сказать о корнях инородческой политики империи и ее параллелях за пределами России, в других европейских и мусульманских державах

эпохи колониальных империй? Какую роль в полемике об инородцах и моделях туземного управления сыграли ученые, в том числе имперские эксперты? Как инородческая политика империи связана с национальными проектами ранней советской России?

Инородческий вопрос разрабатывался в России на протяжении целого столетия, если не дольше, он был связан с целым рядом преобразований в организации социального пространства и управления страной, от Александровского и Николаевского царствования через эпоху «Великих реформ» до «империи нацменьшинств» (Т. Мартин) в ранней советской России. Географически он относился к огромным по протяженности и различным по населению, хозяйству и культуре территориям на севере, востоке и юге страны. Инородческий дискурс важен не столько сам по себе, сколько в связи с множеством других «вопросов», от польского и еврейского до туземного и мусульманского. В Кавказском крае, в горных областях Северного Кавказа и степях Предкавказья, империя создала в XIX в. особые категории инородческого населения, получившего здесь наименование туземцев. Кавказ последней трети XIX и первой четверти XX вв. послужил полигоном для имперских реформ. Разработанная здесь система военно-народного управления была перенесена в Западное Закавказье и Туркестан, завоеванные Россией позднее.

После завершения завоевания и Алжир, и Кавказ были разделены на территории, находившиеся под военным и гражданским управлением. Особый тип косвенного управления на Кавказе получил название военно-народного, или военно-адатного. Его создателем был наместник, Кавказский князь А.И. Барятинский (1856–1862 гг.). Воплощение в жизнь его планов, с определенными коррективами, произошло в

наместничество младшего брата Александра II великого князя Михаила Николаевича (1862–1881 гг.). Система военно-народного управления предполагала сосредоточение власти в руках отдельных офицеров под руководством главнокомандующего Кавказской армией. Военно-народное управление апеллировало к недавно принявшим российское подданство туземным племенам (под которым здесь понимались в основном горцы), ища опору реформ в туземной сельской общине. Другой опорой имперского строительства стал понимаемый как «народный обычай» адат, противопоставляемый шариату, в котором имперские законодатели видели опасность антироссийских исламских движений (мюридизма). Решение опереться на общину отмечает перелом в системе местного управления туземцами и во французском Алжире. Интересно, что произошел он, как и на российском Кавказе, в конце 50-х и 60-е гг. XIX в.

Система, подобная российскому варианту военно-народного управления для кочевых инородцев и оседлых туземцев Кавказского края и Закаспийской области Туркестана, вводилась французами в Алжире. Здесь она развивалась в рамках «туземной», или «арабской», политики. Присоединение Алжира к Франции, как Кавказа и Туркестана к России, было совершено руками военных. Они же первоначально управляли обоими регионами. Поэтому в обоих случаях режимы косвенного управления туземцами разрабатывались военными властями и проводились в жизнь военными. Последние обладали в пограничье нередко неограниченной властью, что вызывало сильные расхождения между законодательными нормами инородческой и туземной политики и ее местным колониальным воплощением. Довольно большими полномочиями обладали начальники флангов и даже участков Кавказской линии. Похожее положение сложилось в Алжире 1830–1845 гг.

Истоки анализируемой системы управления нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских

политических образованиях XVI–XVIII вв. В частности, после завоевания Магриба полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни систему управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (махзен), в обязанности которой входил сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества. На первых порах сходная «туземная администрация» сохранялась во французском Алжире. Похоже, что и русские военные, впервые применившие военно-народное управление на Кавказе, переняли ее у турок (и иранцев). Однако по мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними. Но постепенно организация туземного суда и власти неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии.

По мысли имперской администрации, реформа обычного права и общины на окраинах имели целью подготовить переход аборигенов к полному принятию гражданства и распространения на окраины законодательства империи. В этом отношении больше всего аналогий можно обнаружить в законопроектах, связанных с осуществлением в России крестьянской реформы. Видение имперскими законодателями российских инородцев удивительно напоминает их восприятие крестьян, освобожденных от крепостной зависимости в 1861 г. Недаром структура и даже названия управления крестьянами и туземцами поразительно сходны. Для обеих категорий населения империи создавались сходные уровни местной власти: родовая или сельская община и волость. Сам принцип их построения свидетельствует о едином подходе к организации местной власти на

окраинах Российской империи и в русской деревне. Определенные параллели обнаруживают пореформенные народные суды и судебные учреждения в русской деревне. И те, и другие учитывали местный правовой обычай.

Чем объяснить параллели во французском Алжире и на российском Кавказе? Было ли это просто случайностью, закономерностью развития империй или заимствованием административно-политического опыта? Что служило источником для подражания? За исключением отдельных случайных совпадений это сознательный обмен опытом управления либо общие закономерности имперского строительства. Общим стереотипом эпохи колониальных империй было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX в. общеевропейским дискурсом власти и описанием колонируемого общества, разделяемым разными колониальными державами. Как показал Саид, в истоке его лежит французская философия Просвещения, которую хорошо знали и любили в России во время завоевания Кавказа. В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дикарей». Военная оккупация колонируемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных со всеми вытекающими из этого последствиями.

Алжир и Кавказский край принадлежали к числу первых колониальных приобретений Франции и России XIX в. Этим отчасти объясняется факт долгого существования на их территории экстраординарных режимов генерал-губернаторства и наместничества, напрямую связанных с правительствами метрополий. Алжир занимал первое место среди заморских территорий Франции, хотя система и режимы управления здесь неоднократно и часто менялись. То же можно сказать о Кавказском наместничестве 1844–1881 гг., восстановленном между двумя русскими революциями (1905–1917 гг.). Главным признаком колонии в обоих случаях был статус туземного населения

(франц. *indigénat*), автономного, ущемленного в правах по сравнению с гражданами метрополии или Центральной России. Туземный кодекс был отменен в Алжире лишь в 1914 г., а на Кавказе – после революции 1917 г. Массовая колонизация значительной части земель Алжира, Закавказья и Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. соединяла и Алжир, и Кавказ с Туркестаном с метрополиями. Система управления обеими колониями была довольно мозаичной, но в Кавказском крае она была сложнее, что было связано с более пестрым составом населения. Общей родовой чертой эпохи империй XIX – первой половины XX в. была переселенческая колонизация.

Трансфер моделей колониальных реформ шел через ученых, публицистов, дипломатов и военных. Последние стояли у истоков колониальной науки в Алжире и на Кавказе. Среди военных чиновников обеих держав на местах было немало увлеченных, хотя и непрофессиональных археологов и этнографов, на энтузиазме которых были осуществлены первые научные описания регионов. Основным предметом их научных изысканий стали «народный обычай» и «родовая община». Общие установки позитивистской науки последней трети XIX в. заставляли видеть в ней осколок первобытного быта и одновременно зародыш будущего устройства человечества. Не нужно представлять военных краеведов и этнографов эпохи империй простых исполнителей «социального заказа» колонизаторов. Связи науки и политики всегда были очень непросты. К пониманию важности науки правительство постепенно приходит в период разработки планов глобальных преобразований колоний и восточных окраин страны. С результатами ученых изысканий власти колониальной периферии и метрополии нередко знакомились из популярных переложений в публицистике. Этому способствовала и тесная связь французских и российских течений мысли XVIII – первой трети XIX вв. Важным каналом связи были переводы на русский язык французских ориенталистов. В качестве примера можно указать

компиляцию французских описаний норм шариата, изданную Н.Е. Торнау при поддержке II Отделения канцелярии Его Императорского Величества в 1847 г. Мусульманские элиты Алжира и Кавказа тоже включились в трансфер идей и образов империй.

Имперские чиновники не раз изучали опыт управления окраинами/колониями у своих соседей. Англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. Например, французские военные, подобно русским офицерам в Черкесии, Кабарде и Дагестане, собирали и записывали обычное право кабил в Алжире. При подготовке судебно-административной реформы 1860-х гг. российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции. Немало российских ученых и военных были командированы во второй трети на Ближний Восток и в Северную Африку. Среди них можно упомянуть казанского миссионера Н.И. Ильминского, географа П.А. Чихачева, генерала А.Н. Куропаткина и уже в советское время М.В. Фрунзе. В Архиве внешней политики Российской империи хранится немало донесений консулов российских представительств в Османской империи и французской Северной Африки, свидетельствующих об изучении ими местных систем управления. Не нужно, однако, преувеличивать значения таких заимствований. С одной стороны, имперские власти нередко третировали выходцев из местных элит, считая их неисправимыми дикарями. С другой – высшие чиновники Российской империи нередко пользовались ими для лоббирования собственных интересов в интригах, разворачивавшихся в центральных и региональных имперских ведомствах.

Режимы косвенного туземного управления и правовой статус туземцев вызывали в Российской империи и во Франции немало споров как в государственной администрации, так и среди туземных мусульманских элит. Критике инородческой политики посвящено большое количество литературы. В нее входят материалы ревизий последней четверти XIX

– начала XX вв. Приезжавшие из Петербурга на окраины комиссии неизменно находили множество случаев злоупотребления чиновниками властью, несоответствия анахроничных режимов косвенного управления общим нормам законов империи и современности, недовольства населения. Кроме того, представлявшие инородцев депутаты Думы разных созывов постоянно упрекали администрацию окраин в проведении антинародной колонизаторской политики, заявляя о нежелании «туземного населения» подвергнуться русификации и жить в условиях колониального режима с косвенным управлением, под властью анахроничных первобытных обычаев и произволом русских военных. Аналогичные упреки туземный статус вызывал во французском Алжире, где к его критике к тому же подключились европейские колонисты.

Некоторые историки (Дж. Слокум) видят в этом признак провала инородческой политики. Не стоит, однако, принимать на веру мнения ревизоров и жалобы инородческих депутатов. Выводы комиссий из центра во многом зависели от борьбы разных фракций имперской бюрократии. Они выражали скорее точку зрения одной из них, чем непредвзятое мнение, вынесенное из объективного анализа реальной обстановки на местах. Старые и опытные колониальные чиновники нередко критиковали такие комиссии за «легковесность» их выводов. Члены комиссий, да и инородческие депутаты Думы были мало знакомы с жизнью инородческой глубинки, которую любили описывать в патетических тонах. Последние были в большинстве своем юристами и публицистами, давно проживавшими в столице. Услышать мнение об инородческой политике самих туземцев не так-то просто. Вместе с тем имеются косвенные доказательства того, что у туземцев на Кавказе и в Алжире сложилась российская самоидентификация. Относительно эффективно работала туземная администрация и суд на местах.

По крайней мере, до 1920–30-х гг. инородческий дискурс продолжал оказывать

влияние на законодателей и чиновников. И хотя советская кампания 1920–30 гг. по преодолению «отсталости» имела с точки зрения властей успех, в позднее советское и даже постсоветское время тема интеграции коренных народов продолжала увлекать

политиков и ученых. Сконструированная колонизаторами туземная периферия империи послужила основой советского и национального строительства. Пережив «старый режим», пореформенная община стала базой для колхозного строительства.

В.М. Рышков

НА ПУТИ К КОЛОНИАЛЬНОМУ БУДУЩЕМУ: СИБИРСКАЯ ЭКОНОМИКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В настоящем докладе рассмотрены тенденции развития основных отраслей экономики Сибири под влиянием Первой мировой войны, проанализирована их региональная специфика. Нас интересует достаточно узкий ракурс этого широкого проблемного поля, а именно влияние военной мобилизации экономики на характер взаимодействия центра и периферии государства.

Основой сибирской экономики являлось сельское хозяйство. Война потребовала масштабных, невиданных ранее заготовок самой разнообразной сельскохозяйственной продукции. В европейской части России организация поставок легла преимущественно на земские органы. В Сибири, за отсутствием таковых, этим занимались непосредственно представители государственной администрации. Самоорганизация посредством участия кооперативных и предпринимательских объединений в налаживании заготовок здесь играла подчиненную роль. Систематическую заготовку продовольствия удалось наладить лишь к лету 1915 г. Но она носила дискриминационный по отношению к сибирскому крестьянству характер.

К такому выводу можно прийти сразу по двум основаниям. Во-первых, правительство пошло по пути регулирования заготовительных цен с использованием принципа региональной тарификации. Для Сибири оказались предусмотрены самые низкие в России заготовительные цены. По маслу они отличались на 40–50 %. Следовательно, участвовавшие в заготовках

сибирские крестьяне получали меньшую компенсацию за единицу поставленной государству продукции, чем сельские жители европейских территорий.

Во-вторых, для наиболее экономически перспективного животноводства государственное регулирование обернулось почти разрушительными последствиями. Сибирское маслоделие, будучи перед войной самой товарной и высокодоходной, ориентированной преимущественно на экспорт отраслью, заняло в государственной заготовительной политике особое место. Производимое в европейской части России масло, как и раньше, направлялось на удовлетворение нужд местного населения, тогда как армию решили обеспечить маслом сибирского производства. С начала 1915 г. правительство установило государственную монополию на заготовку этого продукта. Цены, первоначально близкие к рыночным, опустились к концу войны ниже уровня рентабельности, разорили маслоделов. Негибкая ценовая политика в области мясных заготовок обернулась усиленным забоем скота, сокращением поголовья, снижением качества стада.

Отраслевая структура сельского хозяйства Сибири к завершению мировой войны оказалась менее товарной. В региональном вывозе возросла доля сырых продуктов. И это несмотря на некоторые усилия по созданию здесь консервного производства. Более того, само наращивание вывоза лимитировалось не производительностью, а недостаточностью инфраструктуры – помещений для хранения и мощностей для переработки, удобных

путей вывоза, наконец. По вполне понятным причинам за годы войны не нашлось средств на строительство элеваторов, зернохранилищ, мясо- и маслохолодильников. Велось, правда, активное железнодорожное строительство. Но строившиеся ветки ориентировались на вывоз сырья, а не на обретение регионом собственных связей с внешним миром.

Индустриальный сектор сибирской экономики, будучи второстепенным по объему выпускаемой продукции, испытал даже более глубокое воздействие войны. Здесь прежде всего следует отметить интенсивный рост железнодорожных перевозок (за 1913–1916 г. – на 158 %) и даже увеличение рентабельности транспорта. Но если до войны железные дороги предоставляли сибирскому макрорегиону широкие возможности для расширения внутреннего производства, то теперь они стали высасывать из него ресурсы. Об этом свидетельствует анализ структуры грузопотоков, претерпевших кардинальные изменения. Война разорвала хозяйственные связи, переориентировала движение грузов в сторону фронта. Примерно в два раза возрос объем транзитных грузов, ввозимых в Россию через Владивосток. Практически все увеличение собственно сибирского грузооборота пришлось на вывоз сырья: каменного угля, хлеба, масла и мяса. Причем отчасти это произошло за счет сокращения внутреннего потребления. Напротив, ввоз в Сибирь товаров широкого потребления, а также оборудования и необходимого для обеспечения сибирских предприятий сырья сократился. Предприятия, связанные с переработкой (кожевенная промышленность, металлообработка и др.), несмотря на локальные меры по их модернизации, оказались в глубоком кризисе из-за недостатка сырья. По этой причине к 1916 г. стало невозможно поддерживать производительность многих предприятий, оставшихся вне централизованной системы снабжения. Государственные программы инвестиций в развитие сибирской экономики отсутствовали, а местными силами справиться с серьезными задачами оказалось

невозможно. Мобилизационный потенциал сибирской промышленности оказался почти ограничен уже имевшейся технологической базой и даже не собственным сырьем, а тем, что оставалось от его запасов после обеспечения предприятий Урала и центральных регионов России.

Сибирь долгие десятилетия являлась местом ссылки и каторги для политических и уголовных преступников. Местная интеллигенция воспринимала данное обстоятельство как символ зависимости окраины от метрополии и давно ставила вопрос об отказе от этой порочной практики. Мировая война принесла кардинальные изменения в пенитенциарную практику российских властей. С первых месяцев войны Сибирь стала местом ссылки сначала подданных враждебных держав, затем российских подданных, этнически связанных с воюющими против России державами. Сюда же направляли высланных из прифронтовых районов по подозрению в политической нелояльности и спешно отправленных в административную ссылку участников оппозиционных движений. Наконец, именно в Сибири оказалась сосредоточена около половины всех военнопленных. Все это словно опрокинуло время вспять, вернув Сибирь в то далекое прошлое, когда значительную долю вновь прибывавшего населения составляли узники и ссыльные. Оговоримся, что количественные параметры этих социально-демографических перемен даже современная историография представляет приблизительно, не говоря уже о масштабах влияния принудительно доставленных в Сибирь на ее экономику.

Хотя именно осмысление проблем военной экономики привило устойчивое понимание того, что для обеспечения безопасности страны в будущем нужно превратить Сибирь во «второй эшелон» стратегического производства. Однако практика способствовала как раз противоположным процессам. В военное время центральные и местные власти почти ничего не сделали ни для формирования в Сибири самостоятельной промышленности, ни для организации законченного цикла

производства и обработки сельскохозяйственной продукции. Напрямую или косвенно формируя условия межрегионального товарообмена, государство вело себя как метрополия по отношению к колониальной окраине. Сибирь в 1914–1917 гг. сделала шаг от хозяйственной самостоятельности, которая с таким трудом завоевывалась в предшествовавшие десятилетия и находилась еще в зачаточной стадии, обратно к положению экономически зависимой окраины, эксплуатируемой в интересах имперского центра.

Другое дело, что начавшаяся февралем 1917 г. пятилетняя эпоха революции и

Гражданской войны обернулась колоссальным потрясением всего хозяйственного организма России в целом и каждого ее региона в частности. Дальнейшая эволюция многих заложенных в годы Первой мировой войны тенденций оказалась надолго прервана. Много лет спустя советская власть пошла по пути индустриализации Сибири нагоняющим темпом. Но общий вектор взаимодействия Центра с окраинами, в которых экономика периферии полностью подчинена имперским целям, окончательно сложился в первое советское десятилетие и достиг своего логически завершеного вида в рамках сталинской хозяйственной модели.

Д.А. Аманжолова

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОБЮРОКРАТИИ В 1920-е ГОДЫ

Большевизация национальных кадров происходила одновременно со становлением советской политической системы и была ее непременным условием. Укрепляя власть, большевики активно и целенаправленно искали и апробировали разные средства, прежде всего выявление и привлечение лояльных представителей коренного населения, а также включение в них испытанных партийной историей деятелей, хотя бы минимально знакомых с этнокультурной спецификой региона. Им надлежало «помогать» националам верно действовать в рамках заданной парадигмы строительства социализма, олицетворяя курс на самоопределение и равенство народов.

В ходе реализации этой политики именно формирование советского управленческого класса из представителей титульных этносов составило одну из наиболее сложных проблем. С одной стороны, неизбежное привлечение так называемой старой интеллигенции, признавшей новую власть, обнажило противоречия между националами и посланцами большевистского центра в понимании способов нациестроительства и ненадежность первых. С другой стороны, выдвижение представителей трудящихся

классов наталкивалось на необходимость длительных и разносторонних мер по повышению их общеобразовательного и политического уровня. Острый дефицит надежных национальных кадров бюрократии усугублялся ее стремлением к большей самостоятельности, требованиями к Центру больше учитывать этносоциальную и региональную специфику советских преобразований, а также не менее болезненными проявлениями внутриэлитной конкуренции и межэтническими противоречиями.

Образование СССР с разноуровневыми компетенциями и полномочиями субъектов Союза и РСФСР, разработка общесоюзной конституции, а также аналогичных правовых актов для союзных и автономных образований привели к активизации этнополитической элиты. Как известно, 7–25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б) осудил «национал-уклонистов», прежде всего в Грузии. 9–12 июня 1923 г. состоялось 4-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по

основному вопросу был И.В. Сталин. Большое значение имел представленный на совещании от имени ЦКК доклад В.В. Куйбышева о «деле» М. Султан-Галиева, которого обвинили в уклоне к местному национализму. Было решено учредить в составе ЦИК СССР две равноправные палаты (Союзный Совет и Совет Национальностей). Закрепление сталинской линии в этнополитике после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех парторганизаций Востока [1].

Однако продолжающиеся административно-территориальные преобразования, неясность принципов взаимоотношений субъектов федерации с Центром и между собой, законодательных и иных возможностей, статуса органов управления и власти автономий, неопределенность положения Совета национальностей и роли автономных республик и областей РСФСР в новой конфигурации политической системы порождали новые инициативы лидеров национальных регионов, хотя их парторганизации далеко не всегда возглавляли представители титульного этноса.

2 января 1926 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание руководителей партийных организаций регионов с тюркоязычным населением – Казахстана, Средней Азии, в т.ч. Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана) под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова. Участники обсуждали важные проблемы формирования национального политического класса в республиках с мусульманским коренным населением, а также реализации советской этнополитики, прежде всего с точки зрения укрепления влияния власти в этносоциальных общностях на основе их классового расслоения.

В самом начале заседания секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.С. Зеленский, кратко охарактеризовав ситуацию в регионах, выделил круг

основных проблем, которые затем обсуждали секретари парторганизаций на примере своих республик: рост «националистических» элементов (панисламизм и пантюркизм), связь членов партии с «националистическими» буржуазными элементами и их влияние на партию, рост национального сознания коммунистов и «тенденция стать ближе к управлению», проблема подготовки новых кадров, развитие партийного строительства и созыв нового национального совещания [2].

Как видно из документа, во всех республиках наиболее сложными для большевизации управленцев-националов и советского государственного строительства оказались проблемы взаимодействия присланных из Москвы руководителей (как их тогда называли европейцев, имевших отличную от коренного населения этническую принадлежность) с традиционной элитой и интеллигенцией, прямо и опосредованно влиявших на местное чиновничество, на характер и смысл реализуемых центром проектов преобразований. Особую роль в становлении системы и кадров управления играли не только вовлекавшиеся поначалу в органы власти лояльные представители бывших национальных партий и движений (так называемые националистические буржуазные элементы), но и основанные на многовековой социальной иерархии внутриэтнические противоречия. Так называемая группировочная борьба была особенно характерна для нарождавшейся советской бюрократии таких республик, как Казахстан, Крым, Киргизия, Бурят-Монголия, Юго-Осетия, Каракалпакия, Дагестан, Татария [3, с. 355–359]. Практически все выступавшие констатировали серьезные трудности в решении задач по формированию новых кадров национальных управленцев (коренизации), которые объективно не успевали получить должное образование и достичь необходимого уровня общей культуры. В то же время специалисты с досоветским опытом и лучшей подготовкой не устраивали власть по идейным соображениям. Большевизация и

национализация власти посредством создания управленческого класса с априори заданными параметрами обернулись большими сложностями. Трудности гармонизации межэтнических отношений и языковой политики при необходимости проводить ускоренную социально-экономическую модернизацию на классовой основе усугубляли ситуацию. Партийные лидеры республик, как видно из текста документа, надеялись получить в ЦК РКП(б) конкретные рекомендации по поводу методов и средств социально-политической консолидации этносообществ на основе советских преобразований. Большое место в обсуждении заняли вопросы организации взаимодействия союзных, российских и автономных органов управления и власти, которые вызывали много нареканий, проблемы использования русского и национальных языков в делопроизводстве всех инстанций и уровней, а также явная неспособность Совета Национальностей полноценно представлять и отстаивать интересы разных народов – как получивших свою политическую «крышу», так и меньшинств, дисперсно населяющих всех регионы огромной страны.

В этих условиях большого напряжения и внимания к координации работы сверху донизу, обеспечению постоянного взаимодействия с разными ведомствами в центре и на местах, в том числе по горизонтали, требовалось от Отдела национальностей ВЦИК. Ему приходилось заниматься этими вопросами и в связи с трудностями становления федерализма, когда автономии с трудом находили взаимопонимание в общероссийских ведомствах, многие из которых работали как объединенные для субъектов РСФСР. В сентябре 1925 г. Отдел, в частности, направил в Секретариат СНК РСФСР служебную записку в защиту представителей автономий, не получавших оперативной информации и права участвовать в решении касающихся их вопросов в Совнарком [4, с. 43].

Несмотря на согласие, что «мы до сих пор мало занимались национальными республиками», идею провести новое

совещание по национальной политике В.М. Молотов отверг. Признав, что непосредственно с вопросом «знаком не очень хорошо» и подтвердив: «национальный вопрос будет иметь решающее значение», – один из высших руководителей партии сделал весьма путаное заключение. Его резюме, завершенное словами «Какие решения? Просто никаких решений не будем принимать» [1], можно считать свидетельством сложившегося в руководстве мнения о достаточности принятых ранее мер и неизменности избранной стратегии.

Между тем круг обсуждаемых вопросов и содержание выступлений участников совещания представляет несомненный интерес для понимания общих и специфических проблем реализации советской этнополитики в республиках с коренным тюркоязычным населением, роли отдельных центральных ведомств и органов власти, занимавшихся национальными вопросами после принятия Конституции СССР. Продолжавшиеся дискуссии, в том числе о полномочиях и компетенции субъектов РСФСР, привели к тому, что 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин», которое обсуждало вопросы национальных автономных объединений в РСФСР в связи с работой Комиссии ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина. Предложения участников, среди которых были и лидеры парторганизаций, представленных на совещании 2 января, а также руководителя Немецкой автономий, легли в основу согласованной резолюции. Здесь также обсуждались вопросы о задачах Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и о вовлечении националов в руководящие органы (наркоматы и им равные) РСФСР. Так, на основе практического опыта националы и их представители в центральных структурах (в т.ч. С. Асфендиаров, глава Отдела национальностей ВЦИК) справедливо

считали крайне важным убрать бюрократические барьеры между ВЦИК и национальными республиками и даже перевести автономные республики в союзные [4, с. 44 – 71].

Позиция лидеров национально-государственных образований и их отношения с центральной властью в советской истории и современности

представляют важнейшую часть комплекса мер по обеспечению целостности страны со сложным этносоциальным составом населения, устойчивости ее политической системы, эффективности внутренней и внешней политики, межкультурной интеграции и гражданской консолидации общества.

Список литературы

1. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.: стенографический отчет. М., 1992. 293 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 5, 40.
3. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. 784 с.
4. Подробнее см.: *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. 832 с.

С.А. Мулина

ПАМЯТЬ О СИБИРИ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект № 13-01-00070.

На формирование польского образа Сибири большое воздействие оказала карательная политика самодержавия. Польская ссылка создала «черную легенду» Сибири, образ «проклятой земли», «ледяного пекла», «края вечных снегов и вечной тоски», получивший широкое распространение в польской мемуарной прозе, поэзии и художественной литературе XIX в. [1]. В литературных произведениях и художественных полотнах на первый план неизменно проступал мотив ужаса, вне зависимости от того, имел автор собственный сибирский опыт или никогда не был за Уралом [2]. События начала XX в., прежде всего восстановление независимого польского государства, должны были изменить традиционное восприятие поляками Сибири, освободить их от «сибирского комплекса» и позволить взглянуть на Зауралье «взглядом нейтрального зрителя». Адьютант Ю.

Пилсудского Мечислав Лепецкий писал: «Наша страна свободная, младшее поколение уже даже не помнит лет неволи, а Россия, как и Сибирь, для нас только географическое понятие, не отличающееся от Англии, Франции или же Аргентины» [3, s. 26]. Он дважды побывал в Сибири, в 1933 г. и 1936 г. Описывая свои путешествия, Лепецкий ставит задачу представить образ Сибири «без предрассудков», «не вызывая на уста проклятия». Ревизионизм автора наиболее ярко проявился в описании села Акатуй, где находилась знаменитая Акатуйская каторжная тюрьма. Эта, с точки зрения путешественников XIX в., «самая печальная» местность во всем Забайкальском крае вызвала у Лепецкого совершенно иное чувство – «не ужас, а восхищение» [3, s. 294].

Насколько подобный «объективный» подход к сибирскому вопросу» нашел отражение в работах иных польских

публицистов и писателей – Александра Янты-Полчинского, Фердинанда Оссендовского и т.д. – вопрос спорный. С одной стороны, эти произведения, несомненно, отличаются от польско-сибирской прозы более раннего периода рядом акцентов. С другой стороны, авторы межвоенного периода, описывая Сибирь, сталкиваются с иной политической реальностью. Антибольшевистские настроения становятся той почвой, которая вновь искажает взгляды польских обозревателей. Например, острые споры вызывало и вызывает литературное наследие польского путешественника, журналиста, общественного деятеля, состоявшего в годы гражданской войны на службе у А.В. Колчака, Фердинанда Оссендовского. Его роман «И звери, и люди, и боги» [4], перевод которого на польский язык появился в 1923 г., вызывал живой интерес общественности и одновременно критику специалистов, пытающихся уличить автора в фактических неточностях и политических инсинуациях.

Интерес к Советской России и происходящим там переменам породил значительное количество «туристической» литературы о восточном соседе Второй Речи Посполитой. Но польские репортажи из страны Советов, несмотря на искреннее желание авторов быть объективными, содержали массу заблуждений, порожденных как «наивностью» репортеров того времени, так и усилиями советской власти по моделированию образа советского государства напоказ [5].

Выше указанные источники мало информации давали польскому читателю о сибирском регионе, в то время как потребность в такого рода знаниях присутствовала. Создание независимого польского государства актуализировало изучение героической борьбы польского народа с российским самодержавием. «Черная легенда» Сибири увеличивала ценность польской свободы, тем более что сибирское прошлое имели многие известные политические деятели польского государства, в том числе «великий сибиряк» Юзеф Пилсудский. Образ польского политического ссыльного оставался

социально значимым. Книги о Сибири можно было встретить практически в каждом польском доме [6, s. 6]. Все это создавало у поляков уверенность, что «Сибирь никогда не исчезнет из памяти, сколько бы ни было там тяжелых и неприятных воспоминаний, сколько бы ни было каторг, принудительных арестантских работ, тюрем, расстрелов, сколько бы ни было концентрационных лагерей и чрезвычайных судов» [7, s. 29].

Амбиции старого поколения сибиряков подкреплялись публикацией мемуаров и других исторических материалов, касающихся освободительной борьбы поляков. Большую роль в выявлении и тиражировании подобных материалов играл «Союз сибиряков» и его печатный орган – журнал «Сибиряк», основанный в 1934 г. Их деятельность способствовала укреплению в общественном сознании образа политических ссыльных как героев, окруженных нимбом благородства и мученичества. Третий съезд сибиряков (18 июня 1833 г.) подчеркивал, что Сибирь каждому напоминает страшную цену потерь, которую польский народ заплатил за ошибки своей политики и за недостатки своего бывшего устройства. Поэтому на сибиряков накладывается обязанность бдительной сигнализации обо всех опасностях, угрожающих государству, и мобилизации общей воли общества для сопротивления всему, что вносит расстройство в нашу национальную жизнь.

Во втором номере журнала «Сибиряк» была размещена анкета, включающая в себя вопросы об отношении читателей к тематике журнала. Редакция спрашивала, интересуется ли читатель сибирскими вопросами, пробовал ли написать воспоминания об этом крае, имеет ли собственные или чужие заметки, фотографии, газеты, документы, связанные с Сибирью [8, s. 55]. Созданная позднее историческая секция Союза Сибиряков разработала более детальную анкету, где, кроме выше упомянутой информации, требовалось указать личные данные и назвать причины, по которым читатель в свое время оказался в Сибири. Анкета

предлагала ответить на вопросы, входил ли читатель в польскую организацию в местах ссылки, каковы были цели этой организации, её численность, а также охарактеризовать собственную деятельность в Сибири [9, s. 26]. Нам не известны итоги этого своеобразного анкетирования, но само по себе появление таких опросников позволяет говорить о наличии интереса к выявлению мемуарного наследия ссыльных.

В межвоенный период было опубликовано несколько воспоминаний участников польского восстания 1863 г. (например, Владжимера Четвертинского, Вацлава Лясоцкого), но основную часть воспоминаний, увидевших свет в межвоенные десятилетия, составили воспоминания тех, кто познакомился с Сибирью на рубеже XIX–XX вв., а также в годы революции и гражданской войны. Появление новых источников активизировало интерес профессиональных историков. Большинству работ по истории польской ссылки межвоенного периода был свойственен героико-мартирологический дух. Активизация научной деятельности, многочисленные дискуссии, прошедшие в Польше в 1920–1930-е гг. по отдельным вопросам польского освободительного движения [10], имели чрезвычайную важность для становления польской науки, способствовали выявлению и накоплению материалов по польско-сибирской истории, но практически не изменили традиционного восприятия Сибири польской общественностью.

Россия, в том числе и Сибирь, продолжали занимать большое место в польской политической мысли. Речь идет прежде всего, о прометеизме – политическом проекте, представленном главой Второй польской республики Юзефом Пилсудским. Его целью было ослабление Российской империи путем организации под покровительством Польши унии народов, покоренных Россией, или тех, которым грозила её экспансия. Идея величия Второй Речи Посполитой подкреплялась разного рода мессианизмами и сверхдержавными идеями, доказывавшими, что физическая граница государства не может быть границей

польских интересов и устремлений. В данном случае Сибирь – страна, в которую прокладывали дороги целые поколения польских ссыльных, становилась важнейшей целью польской культурной и хозяйственной экспансии. Даже в геополитических условиях межвоенного времени, когда Советская Россия являлась закрытой для Европы территорией, поляки продолжали верить, что Сибирь «еще может стать великим рынком сбыта польских товаров».

Имперское прошлое позволяло полякам надеяться, что Сибирь останется сферой польской культурной экспансии. В редакции «Сибиряка» этот вопрос прозвучал в более глобальном цивилизационном контексте: «окончена ли наша роль в историческом развитии восточных народов или нам необходимо искать новые пути, чтобы по-прежнему выполнять нашу миссию в обмене материальных и духовных достижений между Западом и Востоком» [11, s. 8]. Политические реалии межвоенного периода делали достаточно сложным с политической точки зрения процесс налаживания контактов России и Польши, поэтому дореволюционная модель цивилизаторской миссии поляков в России трансформируется. «Все взгляды на широкое польско-российское и польско-сибирское культурное или хозяйственное сотрудничество, при котором могла бы быть возможна добровольная эмиграция избытка польской интеллигенции в Россию, – писал польский востоковед и геополитик В. Бончковский, – ... является фантазией и вредной утопией, так как деморализует сибиряков и их окружение...». В новых условиях «не наивный взгляд на Россию, не далекие последствия воспоминаний о дешевом сибирском масле, отличной баранине, рыбалках, начинающих уже от входных дверей собственного дома, должен быть задачей сибиряка, но достойное представление исторической истины, говорящей о железной конкуренции, и мирной, и военной, какая существует между Москвой и Польшей – это собственно и есть великая задача сибиряков» [12, s. 3].

Еще один аспект в восприятии Сибири, порожденный реалиями Второй Речи

Посполитой и идеями прометеизма, – это федералистский взгляд на Сибирь. В ППС со времени 3 съезда (июль 1895 г.) формально действовало постановление, согласно которому «угнетенные народы» рассматривались силой, «которая при соответствующих условиях будет решать судьбу царизма» и, следовательно, лучшим средством свержения царизма станет «отделение от сегодняшнего российского государства угнетенных царизмом народов» [13, с. 36]. Нерешенной в этом проекте оставалась дилемма: можно ли русских считать угнетенным народом, а значит и потенциальным союзником в борьбе с царизмом, или же наоборот – русский народ органически сросся с государственной идеей имперской России, жертвами которой являются Польша и другие нерусские народы? В рамках этой установки в межвоенный период на страницах польской печати был поставлен вопрос об оказании помощи сибирским народам в деле освобождения от «московских оков». Сибирь, охваченная «брожением национального возрождения», следуя

историческому примеру Северной Америки, должна стать классической страной, «ожидающей рождения нового Вашингтона».

В целом восстановление польской государственности только укрепило «повстанческую традицию» в научной, общественной и политической мысли Польши. Воспоминания ссыльных, в большом количестве опубликованные в межвоенный период, способствовали укреплению старых шляхетских традиций в восприятии Сибири как места изгнания, страдания, смерти. Несмотря на то, что уже не было столь жесткой цензуры, как в имперские времена или в период Народной Польши, на авторов давил социальный заказ, и большинство опубликованных в межвоенный период мемуаров были нацелены на продолжение изучения героической истории борьбы польского народа за независимость. А значит, образ Сибири в сознании поляков и «с проклятиями», и «без проклятий» во многом оставался в рамках мемуарной традиции XIX столетия.

Список литературы

1. *Trojanowiczowa Z.* Sybir romantyków / w oprac. materiałów wspomnieniowych uczestniczył Jerzy Fiećko. Poznań: Wdrodze, 1993. 602 s.
2. *Слизовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность [Электронный ресурс] // Новая Польша. 2010. № 1. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1262> (дата обращения: 07.04.2014).
3. *Lepceki M.* Sybir bez przekleństw: podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2012. 297 s.
4. *Оссендовский Ф.* И люди, и звери, и боги [Электронный ресурс] // География – Geografia. URL: <http://www.geografia.ru/ossend1.html> (дата обращения: 07.04.2014).
5. *Гондович Я.* Театр в тюрьме. В поисках правды об СССР. Польский репортаж межвоенных лет [Электронный ресурс] // Новая Польша. 2010. № 2. URL: <http://novpol.ru/index.php?id=1269> (дата обращения: 07.04.2014).
6. *Syberja – druga Ojczyzna Polaków* // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 1. S. 6–7.
7. *Zemło J.* Syberjanieznikazpamięci // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 1. S. 28–29.
8. *Ankieta* // Sybirak. 1934. Nr. 2. S. 55.
9. *Ankieta Sekcji Historycznej* // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 3–4. S. 26.
10. *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią. Lwowskie debaty o powstaniu styczniowym (1864–1939). Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2001. 404 s.
11. *A. Z.* Musimy być awangardą! // Sybirak. 1934. Nr 1. S. 7–9.
12. *Bączkowski W.* Istota problemu tradycji syberackiej // Sybirak. Warszawa, 1934. Nr. 3–4. S. 1–4.
13. *Новак А.* Россия в польской политической мысли XX в. // Историк и художник. 2008. № 1–2 (15–16). С. 25–42.

ИСЛАМ И ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ

Современные исследователи истории ислама в Советском Союзе сходятся на мнении, что в послевоенный период сложилась особая идентичность советских мусульман, гармонично сочетавшая в себе преданность социалистическим идеалам, использование официальной риторики и ассоциацию с исламской идеологией и практикой [1; 2]. Главным образом, изучение этой идентичности и вообще культурного опыта советских мусульман основывается на анализе письменных (обычно официальных русскоязычных делопроизводственных документов) или этнографических источников [3; 4]. Визуальное обычно воспринимается как дополнение, иллюстрация к тому, что сообщает текст. Важным исключением из этой тенденции служит недавнее обращение В.О. Бобровникова к визуальному языку советской пропаганды, а именно к плакатам раннего советского периода, на которых активно использовалась стилистика ориентализма [5]. Если плакаты выстраивают вертикаль и иерархию, их язык императивен, поскольку это обращение власти к народу, то фотография чаще обращена в горизонтальную плоскость, создаваясь и циркулируя в некоторой социальной группе. Фотография (как и плакаты) – очень информативный, но сложный источник, поэтому не удивительно, что в книгах и статьях о советском прошлом фотографии обычно служат иллюстрацией авторского нарратива. Тем не менее имеет смысл обратить пристальное внимание на сами фотографии советских мусульман как самостоятельный культурный феномен, имеющий потенциал для более широких дискуссий о проявлениях советского и постколониального опыта мусульман России. Кроме того, фотографии рассказывают нам историю о транснациональных и трансрегиональных связях, практически забытых в довольно

многочисленных исследованиях по отдельным областям и регионам.

В этом докладе я постараюсь поставить проблему интерпретации фотографий и фотоальбомов советских мусульман послевоенного периода с опорой на работу, сделанную С.Н. Абашиным в его фундаментальной монографии о советском кишлаке [6].

Имеющиеся в моем распоряжении сканы фотографий были сделаны с оригиналов, хранящихся в нескольких частных архивах – Абдулбари Исаева в Санкт-Петербурге, Аббаса Бибарсова в с. Средняя Елюзань Пензенской области, Габделхабира Яруллина в Казани, Изуддина Магомедова в с. Муни Республики Дагестан и Муртазали Якупова в с. Чиркей Республики Дагестан. Каждый из этих архивов сложился в советский период и имеет сложный характер: здесь есть и старые арабские рукописи, и проповеди советского времени, дневники, письма и, конечно, многочисленные фотографии. Каждый частный архив имеет свою специфику и должен анализироваться как самостоятельная информационная единица. Тем не менее эти архивы красноречиво свидетельствуют о наличии тесных социальных связей внутри группы советского исламского духовенства, в том числе через рассылаемые друг другу копии фотографий, поэтому рассмотрение одного типа визуальных источников отдельно имеет право на существование.

Если рассматривать фотографии всерьез, то перед нами может быть как минимум две опции для обсуждения их значимости: 1) читать их как текст, т.е. пытаться интерпретировать то, что непосредственно изображено на каждом из снимков и их совокупности; 2) погрузиться в культуру фотографии: что, кем и как должно было изображаться, какого эффекта хотел добиться фотограф, каков язык общения фотографии с аудиторией.

Фотография как текст

Чтобы хоть как-то упорядочить более двух тысяч сканов фотографий, я попытался их классифицировать тематически. В первую очередь меня заинтересовала такая тема, как церемониал в духовных управлениях. Из того, что мы видим на фотографиях, я выделил церемонию выборов муфтия (1951 г., 1975 г., 1980 г.), встречи делегаций из мусульманских стран, демонстрацию копии Корана 'Усмана и шкатулки с волосом Пророка Мухаммада на главных праздниках, похороны исламских деятелей и возложение венков к памятнику В.И. Ленина. Почти каждая из этих церемоний в том виде, как она отражена на фотографиях, несет в себе симбиоз исламских и советских практик. Например, если в 1951 г. выборы муфтия происходили в мечети г. Уфы, то в 1975 г. и 1980 г. муфтии избирались в специальном зале с президиумом, стульями для делегатов, выборы сопровождалась речами и голосованием, иногда на фоне портрета Ленина. Похожую картину советизации исламских практик мы наблюдаем на фотографиях с пленумов и конференций духовных лиц.

Особый пласт «очевидной» информации на фотоснимках связан с этнографией: нередко в кадр попадали обычные люди, скорее всего не специально одевшиеся для съемок. На снимках с многолюдной толпой на праздниках мы видим популярные широкополые шляпы. Их

не снимали даже во время молитвы. В 1950-е гг. мы видим седоволосых с длинными бородами и одетых в тулупы верующих, прошедших через гонения на религию. Их лица не театральны, хотя очевидно, что фотограф хотел запечатлеть в толпе именно их.

Женский вопрос занимает особое место. Мы часто видим на снимках супруг духовных деятелей, обращает внимание на себя то, как они одеты в домашней обстановке. Мы не увидим со вкусом подобранных платков с заколками, а лишь белую шаль, по-бухарски свободно покрывающую голову и плечи представительниц слабого пола. Очевидно, что такие платки набрасывались, лишь когда приходили гости.

Обычно при публикации подобных фотографий исследователи ограничиваются пояснением того, кто именно на них изображен. В самом деле, если обратить внимание на «номенклатуру» духовных деятелей, то можно попытаться реконструировать социальные связи между ними, прочные и слабые контакты. Например, имам ленинградской мечети, а позднее муфтий Габделбари Исаев (1907–1983 гг.) и муфтий САДУМ Зияутдин Бабаханов (1908–1982 гг.) знали друг друга очень хорошо, их совместные фотографии, в том числе в семейном кругу, мы встречаем с 1950-х гг.

Ориентализм или самоориентализация?

Если попытаться отойти от поверхностного текстуального прочтения советских фотоснимков, то мы увидим нечто большее. Например, намеренное стремление самоориентализироваться, представить себя и мир вокруг себя частью экзотического Востока. Об этом говорит одежда, которую выбирали духовные лица для официальных церемоний, зная, что они будут сниматься на камеру. Эта одежда – роскошные среднеазиатские («бухарские») халаты, изощренно украшенные тюрбаны – с одной стороны, подчеркивала живучий «исламский престиж Бухары» [7], а с другой стороны, создавала экзотическую ауру, особенно

контрастировавшую с повседневностью брежневского застоя. Стоило бывшему мастеру по деревообработке переодеться из серого костюма в чапан с чалмой, он тут же превращался в обладателя сокровенных знаний, восточного мудреца. Такой образ, создавался в сознании советских людей послевоенной поры через литературу, пропаганду и кинематограф. На некоторых фотографиях уровень такой ориентализации настолько высок, что создается впечатление, что Советского Союза не было. Советская реальность нисколько не отражена на таких фотографиях, передающих атмосферу собрания ученых-*'улама*.

Арабографическая книжность, обильно представленная на фотоснимках, казалось бы тоже должна работать на легитимацию статуса советских исламских деятелей, но тропы саморепрезентации иногда уведут нас в другом направлении: пожилой человек в очках с толстой книгой в руках на фоне шкафов с богатой библиотекой – далеко не обязательно имам или муфтий, это скорее визуальный троп для изображения людей творческих профессий, интеллигенции. Особенно если фотограф не был сам носителем той культуры, которую он снимал, от него можно было ожидать воспроизведения стереотипов из более широкой социальной среды.

Более всего духу ориентализма были подвержены студенты из Европейской части России, отправлявшиеся на учебу в медресе

Мир-и ‘Араб в Бухаре. Они любили снимать средневековую тимуридскую архитектуру и фотографироваться на ее фоне, потому что она воспроизводила их представления о загадочном Востоке. Причем студенты не вели себя только, как туристы, они сами участвовали в создании этого Советского Востока. Простой пример: во время поездки в г. Хива татарский студент, а позднее уфимский имам Аббас Бибарсов увидел группу людей, пивших чай на подушках. Бибарсов снял калоши, присоединился к компании, взял в руки пиалу и попросил спутника сфотографировать его в таком антураже. Получившийся снимок по стилистике с легкостью можно было бы добавить в «Туркестанский альбом» (1865–1872) А.Л. Куна.

Список литературы

1. *Abashin S.N.* A Prayer for Rain: Practicing being Soviet and Muslim // *Journal of Islamic Studies*. 2014. Vol. 25. № 2. P. 178–200.
2. *Tasar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Ph. D. Dissertation. Harvard University, 2010. 585 p.
3. *Бабаджанов М.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б.* Мухаммаджан Хиндустани о формировании «советского ислама» в Средней Азии // *Восток*. 2004. № 5. С. 43 – 59.
4. *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань, 2006. 220 с.
5. Плакат Советского Востока. 1918–1940: альбом-каталог / сост. М. Филатова при участии В. Бобровникова. М., 2013.
6. *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. СПб., 2015. 848 с. (Десятый очерк «Ошобинские альбомы»).
7. *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston, 2012.

А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева

В ПОИСКАХ НОВОЙ МИФОЛОГИИ ИСТОРИИ: НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ

В докладе обсуждаются проблемы развития новых сакральных пространств, оказывающих заметное влияние на культурный ландшафт современной России. В центре внимания – результаты исследования сакрального центра в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области. Рассмотрены археологический фактор как основа хронотопа сакрального комплекса, новые

нарративы и причудливое мифологическое осмысление исторического процесса, взаимовлияние сакрального центра и медиапространства. Проанализированы идеология и мифология истории, характерная для разнообразных новых религиозных движений, получивших развитие в рамках Окуневского сакрального центра.

«АЗИЯ», «КИТАЙ», «ВОСТОК»: ПОСТИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ «КИТАЙСКОГО» РЫНКА

Привычным и кажется уже неотъемлемым элементом сибирских и дальневосточных городов России в последние 20-25 лет стали этнические и прежде всего «китайские» рынки. Превращающиеся по выражению В.И. Дятлова в «уходящую натуру» [1, с. 249–288], такие рынки осмысливаются в нешироком спектре исследований с позиций их экономических функций [2, с. 104–123], внутренних механизмов жизнедеятельности [3, с. 166–187], инструментов этнизации городского пространства [4, с. 8–19]. Однако функции этих объектов, как мне представляется, заметно шире уже в силу комплексности самого феномена, его тесной связи не только с городом, но и включенности в трансграничные экономические потоки.

Широкий спектр живых и неживых актантов (в терминологии Брюно Латура [5, с. 199–223]), включенных в жизнь рынков, обуславливает, на мой взгляд, существование и не менее широкого спектра символов и смыслов, которые они несут. С этой точки зрения «китайский» рынок представляется чрезвычайно интересным комплексом таких символов, интерпретация которого выводит далеко за пределы собственно рынка. В своем тексте я попытаюсь взглянуть на «китайский» рынок как на своего рода линзу, фокусирующую представления городского сообщества о Китае, Азии, Востоке. Это пространство, возвратившееся в повседневность России в конце XX в., в массовом сознании и медиа рефлексировалось не только как самостоятельные государства и общества, но и во много как бывшая периферия Российской империи. Символическое возвращение этой периферии из области «внешнеполитической», отделившейся от горожанина в советскую эпоху, в сферу повседневного постсоветского города потребовало конструирование новых образов и связей. Пережитое почти столетие назад

собственно постимперское переживается по-новому как реальность сегодняшнего дня, чему в немалой степени способствует властная риторика об «естественном» и «историческом» партнерстве.

Динамика развития «китайских» рынков в городах Сибири и, в том числе в Иркутске, превращает этот новый для России феномен в чрезвычайно удачный инструмент для подобных рефлексий. Здесь, в ограниченном пространстве торга и контакта, концентрируются люди, вещи, практики, которые не только репрезентируют «другое», но и позволяют выделить его из городской экономики, обособить как специфическое пространство. Среднестатистический горожанин, не искушенный ни в экономике, ни в теории этничности, легко различает «китайский» и иные рынки, проводя границу не только по внешним атрибутам, но и по экономической, социальной и иным специализациям.

Разведение рынков вообще и «китайских» рынков как особого явления приводит к потребности определить, назвать последние. Поскольку под рынком в современном контексте все чаще понимаются крупные торговые комплексы (например, в Иркутске – «Центральный», «Ручей» и другие, представляющие собой более современные, «регулярные» формы торговли), устоявшееся с 1990-х гг. название «китайский» рынок требует если не замены, то некоего уточнения. Так в рефлексиях горожан появляется почти ушедшее слово «базар», противопоставляемое «рынку» как более организованной форме торговли.

«Обычный базар. Не рынок, это – базар, где люди каждый хвалят каждый свой товар, где-то можно с ним поговорить, чтоб дешевле купить, он уступит и прочее».

Вместе с новым названием приходит и образ «восточного базара» как наиболее близкой формы нерегулярной торговли, имеющей специфическую систему

организации торгового пространства и собственную логику процесса торговли.

«Как на востоке базары, примерно так выглядят... Как объяснить, вот также за рубежом, когда был, видел, как устроена эта восточная торговля, эти палатки, и это сразу бросается в глаза, это сразу видно. Если говорить именно про подобные рынки – это Тайланд, Турция, на фотографии видел Вьетнам. Два раза я был в Турции, в разных частях, и это – один в один».

Образ «восточного базара» здесь – это не столько узнавание, сколько конструирование представления о «восточной торговле», «базаре» и торговцах. Образ, формирующийся на основе синтеза априорных представлений о Востоке, художественных и медийных образов (включая образы Востока и «восточного базара», созданные Л. Соловьевым в «Повести о Ходже Насреддине»), прямого или косвенного знакомства с челноками (не обязательно китайцами, но почти всегда связанными с Востоком). Иными словами, здесь на личностно-бытовом уровне во внеаучной среде происходит конструирование постсоветского «восточного рынка» как особой формы базарности. Процесс близкий (а возможно, отчасти и лежащий в основе) изобретению «постсоветского восточного базара» в антропологических текстах, по мысли И. Пешкова, основанного «на синтезе общего и частного, неисторических обобщениях и экзотизации (или в более сложной версии дезэкзотизации ранее экзотизированного феномена)» [6, с. 117].

Вместе с изобретением «восточного базара» в рамках «китайского» рынка, складывается и конструкт «Востока» – более символического, нежели географического пространства. Способы и характер организации «китайского» рынка обеспечивают органичное совмещение в его рамках столь разных «востоков»: Северо-Восточной Азии, постсоветской Центральной Азии, Кавказа и Закавказья, которые, как отдельные ряды на рынке, оказываются не самостоятельными пространствами, а лишь элементами более

масштабной конструкции. Такой подход, как мне кажется, хорошо объясняет, каким образом в представлениях иркутян, например, непротиворечиво сочетаются «китайский» статус рынка «Маньчжурии» и широкая представленность здесь торговцев-мигрантов из среднеазиатских республик. В эту же логику укладываются и среднеазиатский сегмент, многие годы успешно действовавший в составе иркутского рынка «Шанхай», и реклама «товаров из Киргизии» в составе вновь открытого рынка «Китай-город», агрессивно продвигаемого в иркутской рекламе именно как «китайский рынок». Не менее органично в образ «китайки» как «восточного рынка» укладываются и «кавказские» («азербайджанские») ряды, которые в этой перспективе репрезентируют не собственно как Кавказ (Закавказье), а еще один элемент Востока как периферии империи. Фактически вся «неевропейская» периферия бывшего СССР, а в значительной степени и Российской империи, объединяется здесь в конструкт «Востока». Востока – не далекого и загадочного, а своего – освоенного челноками и туристами, осмысленного через образы приграничных и курортных районов. Рынок становится важнейшим элементом конструирования того образа Китая и Востока, который востребован и уже привычен рядовому потребителю [6, с. 193–210; 7, с. 24–38].

Этнический рынок, однако, не остается лишь «окном на Восток» – пассивной картинкой, чистым образом вновь открываемой имперской периферии. Все более широкое участие в деятельности подобных рынков «своих» групп («русские», «буряты», шире – «местные») приводит к тому, что «китайки», фактически утратив функции инструмента выживания, становятся механизмом включения сибирского города в конструируемый «Восток». Причем такая инклюзия происходит через рефлексию особого образа «китайского» рынка, складывающегося у горожан:

«Знаете, скорее всего, “китайка” – это такой образ, уже закрепившийся в умах именно иркутян, что любой такой рынок,

где работают любые мигранты, даже, например, не из Азии, именно не китайцы, а например, из Средней Азии, тоже, наверно, “китайка” будет называться».

«Китайский» рынок, таким образом, становится брендом, подчеркиваемым внешней «китайскостью», но это уже не бренд собственно китайской торговли, но, скорее, конструкта «Востока». Китайским (и собственно этническим) остается лишь фасад рынка, его внешнее оформление, обращенное к городу. Однако и такое оформление (подчеркнуто китайское с акцентированными атрибутами китайской культуры – сочетание красного и желтого цветов, мифические фигуры драконов, иероглифы) представляет собой собственное прочтение Китая, в котором последний присутствует лишь как условность, едва намеченная крупными штрихами. Внутренняя же организация и содержание пространства «китайки» уже далеко не всегда определяется торговцами из Китая. В результате, «китайский» рынок становится символом синтетического образа Востока, включающего не только различные части дальней и ближней Азии, но и пространство самого сибирского города, ставшего площадкой для подобного синтеза. В этом образе внутренняя периферия России (Сибирь и Дальний Восток) органично стыкуется с периферией внешней (обобщенный «Восток», включающий пространство от Кавказа до Северо-Восточной Азии). Географическое противоречие здесь успешно разрешается условностью образа, в котором восток России лаконично сопрягается с глобальным «Востоком», где бы последний не находился географически.

Однако символическая функция этнического рынка не исключает и его прагматической нагрузки. Этнический (чаще «китайский») рынок становится своего рода интерфейсом («терминалом») включения города во внешние системы отношений, связанные с движением людей, вещей, информации. Являясь одновременно одним из наиболее крупных реципиентов прямого импорта из КНР или транзитного через Казахстан и Кыргызстан, «китайский» рынок

становится инструментом включения городского пространства в трансграничные взаимодействия, выступая точкой материального опосредования множества систем отношений [8, с. 105], лежащих далеко за пределами конкретной локальности. Собирая два ключевых потока китайского импорта (из северо-восточного – через Забайкальск и Монголию и западного – через Кыргызстан [9, с. 187]), «китайские» рынки Иркутска включают город в масштабную систему товарных, человеческих, финансовых потоков северо-восточной Азии. Иными словами, «китайские» рынки при всей их архаичности как формы торговли, оказались для города одним из мощнейших инструментов модернизации и глобализации, включение в систему трансграничных взаимодействий (аналогичные выводы делаются исследователями и по изучению иных постсоветских рынков не только на пространстве бывшего СССР, но и Восточной Европы [10, р. 42–66; 11, р. 61–73]).

В этом контексте этнические рынки становятся не просто местом встречи и взаимного узнавания культур. Сыграв роль ворот, через которые Китай вошел в российские города, «китайские» рынки становятся порталом с двусторонним движением, через который городские сообщества осваивают Китай и шире – Восток, инструментом включения сибирского города в широкий мир Азии. В значительной мере этот «Китай» и «Восток» представляют собой плохо оформленный конструкт, часто нелогичный и наполненный различными оксюморонами, образами, возникающими и изменяющимися в процессе познания. В этом процессе происходит встреча с некогда утраченной имперской периферией, отчасти узнаваемой, отчасти конструируемой в соответствии с текущими потребностями. Возникающая при этом пространственно-культурная перспектива, дополняется хронологическим измерением, в котором постимперское встречается с постсоветским. И «китайский» рынок как точка совмещения множества перспектив оказывается эффективным

инструментом не только конструирования «воображенного» пространства. «Востока», но и освоения этого

Список литературы

1. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. 396 с.
2. Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр vs «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках. На примере Амурской области // Полития. 2012. №4 (67). С. 104–123.
3. Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / ред. колл.: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М.: Наталис, 2005. С. 166–187.
4. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
5. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 199–222.
6. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
7. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Полития. 2015. № 1. С. 24–38.
8. Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Том 4. № 1. С. 94–115.
9. Пешков И.О. Базар и вещи. Репрезентации товарно-вещевых рынков в перспективе материалистического поворота // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 180–194.
10. Hüwelmeier G. Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace // Laboratorium. 2013. Vol. 5(1). P. 42–66.
11. Humphry C., Skvirskaja V. Trading places: Post-socialist container markets and the city // Focaal. European Journal of Anthropology. 2009. Vol. 55. P. 61–73.

И.О. Пешков

СТАТУС ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Несмотря на огромную роль китайско-российской геополитической конкуренции в истории монгольских народов, колониальные и антиколониальные стратегии долгое время находились на периферии исследовательских интересов. Не умаляя научный потенциал традиционных подходов к колониальным практикам, следует заметить, что новая постколониальная перспектива в гуманитарных дисциплинах является определенным вызовом для исследователей Внутренней Азии, реакция на который требует взвешенной оценки эффективности нового научного словаря для исследования колониальных практик Цинского правительства. Новая имперская история и

постколониальная теория дают возможность в новом свете увидеть колониальный опыт как сложную сетку локальных практик создания, ограничения и отрицания колониального государства участниками колониального контакта на приграничных территориях. Целью статьи является определение степени применимости (методологического статуса и релевантности) этих дискурсов для исследования Внутренней Азии, а также их влияние на новые подходы к маньчжурским колониальным практикам в регионе.

Появление постколониальной перспективы было результатом радикальных сдвигов в гуманитарных областях знания, вызванных французским

постструктурализмом, школой «Анналов», школой мир-системного анализа и гендерной перспективой в историографии. Решающую роль сыграл также растущий интерес в историографии к голосу «других» (от молчащего большинства до *subaltern studies*), семиотике власти и психологическим аспектам исторических процессов. Не менее важным аспектом были и радикальные перемены в этической базе научных практик: однозначная (априорная) критика всех форм колониализма, акцент на сознательную политизацию исследований и поиск форм новой субъективности [1]. Эти новации, часто стирающие грань между историографией и литературой, создали определенные барьеры в принятии постколониальных направлений профессиональными историками.

С точки зрения новых подходов к колониальному опыту приоритеты переносятся с классической исторической проблематики (государственная политика, военные действия, экономическая политика) на семиотическое поле власти во всех ее проявлениях и специфику установок по отношению к колониальным авторитетам. В этой антропологической перспективе очень важным является резкое расширение психологической базы анализа индивидуального и группового действия [2, с. 170–183]. В наиболее радикальных формах историческим источником становится рассказ о поступке, который интерпретируется в рамках определенных гипотез о человеческом поведении.

Для исследований Внутренней Азии интересна сама попытка создания радикально новых форм исследования колониального опыта: сложной взаимозависимости метрополии и колонии, роли локальных институтов (образовательных, военных, религиозных) в строительстве империи и культурной инфраструктуре колониальной политики. Микроподходы, основанные на пересмотре отношений между групповым и индивидуальным опытом, также создают новые возможности анализа колониальных практик. Очень важным аспектом является и акцент на субъективной стороне

исторических процессов: специфики лояльности (к династии или к Китаю), смены социальных ролей и культурное влияние границы как альтернативы существующего порядка. Не менее важным является и сложный процесс создания антиколониальных движений, часто на базе колониальных институтов. Новые подходы к изучению колониальных практик Цинского правительства в рамках Новой империльной истории дают примеры достаточно сложных культурных систем и ключевого влияния системы управления китайско-российской границей на цинскую политику по отношению к Северо-Востоку империи. В этой перспективе появляется возможность одновременного анализа практик включения монголов в маньчжурскую систему управления и политики превращения монгольских земель в колонию Китая с особым статусом. Противоречивость колониальной политики вместе со сложным статусом монголов в маньчжурской картине мира, с одной стороны, приводило к решающей роли военных институтов в процессах управления Монголией, с другой – усиливало или даже создавало потенциальные структуры сопротивления колонизации. Как и в других случаях колониального контакта, парадоксальным результатом колониальных практик было возникновение новых форм социальной идентичности, частично или абсолютно свободных от контроля империи.

Важным аспектом является и колониальное правовое поле (правовой плюрализм, создание автономий, особый статус внешних территорий) практик управления новыми территориями [3, р. 310–324]. Новый словарь постколониальной перспективы дал возможность поставить вопросы об эластичных формах адаптации правового поля в интересах метрополии («старые монгольские законы» во время Цинской династии) и реальной роли монгольской автономии (компромисс с потенциально сильным регионом или очень тонкая форма влияния на монгольскую политическую культуру) [4, р. 287–309].

Применение новых форм анализа по отношению к империи династии Цинь имеет

свою специфику. Приход к власти в Китае маньчжурской династии является одним из важнейших событий мировой истории и истории монгольских народов. С одной стороны, на смену последней китайской династии пришла последняя «варварская» династия, в которой раз показывая сложные отношения между этническим Китаем и Внутренней Азией. С другой – в отличие от предыдущих династий, маньчжуры должны были ответить и ответили на вызов российской экспансии на северо-востоке Азии и западной экспансии на юге. Будучи региональным проводником колониальных практик, Китай одновременно терял международный престиж и сам становился жертвой колониальных практик европейских стран. Кроме этого, на время правления последней династии пришелся сильнейший экономико-демографический кризис, в результате которого ограничение выброса населения на «пустые земли» кочевников стало политической и экономической проблемой страны [5, р. 503–530]. Специфика Маньчжурской династии состояла в их постепенной трансформации из кочевников в создателей империи на базе аграрно-бюрократического общества. Это приводило к определенному конфликту между китайской и маньчжурской картиной мира, а также к особой роли кочевников в политике управления империей. Эта роль обуславливала противоречивое отношение к монголам как к союзникам, учителям [6, р. 384] и колониальным поданным. Приближение маньчжуров к китайской культуре приводит к постепенному отдалению от них монголов и создание точек напряжения на периферии империи. Кроме этого, постепенный переход маньчжуров на китайскую модель мира ведет к трансформации восприятия ими монголов из учителей в варваров. Создание во многом на базе монгольской культуры маньчжурского культурного канона и многоэтнической элиты обуславливает одновременное инструментальное использование монгольских культурных и религиозных форм в деле имперского строительства [6, р. 833].

С точки зрения новых подходов цинский колониальный архив по отношению к Монголии состоит из опыта контролируемой автономии, милитаризации фронта и опыта управления внешними территориями. Цинская империя представляла собой достаточно сложную систему колониальных практик, относительно приспособленных к локальному культурному полю. Это разнообразие часто упрощается историками из Китая (и не только), которые, с одной стороны, считают маньчжуров варварской династией, с другой – во многом гипертрофируют китайские компоненты и недооценивают маньчжурские [7]. Динамические процессы создания маньчжурско-монгольского культурного комплекса и его постепенное сращивание с китайским миром в этой перспективе явно выпадает из виду. В этом ключе очень важны маньчжурские и монгольские источники, не только в силу большей информативности, но и в силу отличного от китайских документов политического дискурса, во многом принятого маньчжурами из монгольской культуры. В среде специалистов по истории маньчжуров имеет место идеализация государства династии Цинь как гармоничного проекта управления в условиях этнического и конфессионального разнообразия и немного не критическое отношение к национальной политике маньчжуров [6]. Эффективность и разнообразие средств управления не может заслонить факт выталкивания кочевников Внутренней Азии из имперских структур и неудачи построения многоэтнического Китая под предводительством последней династии.

Политика Цинов по отношению к монголам во многом определялась системой управления российско-китайской границей [8]. С одной стороны, это приводило к милитаризации границы, с другой – к попыткам жесткого контроля над Монголией [4]. Встреча двух аграрно-бюрократических империй на землях монголов во многом сделала монголов заложниками российско-китайских отношений. Граница привела к особенной роли военных институтов и стратегического значения трансграничных

сообществ. В этой перспективе конкуренция между китайскими и российскими приграничными институтами за контроль над монголами заслуживает пристального внимания именно в перспективе практик двойной лояльности, роли приграничной торговли и институтов образования. Не менее интересны и причины, по которым политика Цинского правительства по отношению к монголам и эвенкам приводила к обратным результатам: их выталкиванию в сторону России. В этой перспективе мягкие (субъективные) подходы постколониальной перспективы могут оказаться очень эффективными. Анализ должен опираться не только на реконструкции монгольского и китайского образа ситуации, но и ожиданий, которые не могла реализовать империя.

Новые подходы к колониальным практикам могут быть относительно полезны как источник новых теорий среднего уровня, но нуждаются в доработке и адаптации в случае исследований Внутренней Азии. Особенно это касается неевропейского колониального опыта, способы моральной оценки и научного анализа которого требуют разработки. Очень перспективным кажется

возможность постановки вопросов о формах презентации колониального опыта, социальной роли ученых и возможности преодоления колониального сентиментализма в историографии. При помощи постколониальной перспективы анализ колониальной политики династии Цинь по отношению к Монголии может быть обогащен перспективой микроуровня и новыми моделями семиотики власти. Особенно интересны причины выталкивания Монголов из империи при одновременных декларациях поддержки и стратегического значения Монголии. Следует также обратить внимание, что исследователи истории Монголии цинского периода сталкиваются с попытками синизации Цинов или идеализации маньчжурской империи. В силу сильной идеологической нагрузки и концентрации на западноевропейских моделях колониального контакта новые подходы не в состоянии монополизировать историографию колониальных практик, но могут дополнить традиционные подходы и стать основой для радикального расширения поля исторического анализа.

Список литературы

1. *Domańska E.* Badaniapostkolonialne L. Gandhi, Teoriapostkolonialna. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2008.
2. *Глостанова М.В.* Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания (начало) // *Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук.* 2008. Т. 10. Вып. 5–6 (44–45).
3. *Heuschert D.* Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // *The International History Review.* 1998. Vol. 20. № 2 (Jun.).
4. *Di Cosmo N.* Qing Colonial Administration in Inner Asia // *The International History Review.* 1998. Vol. 20, № 2 (Jun.).
5. *Reardon-Anderson J.* Land Use and Society in Manchuria and Inner Mongolia during the Qing Dynasty // *Environmental History.* 2000. Vol. 5. № 4 (Oct.).
6. *Rawski E.S.* Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History // *The Journal of Asian Studies.* 1996. Vol. 55. № 4 (Nov.) P. 829–850.
7. *Zhao G.* Reinventing China: Imperial Qing Ideology and the Rise of Modern Chinese National Identity in the Early Twentieth Century // *Modern China.* 2006. Vol. 32. № 1 (Jan.). P. 3–30.
8. *Hsu I.C.Y.* Russia's Special Position in China during the Early Ch'ing Period // *Slavic Review.* 1964. Vol. 23. № 4 (Dec.). P. 688–700.

Секция 2

Азиатское пространство Российской империи в экономическом, этническом и социальном измерениях

В.Г. Вовина

СЕВЕРНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ: КУРГОМЕНЬ В 1710 ГОДУ

Исследования по истории крестьян были приоритетным направлением в советской исторической науке, в том числе история черносошных, государственных и удельных крестьян. Из важнейших работ по допетровскому периоду достаточно назвать «Аграрную историю северо-запада России» под ред. А.Л. Шапиро. Крестьянами Русского Севера, в частности, Подвинья, занимался А.И. Копанев. С 1990-х гг. эти темы отошли на периферию исследовательских интересов. Зато появились новые направления, например, микроистория. В западной литературе она давно разрабатывалась как история отдельных сел, деревень и т.д. Таким образом, интерес был смещен с больших социальных групп (классов, сословий и пр.) на мелкие социумы, закрытые сообщества и микромиры. Так, например, строятся исследования русских монастырей историками школы З.В. Дмитриевой. При этом большую роль по-прежнему играют материалы разного рода государственных описаний.

Кургомень – удаленная от центра местность, расположенная в среднем Подвинье, на правом берегу Северной Двины. Это типично северно-русская местность, затерянная в лесах, для которой и сегодня проблемой является транспортная связь по дорогам даже с Архангельском, а в древности, разумеется, все связи с внешним миром существовали только по реке и ее притокам.

Кургоменская волость как часть Важского уезда была сначала черносошной, затем – удельной (Кургоменский приказ Шенкурского уезда). Материалы по ее истории хранятся с конца XVIII в. в РГИА в фонде Департамента уделов. Но более

ранние документы отложились в делопроизводстве Архангелогородской уездной избы в Архиве СПбИИ РАН. Наиболее ранние сведения содержатся в переписной книге Ваги и уезда 1710 г. (Ф. 10, оп. 3. № 2(2)). Описание Кургоминской волости расположено на л. 723–732 об. Очевидно, это первое описание не только за петровский период, но и с конца XVII в., во всяком случае, в нем дважды упоминаются запустения, случившиеся еще в 1682 г. В заключительной части описания данные сравниваются с переписной книгой 1678 г., которая, видимо, и была предыдущей.

Волость состояла из погоста, на котором находились две деревянные церкви, девятнадцати деревень, двух пустошей и починка. Почти все деревни оказались размером в 1–2 двора. Самой благополучной выглядит деревня Калининская, где числилось пять живущих дворов и только один пустой двор и одно пустое бобыльское место.

Как зафиксировано в описании, по сравнению с 1672 г. запустело 25 крестьянских дворов и 13 дворовых мест, не считая погорелых (причем эти «дворовые места» в прошлой описи были записаны дворами). Полностью «в пуге» оказалась одна деревня и пустошь.

Причины столь бедственного положения, видимо, были различны. Некоторые крестьяне умерли (иногда с пометой «умре бездетен»). Но самая частая причина значится как то, что владелец земли «збрел безвестно», иногда с пояснением: вдова из деревни Елизаровской Анисия Лукианова «от скудости збрела в мир скитатца», Аврам Миронов из деревни Ефремовской в 1706 г. «от скудости збрел в ыные уезды», как и Павел Андреев из

селища Лисинцовское, Окуловское тож, Козьма Терентьев из деревни Калининской «от хлебной скудости збрел безвестно, а тяглым ево жеребьем владеет тое ж деревни племянник ево родной Алексей Ульянов, припустя свои жеребьи», в 1706 г. в деревне Мырцовской сразу четверо крестьян «збрели безвестно в иные уезды», в 1707 г. и 1708 г. из деревни Никитинской крестьяне «от пожара... збрели безвестно», Иван Демидов из деревни Прокопьевская в 1704 г. «збрел безвестно», Афанасий Максимов из деревни Селивановской в 1709 г. «от хлебной скудости збрел безвестно», тогда же «збрел безвестно» Кирила Михайлов из деревни Куликовской.

Обращает на себя внимание тот факт, что заметная часть крестьян «съехали в Сибирь»: в 1709 г. двое крестьян деревни Тимофеевской, крестьянин Петр Герасимов из деревни Ефремовской в 1706 г. «з женою и з детьми съехал в Сибирь», то же сделал еще в 1700 г. и Никита Марков из селища Лисинцовское, в том же 1700 г. крестьянин деревни Другая Новинки Петр Лукин «съехал в Сибирь на выделном оброке», из деревни Анкидиновской Федор Никитин с братьями в 1703 г. «съехал в Сибирь», из деревни Гавриловской крестьяне Иван Карпов и Максим Семенов «съехали в Сибирь», крестьянин Антон Афонасьев из деревни Куликовской «съехал в Сибирь» еще в 1682 г., а Кирила Михайлов из той же деревни последовал ему в 1708 г.

Некоторые крестьяне были взяты на государственные работы: в плотники в Таганрог Феоктист Григорьев из деревни Елизаровская, Иван Пиминов из деревни Никитинской в 1702 г. «взят в плотники на Таганрог и умре», крестьяне Сергей Осинов и Никифор Никитин из деревни, «что была пустошь Самсоновская», также не оказались в наличии, поскольку в 1703 г. «взяты в семерики под Ладогу и померли», а сын Никифора Василий «взят в рекрутные салдаты в 705 м (1705 г. – В.В.)», в 1708 г. «сшел под Ладогу в семеричной работе» Федор Филипов из деревни Куликовская.

Некоторые крестьяне оказались хоть и в наличии, но неплатежеспособны: Иван Григорьев из Деревни Федосеевской «от

скудости кормитца в мире своею работою», крестьянин той же деревни Лука Трофимов «умре, а сын ево Емельян старой скитаецца в мире», луговая земля в деревне Самсоновской запустела «от скудости и платежа денежных доходов», крестьянин деревни Никитинской Макар Антонов «скитаецца в мире», двор Степана Герасимова из деревни Артемовской «запустел в 709 м (1709 г. – В.В.) году от того, что он вне ума, а живет во дворе у брата своего Федосея».

Неблагополучие коснулось и церковного клира: церковный дьячок Григорий Васильев «за недостатками от денежного платежа, збрел безвестно», пономарь Тарас Иванов «от недостатков своих живет у попа Никиты в одном дворе, кормитца мирским подаванием».

Иногда причины запустения связаны с природными катаклизмами. В четырех деревнях упоминаются «погорелые» дворы и пожар как причина запустения. Другая причина была связана с особенностью местности. Разливы рек, которыми изобиловали здешние места, давали большие сенокосные угодья с хорошей травой, но они же и приносили несчастья, о чем помнили очень долго. Например, на речке Нондрусе (приток Северной Двины) «сенокосную землю на волоки болшими вешними водами побилло и сметало в речку Нондрус в давних летех, а вновь припахать негде», а в деревне Калининской еще в давнем 1682 г. «бобыльское место» Спиридона Агафонова «вешнею водою сметало в ручей» (видимо, речь идет о ручье Ундыш вблизи современной д. Кургомень, в том ее конце, где была расположена бывшая д. Калининская), оброчные сенные угодья деревни Ильинской «запустили от того, что по скаске тое волости всех крестьян ту пожню водою сметало в реку Двину и вешними льдами содрало всю без остатка в давних летех».

Некоторые запустевшие земельные участки обрабатывались «наездом» крестьянами соседних деревень и даже волостей: Топецкой волости (ныне – д. Топса) и Тулгаской волости.

Материал описи дает нам возможность увидеть жизнь крестьянской волости в раннюю имперскую эпоху, когда шел еще первый период Северной войны и когда на черносошных крестьян падали дополнительные тяготы, связанные именно с новыми имперскими задачами государства. В целом, видно, что все это оказалось разрушительным для волости, которую тогда же постигли и неурожай, отмечаемые как

«скудость» и «хлебная скудость», пожары и наводнения. Мы видим картину разорения деревень и запустения пашенных угодий. Разумеется, для того чтобы более объективно оценить эти явления, следует сравнить их с состоянием волости в последующие периоды, что мы планируем сделать в дальнейшем, используя сохранившиеся материалы.

М.О. Акишин

ЯМЫШЕВСКОЕ ОЗЕРО В ПРИГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ДЖУНГАРИИ В XVII В.

*Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда,
грант № 14-28-00045*

Важными темами научных изысканий А.В. Ремнева были история формирования восточных рубежей нашей страны и этнополитические процессы в Сибири и Степном крае. Отталкиваясь от этой тематики исследований выдающегося ученого, хочу остановиться на одном из эпизодов пограничного сотрудничества в ареале, в котором в будущем возникли Омск и Павлодар, – истории русских экспедиций XVII в. за солью к Ямышевскому озеру и формированию там первого в Сибири и на Дальнем Востоке центра международной торговли. Тема эта уже вызывала интерес в историографии при изучении промыслов и торгов сибирских землепроходцев (Г.Ф. Миллер, С.В. Бахрушин, О.Н. Вилков и др.). Но у нее есть и другой аспект, связанный с международными отношениями на русско-ойратском пограничье. Именно в последнем аспекте она и будет рассмотрена в настоящем сообщении.

Формирование этого центра промысла и торговли было связано с жизненной необходимостью сибирских землепроходцев в соли как пищевом продукте и средстве пушного промысла (без соли невозможно обработать шкурку пушного зверя). Эти потребности были осознаны в Посольском приказе, ведавшем в конце XVI в. организацией присоединения Сибири, достаточно рано. В наказе князю А.

Елецкому 1593–1594 гг., отправленному с отрядом служилых людей для постройки города на р. Таре, поручалось: «...послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в расход служивым людям» [1, т. I, с. 285, 347–352].

Речь в наказе шла о Соляном озере, находившемся в среднем течении Иртыша (в 60 км к юго-востоку от современного Павлодара), которое татары и ойраты называли Ямыш, а русские – Ямышева. Г.Ф. Миллер писал о нем: «Сие озеро продолговато-круглое, имеет в окружности с небольшим девять верст и отстоит от реки Иртыша на шесть верст с половиною. Оно не глубоко, и можно везде видеть дно, на котором множество ключей, из которых истекает вода, столь много соли в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым черепом покрывает» [1, т. III, с. 482].

Елецкий не только заложил Тару, но успешно справился и с задачей организации добычи соли. Местность, на которой располагалось озеро, тогда находилась под контролем Кучума. При основании Тарского городка хан вступил в переговоры с воеводой. Затем служилые люди начали постепенно отеснять его дальше в степь и в 1598 г. нанесли ему сокрушительное

поражение [1, т. I, с. 348, 358, 359, 362–363; 2, № 66, 67, 68]. Первое известие о походе служилых людей из Тары за солью к Ямышеву озеру сохранилось датируется 1601 г., но такие походы, видимо, совершались и ранее. В числе служб аялыньских татар в 1604 г. названа обязанность «по соль ходить» [3, л. 69 об., 80 об.]. Видимо, она возникла с момента их возвращения в 1595 г. в Аялыньскую и Малогородскую волости, откуда их пытался вывести «царевич» Али. К 1615 г. поездки на озеро приобрели регулярный характер [4, с. 102].

Однако вскоре в степях южной Сибири появились западные монголы-ойраты. В июне 1596 г. воевода Тары князь Ф.П. Елецкий отправил в разведку в степь двух служилых людей. Вернувшись, они сообщили, что в районе оз. Иссык-Куль между ойратами и «кучумлянами» произошло сражение. В 1598 г. новый тарский воевода А.М. Воейков получил от своих разведчиков сообщение о том, что к р. Оби прикочевали с юга 500 ойратов. В 1606–1607 гг. ойраты заняли бассейн Иртыша в районе рек Оми, Камышлова и южнее [5, с. 79; 6, с. 65].

В 1606–1608 гг. произошел обмен посольствами на уровне воеводы Тары и владетельных тайш ойратов. В 1607 г. ойратские послы ездили в Москву и от имени своих тайш подтвердили желание жить «под высокой государевой рукой» при условии разрешения им кочевать по Иртышу и приезжать с торгами в сибирские города. Тогда же по предложению ойратов обсуждался проект о строительстве русского острога на р. Оми. Однако затем тайши отказались прибыть в Тару и подтвердить данное ранее обещание [7, с. 21–30, 40–44].

В 1611 г. ойраты взяли под контроль соляные источники на Ямышевском озере и отказались пропускать туда русских. В 1611 г. тобольские воеводы писали: «В Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылана для того, что калмыки озера отняли» [4, с. 101]. Между тем организация экспедиций за солью была обязанностью воевод и соль должна была добываться в таких количествах, чтобы в магазинах «во

всякое время были достаточные запасы» [1, т. II, с. 40].

В 1611 г. сибирским властям было повелено начать военные действия против ойратов, чтобы изгнать их за пределы русских владений [1, т. II, с. 33–34]. В 1612 г. из Тары была направлена военная экспедиция. В следующем году против ойратов трижды посылались из Тары военные отряды, и каждый раз с неизменным успехом [3, л. 136, 147–149]. В 1613 г. на Ямышевское озеро была отправлена экспедиция во главе с казачьим атаманом Барташом Станиславовым. Она проследовала вверх по Иртышу до озера и, нагрузив солью суда, благополучно вернулась в Тару. С этого времени соляные экспедиции стали отправляться ежегодно [8, с. 60].

В 1616 г. из Тобольска к ойратам было отправлено посольство. Принял его дэрбэтский Далай-тайша, которого называют «всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет». От имени всех тайшей он заявил, что «они государю служить и во всем рады и под его высокою рукою быть готовы» [7, с. 52, 53]. В 1618 г. послы ойратов были в Москве, где 14 апреля им была вручена царская жалованная грамота. Царь Михаил Федорович дал согласие принять ойратов «под ... царского величества высокую руку», обещал им защиту от недругов и право торговли в сибирских городах [7, с. 75–76].

В 1619 г. русские послы попали в Западную Монголию и установили связи с чоросским князем Хара-Хуллой. В ответ Хара-Хулла отправил в Тобольск, а оттуда в Москву свое посольство. В конце 1619 г. это посольство просило в Москве о подданстве от его имени. В 1620 г. монгольские послы с «государевой» грамотой и подарками были отпущены из Москвы [7, с. 92–93].

Однако вскоре возникло новое обострение в русско-ойратских отношениях. «Кучумовичи» в союзе с ойратами стали совершать набеги на ясачные волости Тарского и Тюменского уездов. В 1623 г. царской грамотой ойратским послам было запрещено посещать Москву. Ойратам отныне разрешалось приезжать в Тюмень и

другие города Сибири «с лошадьми для торгу», но им отводились места только за городом, а «в город колмацких людей пускать не велели» [7, с. 131–132].

В ответ ойраты в 1620-х гг. перекрыли торговые пути из Средней Азии в Сибирь и усилили натиск на тюркское население Тарского, Тюменского и Кузнецкого уездов, добиваясь от него отказа от русского подданства. В 1626–1634-х гг. русско-ойратские противоречия приняли форму вооруженных столкновений. В 1628 г. воеводы Тары принуждали ясачных татар выплатить задолженности по ясаку, что вызвало восстание 1628–1631 гг. В 1634 г. кучумовичи и ойраты совершили набеги на Тару и Тюмень [9, с. 117].

В 1620 г. в окрестностях Ямышевского озера поселилась большая группа ойратов и добыча соли стала проблемой для русских. В 1621 г. у экспедиции Остафия Харламова произошла стычка с ойратами. Столкновения у озера происходили в 1623 г., 1625 г. Атаман Иван Воинов сообщил о нападении в 1625 г.: «И у соляного озера кочуют многие колмацкие люди и нас... те калмыцкие люди у соляного пристанища в осторожке осадили» [7, с. 111–112; 10, с. 514].

В приказе Казанского дворца было принято решение о необходимости проведения разведки для выяснения возможности строительства острога у Ямышева озера. Исполнение этого поручения было возложено на Грозу Иванова и Дмитрия Черкасова. Вернувшись из разведки в 1626 г. они представили докладную и чертежи окрестностей озера. Служилые люди считали необходимым строительство там острога с большим количеством «ратных людей». Но при этом они отмечали: «...в тех местах пашенных мест нет, и пашни завести и хлеба на служилых и на жилецких тутошних людей напхать негде, и всяких угодий мало, и лесу хоромного нету» [10, с. 341–343]. Ознакомившись с докладной и чертежами, правительство отказалось от проекта строительства острога.

В августе 1633 г. русский отряд, совершавший экспедицию на озеро, был окружен и затем осажден отрядом тайши

Куйши, насчитывающими 2 тыс. «куяшников». Служилые люди с большим трудом смогла пробиться в Тару, где сообщили, что нападение грозит и самим русским городам: «... Куйши-тайши ... хочет-де идти под сибирские города и на ясачные волости, а дорогу-де он ведает». В то же время тайша Кула, кочевавший южнее Тарского уезда, разорил Барабинскую волость [1, т. II, с. 532].

В 1632–1635 гг. в целях урегулирования отношений с ойратами к ним были снаряжены несколько русских посольств, в сибирских городах побывали посланцы ойратов. В результате переговоров были намечены пути к урегулированию спорных вопросов, что привело к улучшению взаимоотношений и открыло доступ в города Сибири торговцам ойратов. В свою очередь, и русские стали ходить в улусы ойратов с товарами. В нескольких местах состоялся обмен пленными.

Объединение ойратов под властью Батур-хунтайджи и создание Джунгарского ханства привели к нормализации отношений с Россией. В 1640 г. тобольский воевода П. Пронский отправил к хунтайджи своих послов с богатыми дарами и просьбой «от соляново от Ямыша озера возить в наши суды соль на верблюдах своих» [1, т. III, с. 252–253]. В том же году через своего посла хунтайджи передал: «...он де, контайша, прикажет Куле-тайши итти на весну к соляным озерам и то твое государево жалование велит ему принять у соляных озер и велит у соляных озер тебе, государь, служить, в суды соль возить, а для той воски и под торговых людей в подводы пошлет с ним, с Кулою, 100 верблюдов» [5, с. 122].

С середины XVII в. в Тобольске ежегодно собирали несколько десятков казенных и частных плоскодонных речных судов-дощаников для похода «по соль». Отправлялся такой караван обычно в конце мая – начале июня. Нагрузив суда солью и закончив меновой торг с калмыками и бухарцами, русские в конце августа – начале сентября отправлялись в обратный путь, «а калмыки и прочие – в улусы своя» [4, с. 102–103].

Ежегодная добыча соли превратилась в регулярную торговую ярмарку. Как правило, перед отправкой судов воеводы наказывали служилым людям «с калмыцкими людьми торговать всякими своими товарами, какими торговали наперед сего» [11, с. 525]. Эта торговля привлекла внимание Ю. Крижанича, жившего в Тобольске в 1660–1670-х гг. Он считал, что нужно поставить острог при Ямыш-озере и расширить торговлю на местной ярмарке: «Имея острог на Иртыше у Соленого озера, мы могли бы ежегодно добывать у калмыков 30 или 40 тысяч сырых воловьих и овечьих кож. Нам следовало бы тут же возле самородной соли дубить их в бочках. Так делают англичане, потому что кожи от этого бывают толще и крепче» [12, с. 41].

Во время Ямышевской ярмарки иногда возникали недоразумения. Так, в августе 1672 г. к озеру из Тобольска прибыла экспедиция за солью во главе с Л. Поскочиным. Ойраты явились туда раньше и ожидали приезда русских: «И как из займища на степь ратные люди вышли и хановы, собрався, многие люди, конные и пешие, с ружьем и с копыи, и с луками, и с пищальми дорогу заняли и ратных людей к соли пропустить и соли дать не хотели, а говорили, чтоб им дать торг и купить б у них всякие товары по их цене». Поскочин вынужден был усилить ушедшую вперед группу русских ратных людей полусотней человек, а ойратам велел объявить: «Чтоб они ... ратных людей к озеру пропустили без зацепки, а торг им повольной дан будет в то

время как ... ратные люди на Ямыш-озере соль возьмут и покупать у них товары станут как цена обдержит ... И калмыки смирились, по соль пропустили» [5, с. 147].

Такие споры, видимо, привлекли внимание верховной власти в России и Джунгарии, так как могли подорвать сложившиеся мирные отношения. Во время переговоров в Москве в 1680 г. джунгарские послы предложили какие-то варианты, которые позволяли расширить торговую ярмарку на Ямышевском озере. Русские дипломаты с ними согласились [1, с. 46]. Результатом этих переговоров стал царский указ о сборе на Ямышевской ярмарке двадцатой пошлыны с бухарцев и ойратов. В сибирских городах они облагались десятой пошлыной [14, № 1474].

Становление торговых отношений Русского государства с Джунгарией было вызвано объективной взаимозависимостью земледельческих и кочевых народов. Особым случаем развития этих торговых отношений стала потребность русских переселенцев в соли для пищевых и промысловых целей, которую можно было удовлетворить только за счет соляных промыслов на приграничной территории. Проблемы организации этого приграничного сотрудничества, несмотря на достаточно острые конфликты, были урегулированы с помощью международных переговоров. Добыча соли на Ямышевском озере привела к становлению центра ярмарочной торговли и нормализации русско-ойратских отношений.

Список литературы

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3-х т. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999–2005. Т. I. 630 с., ил.; Т. II. 796 с.; Т. III. 598 с., ил.
2. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Тип. Селивановского, 1819. Ч. 2. 399 с.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Кн. 11.
4. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
5. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с.
6. Пузанов В.Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Урал. гос. ун-та. 2010. № 2 (76). С. 64–76.
7. Русско-монгольские отношения. 1607–1636 : сб. док. / отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Вост. лит., 1959. 352 с., ил.
8. Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях по показаниям, разведкам, доезжим записям и исследованиям заподно-сибирских казаков и прочих

служилых сибирских языков. Омск: Тип. Окр. штаба, 1893. 72 с. Отг. из Зап. Зап.-Сиб. отд. Императ. Рус. геогр. о-ва. 1893. Кн. 14, вып. 1.

9. Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628 – 1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. С. 111–127.

10. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и Ко, 1884. Т. VIII. 700 с.

11. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II отд. е.и.в. канцелярии, 1842. Т. V. 565 с.

12. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. 527 с.

13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. VIII. 372 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отд. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. III.

А.Ю. Конев

НАРОДЫ СИБИРИ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ИМПЕРИИ (XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА): СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Доклад посвящен анализу актуальных тенденций изучения отечественными и зарубежными историками политики империи в отношении индигенных народов Сибири с момента вхождения региона в состав Русского государства и до начала XX в. Основное внимание будет уделено исследованиям:

- терминологии, посредством которой империя описывала и классифицировала коренных обитателей Сибири;

- способов, институтов и инструментов интеграции этих народов;

- конфессионального и этнического/этнополитического аспектов и сословной парадигмы в политике и практике империи на восточных окраинах.

Важное место отведено рассмотрению того, как трактуется феномен российской имперскости, затрагивается вопрос о наличии/отсутствии колониальных черт в «иностранческой» политике правительства.

С.Н. Корусенко

ТАТАРЫ СИБИРИ В ИСТОЧНИКАХ XVII–XX ВЕКА: ЭТНОСОСЛОВНЫЕ ШТУДИИ

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках»

Сегодня татары Сибири – это конгломерат различных этнических компонентов, из которых выделяются три большие группы: местные – этнотерриториальные тюркоязычные группы; бухарцы – выходцы из разных регионов Средней Азии; пришлые – различные группы поволжско-приуральских татар. В результате действий административной системы Русского, а затем Российского государства и СССР

менялись идентичности тюркоязычного населения, расселенного на юге Сибири. Одновременно на протяжении длительного времени сосуществовали рядом групповые самоназвания, сословные и этноконфессиональные определения, ряд из которых становится этнонимами (экзо- и эндо-). Трансформация происходила на протяжении всего хронологического периода. В настоящее время на уровне этногенетического сознания по материалам

собранных генеалогий выявляются различные варианты этнической идентификации татар Сибири.

Цель работы – выявить трансформацию идентичностей тюркоязычного населения юга Западной Сибири на протяжении XVII–XX вв. Источники для проведения данного исследования можно разделить на несколько групп: 1) статистические (опубликованные и неопубликованные) – материалы переписей населения, включая как первичные (ясачные, дозорные книги, ревизские сказки, материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.); так и статистические результаты переписей населения советского периода; 2) делопроизводственные документы – челобитные, прошения, материалы землеустроительных комиссий и т.д.; 3) сведения, почерпнутые из работ историков, географов, статистов; 4) собранные среди современных татар родословные.

Общеизвестно, что этноним «татары» для тюркоязычного населения Западной Сибири являлся экзоэтнонимом, им обозначался ряд народов, говорящих на тюркских языках. В действительности для периода первоначального освоения Сибири Русским государством большинство местного населения было отнесено к категории ясачных, определяя прежде всего их сословную принадлежность, поэтому в документах царской администрации они были записаны как ясачные татары. Среди сословных определений встречались также служилые (перешедшие на военную службу) и захребетные татары. Это четко прослеживается в материалах Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и путевых описаниях Г.Ф. Миллера 1734 г. В материалах Миллера также встречается название туралинцы, которым именуют себя захребетные татары одной деревни. Этногрупповые названия отложились в названиях волостей, например, Тав, Коурдак, Саргач и т.п.

Во второй половине XVIII в. большинство служилых и захребетных татар были отнесены к ясачным. В материалах 4-й и 5-й ревизий, в которых в отличие от других ревизий указывалось, куда и за кого выдана

дочь замуж или откуда и из какой категории взята жена, появились «старинные ясачные дочери». Таким образом идентифицировали дочерей изначально ясачных татар, в отличие от служилых и захребетных татар, переведенных в ясак.

После принятия Устава об инородцах 1822 г. ясачных татар перевели в категорию оседлых инородцев. Данный процесс вызвал активное сопротивление со стороны последних – в местные и центральные органы власти посыпались различные прошения, в которых появилась следующая идентификационная фраза: «староясачные татары, от кучумовичей произошедшие». Перевод ясачных в инородцы происходил на протяжении двух-трех десятилетий, что отразилось в некоторой путанице идентификации местного тюркоязычного населения, когда в материалах 8-й и 9-й ревизий встречалось в описаниях словосочетание «ясачный инородец». На протяжении второй половины XIX – начала XX в. за местными татарами закрепилось сословное наименование инородцев. В материалах переписи 1897 г. сочетания «инородец», «вера – мусульманская», «язык – татарский» означали потомков местных тюркоязычных групп.

Вторая большая группа тюркоязычного населения юга Западной Сибири – это бухарцы. Изначально это понятие означало выходцев из регионов Средней Азии, однако на протяжении второй половины XVII – начала XX в. данное понятие становится этносословным определением. Бухарцев также называли сартами (например, у Миллера читаем: «...бухарцы как на их собственном национальном языке, так и татарами называются словом "сарт"»). В делопроизводственных документах начала XIX в. прошения подаются от «бухарцев и ташкенцев». Такое объединенное понятие, судя из текста документа, появляется во второй половине XVIII в. и существует до реформ М.М. Сперанского. Частенько в документах к администрации бухарцы называли себя иноземцами. В состав бухарцев в разное время включались в небольшом количестве калмыки, «каракалпаки, кои тоже бухарцами

именуются магометанского закона», киргизы (казахи). В материалах переписи 1897 г. бухарцы четко вычлняются по своему сословному состоянию.

Поволжско-приуральские татары массово начали переселяться в Сибирь со второй половины XIX в., хотя незначительные переселения случались и раньше. В материалах 10-й ревизии и переписи 1897 г. они записаны государственным крестьянами, и только в сочетании с верой и родным языком становится понятным их пришлое происхождение.

Советская власть поставила национальный вопрос приоритетным, включив пункт о народности/национальности в переписной лист переписи населения 1926 г., по которой в Сибири учтены татары (совместно местные и пришлые), бухарцы, отдельно прописаны барабинские татары. В документах местных властей в 1920-е гг. употреблялись понятия «татары-туземцы» и «татары-бухарцы». К началу 1930-х гг. бухарцы местной администрацией учитывались уже в составе татар, что и отразилось в материалах всех последующих советских переписей.

По материалам собранных в 1970-е – 2000-е гг. родословных в составе современных татар Сибири в качестве

второго уровня самосознания (первый – татары) используются понятия, по которым можно выявить названные вначале три основные группы, хотя на протяжении длительного совместного проживания они значительно перемешались посредством браков. С сибирскими татарами идентифицируют себя те, чьи предки в основном были местного происхождения. К сибирским причисляют себя и потомки поволжско-уральских татар, рожденные в Сибири (региональная идентичность), сохраняя этногенетическое сознание. Следующим уровнем этнического самосознания сибирских татар является их память о групповых различиях более крупного (тарлык, тоболлык, тюмелык, бараба) и мелкого порядка (курдак, саргач, аялы, туралы). Также выявляются различные группы пришлых татар – башкирские, уфимские, казанские, российские, мишари и т.п. В местах компактного расселения бухарцев в бывшем Тарском округе (современные Большереченский и Тарский район Омской области) в 1970-е гг. большинство потомков бухарцев старшего поколения идентифицировали себя бухарскими татарами. Последующие поколения помнят о своем бухарском происхождении, но себя называют татарами.

И.С. Томилов

ИЗМЕНЕНИЕ СОСЛОВНОГО СОСТАВА ГОРОДОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались значительными трансформационными процессами, коснувшимися разных областей жизнедеятельности населения. Не в последнюю очередь эти изменения затронули социальный состав городов, в том числе западносибирских регионов.

В относительном соотношении сословий в городах Тобольской губернии было неодинаковым. Численность категории населения во многом зависела от статусно-функционального назначения города. В сельскохозяйственных районах (Курган,

Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск) больше сосредотачивались крестьяне, в торгово-экономической Тюмени – купцы и мещане, в административном Тобольске – чиновники и дворяне [1, с. 37].

В начале 60-х гг. XIX в. наибольшее число священнослужителей и дворян было зафиксировано в Тобольске (758 чел. и 886 чел. соответственно), купцов и мещан – в Тюмени (904 чел. и 7 373 чел.). В сословной структуре губернского центра в абсолютном отношении преобладали мещане и военные (6 335 чел. и 3 314 чел. соответственно), в процентной оценке военные доминировали

также в северных городах края – в Сургуте (79,3 %) и Березове (38,5 %). Представленные характеристики края можно соотнести с аналогичными показателями сословной структуры горожан Европейской России на 1858 г. Здесь в среднем дворяне составляли 5,2 %, духовные лица – около 1,6 %, собственно городские категории (мещане, почетные граждане, купцы, ремесленники) – до 54,7 %, «сельские» сословия (крестьяне) – примерно 20,2 %, военные – не более 14,1 %, остальные – 4,2 % [2, с. 47].

В пореформенные десятилетия, благодаря внедряющимся преобразованиям, существенно меняется социальный облик городов Тобольской губернии. К 1880 г. процент мещан в городских поселениях достиг 45,8 (в соседней Томской губернии для сравнения – 49,5 %). Только в Тобольске и Тюмени кумулятивно проживало свыше 14 тыс. чел., относивших себя к этой категории.

Состояние военных за два десятилетия кардинально не изменилось. В регионах Западной Сибири их количество незначительно выросло, однако за это время доля военных в городах сократилась на 1/5 – с 25 % до 20 %. При этом в относительном значении лидировали Ишим (22,7 %), Тобольск (23,2 %), Березов (35,5 %), Сургут (57,9 %), Тара (73,4 %). Благодаря казачеству отличавшиеся ранее в этом плане северные города края это преимущество уже утратили: высочайшим решением Государственного совета, начиная с 1882 г. сургутские и березовские казачьи команды были ликвидированы. Кроме этого, несмотря на некоторый абсолютный рост, за 20 лет уменьшились доли почетных граждан и купцов (в каждом случае – с 5,5 % до 3,8 %), дворян (с 5,9 % до 4,2 %), а духовенство одновременно сократилось как в процентном, так и в числовом значении. До 3,5 раз возросла численность крестьян в городах (до 21,9 %), большая часть из которых по-прежнему проживала в Тюмени (29,3 % горожан), Кургане (31,4 %) и Ялуторовске (41,4 %). Точное количество ссыльных достоверно отразить сложно, но, судя по отдельным источникам, их численность возросла до 4,4 тыс. (около 7-8 % горожан) [2, с. 47–50].

Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в 10 городах губернии проживало 87 351 обывателей. Из них почти половина (47,27 % горожан, или 41 292 чел.) причисляла себя к крестьянам, мещане составляли 39,8 % (34 729 чел.) (для сравнения, в Томской губернии – до 56,9 %), еще чуть менее 6 % (5 185 чел.) считали себя дворянами. Продолжало сокращаться число священнослужителей и купцов – 1 408 чел. и 1 092 чел. (соответственно по 2 и 1,7 %) [3, с. 46–47, 62]. В половине городов региона (Курган, Ишим, Туринск, Тюкалинск, Тюмень) крестьяне составляли большинство населения. Высоким оставался удельный вес мещан. Несмотря на то, что ссыльные не учитывались в итогах Переписи, их численность продолжала оставаться значительной. Только в одном Кургане к 1899 г. проживало более 2,8 тыс. ссыльнопоселенцев (около четверти горожан), а в Тюкалинске их удельный вес к 1911 г. составлял почти 38 %.

К 1910 г. в социальном составе городского населения губернии произошли новые существенные изменения. Весомо сокращается доля дворянства (около 1,8 %), только в Тобольске их численность уменьшилась в 2,5 раза (с 2 445 чел. до 976 чел.). Аналогичная динамика зафиксирована в отношении духовенства, теперь не превышавшего 0,6 % от числа горожан. Несущественно увеличилась численность купцов в абсолютном весе, одновременно потеряв в относительном. Самыми массовыми, как и прежде, остались крестьяне (около 36,3 %) и мещане (до 44,2 %). Процент этих категорий резко возрос в городских поселениях, располагавшихся на пути Транссибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом, в течение пяти десятилетий устойчиво и значительно снизилась численность духовенства (с 2,9 % до 0,6 %), купцов (с 5,5 % до 1,9 %), дворян (с 5,9 % до 1,8 %) и военных (с 31,7 % до 1 %). Интересно, что в процентном соотношении священнослужители и воинские категории практически стремятся к нулю. Значительная часть в сословной структуре города приходилась на мещан,

являвшихся самым многочисленным сословием почти на всем протяжении второй половины XIX – начала XX в., исключая результаты Всероссийской переписи 1897 г. Доля этой группы горожан в течение полувека колебалась в границах 40-48 %. За счет снижения численности других сословий в процентном отношении увеличилась почти в 6 раз доля городских крестьян (с 6,1 % до 36,3 %).

Прогресс в социально-экономическом и социокультурном развитии к началу XX в. привел к росту соотношения собственно городских слоев среди жителей городов края (интеллигенция, торговые и промышленные слои и пр.) и сокращению численности духовенства, чиновников, военных.

Динамика проявляется в снижении удельного веса представителей привилегированных городских сословий (почти в 9 раз), за счет чего возрастает доля неблагородных слоев общества – крестьян и мещан (с 53 % до 80 %). К началу мировой войны обе категории составляли вместе более 4/5 всех горожан Тобольской губернии.

Вследствие либеральных преобразований второй трети XIX в. был запущен процесс разложения сословного строя России. Однако если в европейских областях страны оно трансформировалось в классовое размежевание, то в городских поселениях Тобольской губернии, в силу малочисленности рабочих (пролетариат) и промышленников с предприятиями фабрично-заводского типа (буржуазия), чаще фиксировалось деление по способу получения прибыли и профессиональному признаку. В связи с чем это во многом тормозило обозначившийся подъем своими устаревшими патриархально-феодальными порядками. В новую созревавшую структуру абсолютно не вписывалась группа

неопределенных категорий и неформальных разновидностей (ссылных, разночинцев и других маргинальных кругов). В итоге к 1913–1914 гг. они практически пропадают со страниц официальных статистических документов. Тем не менее утрачивая свои привилегии в процессе становления общественной классовости, сословия продолжали играть значительную роль в структуре городского населения.

В этом контексте деятель областничества Н.М. Ядринцев подчеркивал, что монополисты и спекулянты управляют обществом, и, преследуя личные цели наживы, закабаляют людей, угождают властям и «рисуются благотворителями» [4, с. 281, 294].

Теоретически базировавшиеся по задумке авторов на принципе всесословности, буржуазные преобразования в ходе практической реализации не могли не учитывать сословную структуру. Они размыли рамки социальных групп, содействовали дифференциации категорий, но в силу действующей нормативно-правовой базы и патриархальных привычек не установили бессословность в обществе.

Таким образом, в пореформенный период последствия реформ не имели возможности реально способствовать созданию института гражданства. Сословное законодательство являлось слабо разработанным и не давало четких определений для существовавших категорий городских обывателей. В течение второй половины XIX – начала XX в. городское население Тобольской губернии неизменно увеличивалось, что было обусловлено в большей степени искусственными факторами (строительством железной дороги, увеличивающимся переселением и миграцией селян).

Список литературы

1. Павлов А. 3000 верст по рекам Сибири: Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень, 1878. 164 с.
2. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX–XX вв. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. : сб. науч. ст. Барнаул, 2002. С. 36–64.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого: изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. СПб., 1905. Т. LXXVIII : Тобольская губерния.

4. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 472 с.

В.И. Дятлов

«ЖЕЛТЫЙ ВОПРОС» НА ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ЭПИТЕТ «ЖЕЛТЫЙ» В ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Присоединив во второй половине XIX в. Дальний Восток, Россия обрела и огромный комплекс сложнейших геополитических, экономических, политических проблем. По большей части они оценивались государственными деятелями, столичными и региональными чиновниками, военными, разнообразными экспертами, журналистами и публицистами, учеными, просвещенными обывателями в категориях «желтый вопрос», «желтая проблема», «желтый труд», «желтая опасность».

В этих терминах оценивалось теснейшее соседство с гигантским по населению Китаем, «четыре тысячи километров проблем» границы с ним, по замечательному выражению Акихиро Ивасита. Гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснется». И неожиданный – и потому еще более тревожный – процесс модернизации и державного усиления также соседней теперь Японии. И полная неосвоенность только что присоединенного Дальнего Востока в политическом, военном, демографическом, экономическом отношениях. Оторванность его от метрополии, почти полная до строительства Транссиба. Полная зависимость задачи освоения региона от ресурсов Китая. А такое освоение было стратегическим направлением деятельности властей поздней имперской России.

И наконец, острейшая проблема трудовых мигрантов из Китая, в меньшей степени – из Кореи и Японии. Именно способ вербализации оценки миграционной ситуации властями и различными кругами российского общества – предмет рассмотрения в докладе.

Освоение Дальнего Востока, создание там первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, ее обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности формирующегося населения – все это создало огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счет российских источников было просто невозможно. Этот платежеспособный спрос создал мощный и постоянно растущий приток мигрантов из соседних стран.

Преобладающий по численности поток из Китая составляли временные, в значительной части сезонные, мигранты. Это были одинокие мужчины, так как миграция женщин была запрещена китайскими законами. Отсюда и преобладающая миграционная стратегия, направленная на временное пребывание в России, минимальную адаптацию к принимающему обществу. Китайские мигранты преобладали в торговле и личных услугах, ремеслах, коммунальном хозяйстве, строительстве, золотодобывающей промышленности, заметную роль играли в сельском хозяйстве в качестве арендаторов и наемных рабочих.

Вторая по численности группа – мигранты из Кореи. По форме – трудовые мигранты, по сути – почти беженцы от невыносимых условий жизни. Перебирались в Россию семьями и с твердыми намерениями остаться здесь навсегда. Это создавало огромный стимул к адаптации – они стремились получить российское подданство, во многом для этого массово принимали православие, стремились дать детям российское образование и знание языка. Составляя самый низкооплачиваемый и бесправный слой рабочих на золотых приисках и в городской экономике, они

заняли заметное место в сельском хозяйстве. Российские власти быстро и высоко оценили их лояльность, умение вести сельское хозяйство в этом регионе, огромное трудолюбие. С проблемами и трудностями, но им удалось добиться российского подданства для значительной части переселенцев, права на получение земли и возможности создавать свои деревни. Довольно быстро сформировалась немногочисленная, но энергичная русифицированная и получившая современное образование элита.

Японских мигрантов было мало, около пяти тысяч человек в 1902 г., но они нашли свою нишу в экономике, занявшись профессиями, требующими современного образования и ремесленной квалификации.

Это был видимо первый в истории России случай массовых трансграничных трудовых миграций, не организованных властями империи. Точных оценок численности мигрантов нет в силу постоянных изменений, сезонности, слабой постановки учета и контроля. Но в некоторые годы их численность превышала сотню тысяч человек (по оценке А.Г. Ларина 200–250 тыс. в 1910 г.), т.е. составляла 10–12 % населения региона. На этой рабочей силе держалось сельское хозяйство, золотопромышленность, строительство, сфера обслуживания и личных услуг, торговля и общественное питание.

Полная зависимость от труда мигрантов была вполне осознана и активно переживалась и обсуждалась властями и населением региона. И это была для них не абстрактная, оторванная от обыденной жизни проблема. Массовая миграция сформировала ситуацию массового же, повседневного, обыденного контакта. Контакта как нормы. И это требовало выработки отношения, стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений, формирования комплекса поведенческих практик. Проблема осознавалась в качестве критически важной не только для властей и населения Дальнего Востока, но и империи в целом.

Сложная смесь понимания ценности мигрантов как ресурса и страха перед ними

была сформулирована владивостокским переселенческим чиновником и публицистом А. Пановым. Он писал, что без китайцев Дальний Восток не будет освоен и потому неизбежно потерян для России. Но массовое применение их труда может привести к «окитаиванию» региона и такой же неизбежной его потере.

Распространенность такого понимания не означала унификацию отношения к мигрантам. В текстах тех лет можно проследить и спокойно-доброжелательное отношение, и расчетливо-прагматическое, и панически-враждебное. Но сближает все эти позиции чувство отчужденности.

Моя гипотеза состоит в том, что природа этого страха – и природа отношения вообще – воплощена в эпитете «желтый». Это господствующий дискурс – а не просто часть случайно сложившегося термина и понятия.

Стоит подчеркнуть, что как правило эпитет «желтый» употребляется наряду с этнонимами: читающая грамотная публика, да и значительная часть неграмотного населения, особенно на Дальнем Востоке, знала, что есть китайцы, японцы, корейцы, монголы и т.д. Многие хорошо представляли, в чем состоят различия между ними. Чиновники, военные, профессиональные эксперты, анализируя структуру населения, особенно мигрантской его части, структуру хозяев торговых и промышленных предприятий, другие конкретные явления и процессы в регионе привычно мыслят в этих категориях.

Они хорошо видели разницу миграционных стратегий различных этнических групп – в соответствии с этим зачастую выстраивалась и политика администрации. Так, например, антикорейская кампания генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, известного исследователя и знатока региона, основывалась на ясном понимании того, что корейцы – отличный колонизационный материал: работающие, лояльные, готовые к интеграции, полезные, а в аграрной сфере – просто незаменимые люди. Однако, в отличие от предшествующих генерал-губернаторов, он опасался именно этих

качеств. Суть его политики была сконцентрирована во фразе о том, что он предпочитает видеть Дальний Восток пустыней для русских, но не цветущим садом для «желтых». Он видел регион резервной территорией, местом жизни будущих поколений россиян. Поэтому оседание здесь их потенциальных конкурентов он не приветствовал. Он предпочитал временных гостей, «перелетных птиц» – китайцев, которые искали здесь не новый дом, а возможность заработка.

Нам важна здесь языковая стратегия этого проекта – рестриктивные меры против *корейцев* как мера по борьбе против «желтых». Корейцы, адаптационные усилия которых очевидны, в качестве будущих россиян не признаются по причине того, что они «желтые».

Проблема «желтизны» рассматривалась как одно из главных, если не главное, препятствий для территориальной экспансии в Китае, для захвата Маньчжурии, например. И хотя в публицистике появлялись соображения о том, что Россия много каких народов присоединила и сделала их, в конечном счете, русскими, этот взгляд явно не преобладал. Очень важно в этом контексте то, что азиатские подданные империи, те же буряты или якуты, например, в категориях «желтые» не идентифицируются. По отношению к ним используется сословная система категорий, а в последние годы империи – появляются и этнические маркеры.

Представление о несовместимости с «желтыми» стимулировало и экзотический проект создания «Желтороссии» – классической колонии империи, но не ее части, пусть даже с особым статусом. Место для «Желтороссии» отводилось в этих проектах разное – или заселенный китайцами Дальний Восток, или тем или иным способом аннексированная часть Китая. В любом случае колониальный статус расценивался как способ решения проблемы «желтых» подданных империи.

Если давать общую оценку, то конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления, в той части, что связаны с мигрантами, обычно

рассматривались в категориях этничности или подданства. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире – начинает господствовать «желтый» дискурс. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть работы таких вдумчивых аналитиков, как В.В. Граве, В.К. Арсеньев. Это отчетливо прослеживается в стратегических документах – ежегодные Всеподданнейшие доклады приамурских генерал-губернаторов.

Из Всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора (за 1893 г., 1894 г. и 1895 г.): «Много лет покоившаяся на побережьях Тихого океана желтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и невольно встрепенулась... Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась голова этой расы, Япония, население которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови, является мозгом и нервными центрами гигантского туловища – Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной желтой расы с европейскими выходцами». Характерно, что перед этим идет тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе и оцениваются выгоды и риски от присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «желтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Советская власть – в других терминах, в другом контексте, но в чем-то продолжила такое понимание и такой курс. Корейцы и китайцы были выдвинуты или депортированы с Дальнего Востока из опасения того, что могут стать «пятой колонной» для Японии. При этом были очевидны недружественные, а то и просто враждебные отношения их между собой. И единственное, что давало основание верить в такую коллаборацию – их «желтизна».

Причины господства такого подхода уходят в комплекс настороженности, страхов, опасений, высокомерия и неуверенности, сложившийся при решении

сложнейших проблем Дальнего Востока. Эти настроения обрели слова, образы и объяснения в чрезвычайно популярной тогда расовой теории, которая рассматривалась как последнее достижение научной мысли и была вполне респектабельной. Она исходила из презумпции природной, органической принадлежности человека к «расе», в которой биологические характеристики определяют интеллектуальные, моральные и духовные. Принадлежность к расе не является вопросом личного выбора, ибо нельзя выбрать цвет кожи или разрез глаз. Биологические характеристики, принадлежность к расе определяют для носителей такого понимания и ключевые характеристики человека как социального существа.

Массовые антикитайские настроения, геополитические страхи и устремления и расовая теория, соединившись, породили синдром «желтой опасности». «Желтые» в этой системе взглядов выглядели наиболее опасной расой для «белых». За нею виделись огромная и мобилизованная численность, мощь древней китайской империи и цивилизации, растущая сила и амбиции модернизирующейся Японии. А модернизация позволяла «желтым» присвоить и использовать научно-технические, экономические и военные достижения европейской цивилизации для непримиримой борьбы с нею же. Тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас исключал возможность даже относительно мирного сосуществования. Расовые отличия виделись настолько великими, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности.

Убедительность такого подхода усиливало подключение ресурса других мощных в России ксенофобских комплексов. Этому совершенно не мешало то, что они иногда противоречили друг другу или вообще были взаимоисключающими. В результате очень часто китайцы предстают символом «торгашества» – и тогда ставятся в один ряд с евреями. Вплоть до идеи совместного китайско-еврейского заговора, направленного на уничтожение

европейского «белого» мира. Они могут рассматриваться и в контексте нового «монгольского нашествия» и грядущего «ига» – как новые кочевники, новое варварство. При общем понимании, что к реальным монголам это не имеет никакого отношения. «Спящий Китай» часто предстает символом застоя, рутинности, деспотии, антитезы развитию и прогрессу.

Идея «желтой опасности» разделялась в России далеко не всеми. Националистически настроенный публицист П. Тимофеев, призывающий бороться с засильем в стране евреев, китайцев, иностранцев, восхищается японским национализмом и призывает учиться у него. Социалист С.Н. Тавокин переводит проблему в плоскость классовой борьбы: «свет, избавление от ярма капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдет с Востока».

Однако отрицание «желтой опасности» не сопровождается у них протестом против употребления самого эпитета «желтый» или его игнорированием в собственных текстах. Даже противник расовой теории, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и аргументированно отрицая «желтую опасность», возможность объединения столь разных народов как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, привычно пользуется соответствующей терминологией, даже не завычивая ее.

И только внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Д.И. Шрейдер практически не пользуется словом «желтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз да и на всех прочих инородцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всем азиатском Востоке, европеец – безразлично: на нашей ли далекой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т.д. – всегда привык смотреть, как на людей низшей породы. С ними не сближаются... обыватели равно не знают их и равно чужды им».

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых» (их дегуманизация) становилось естественной и

необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага. Демонизация относится не только к синдрому «желтой опасности». При сопоставлении всех «великих ксенофобий» XX в. бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности опасности от того или иного «чужого». Угроза с их стороны воспринимается не как что-то рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению, по крайней мере, описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобщее-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей.

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного «противника», имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним – это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает

сомнительным возможность победы над ним. Запредельность и смертельность угрозы вытекает из того, что ее носитель – человек принципиально иного мира, и в этом смысле – скорее не человек, а мыслящее и разумное существо. Расовый подход подразумевал настолько принципиально качественные отличия, что практически выводил представителей других рас из категории людей с их моралью и системами ценностей. Поэтому «желтые», «муравьи», даже «макаки» предстают как враг с нечеловеческой, **инопланетянской** логикой и мотивацией действий.

Таким образом, отношение к синдрому «желтой опасности» в позднеимперской России было сложным и неоднозначным. Были и его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те, и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих, посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность.

В.В. Николаев, Е.В. Самушкина

ЭТНИЧНОСТЬ АЛТАЙЦЕВ В ДИСКУРСАХ СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Исследование выполнено в рамках Плана НИР Х.100.3.3. «Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – начало XXI века)»

Процесс активной модернизации России в конце XIX – начале XX в. затронул и окраины империи. В Горном Алтае на рубеже веков в результате череды административных, земельных реформ началась трансформация традиционной социальной структуры, появились первые проекты социально-политического устройства и организации аборигенного населения. Модернизация на Алтае

выражалась в актуализации традиционных форм самоидентификации, в обращении к прошлому в среде интеллектуальной элиты региона. Данная социальная группа актуализировала свою деятельность по конструированию идентичностей. В статье будут рассмотрены две модели модернизации аборигенного тюркоязычного населения Горного Алтая, выявлены символы и идентификационные практики,

представляющие этническую общность. Источниковая база данного исследования – документы общественных организаций, личные фонды, хранящиеся в региональных архивах, материалы прессы и исторической публицистики.

В работе будет рассмотрена деятельность алтайской интеллектуальной элиты по формированию символической системы, дискуссии о путях развития алтайцев. Анализ алтайской идентичности будет осуществлен в контексте рассмотрения социо-культурной модернизации. Изучение конструктивистской деятельности интеллектуальной элиты позволит выявить системы символов, путей развития этнической группы в общественно-политических дискурсах конца XIX – начала XX в.

Анализируя общественно-политические дискурсы, представляющие пути трансформации аборигенного сообщества, можно выделить два основополагающих проекта. Первый обращается к христианской традиции, к ассимиляционной модели, предложенной Алтайской духовной миссией (далее – АДМ). Второй проект основывается на программах, подчеркивающих этническую и религиозную идентичность аборигенного населения.

Просвещение аборигенного населения, приобщение его к «высокой» культуре являются основными целями и институтов православной церкви. Ученый и церковный деятель Н.И. Ильминский сформулировал целую систему обращения инородцев в православную веру, которая включала образовательный блок, например, перевод на инородческие языки учебников истории с соответствующей адаптацией к местному контексту, работа над просвещением женщин, консервативных в лингвистическом и культурном планах [1]. Основными пунктами системы Н.И. Ильминского являлось формирование педагогических кадров из числа коренного населения, издание литературы на аборигенных языках и преподавание, в том числе на родном языке для автохтонного населения.

Смена религиозной идентичности среди коренного тюркоязычного населения, согласно концепции миссии, предполагала отказ от родовой и постепенно от этнической идентичности. Деятели Алтайской духовной миссии предлагали отказаться от цивилизационной специфики, выраженной в форме хозяйственной деятельности, в пользу занятия земледелием. Этому должна была способствовать создаваемая сеть миссионерских поселений, где под «присмотром» сотрудников миссии и при участии крещеных аборигенов и русских, происходила трансляция навыков оседлого земледелия, нового образа жизни и этническая «перековка» новокрещеных. Так, М.В. Чевалков – первый алтайский писатель, основатель алтайской литературы, служитель Русской Православной церкви, в басне «Пахарь и охотник» доказывает необходимость перехода алтайцев к оседлому образу жизни, изменению традиционных устоев [2].

В начале 1910-х гг. часть элиты, воспитанная институтами Алтайской духовной миссии, предлагает свою программу модернизации аборигенной культуры. Некоторыми священниками из числа крещеных алтайцев предлагается создание «Дружеского союза деятелей по возрождению туземцев Алтая». Основателями организации проводится идея о бесправии и отсутствии должного уровня образования среди «инородцев», несмотря на усилия со стороны миссии, а также мысль о необходимости принятия христианства, воспитания активного члена общества при сохранении некоторых особенностей этнической культуры. Не раз в документах союза встречается образ «спящей во тьме невежества туземной окраине» [3]. Невежеством аборигенного населения, согласно авторам проекта устава, можно объяснить приверженность алтайцев традиционному кочевому хозяйству, культуре и прошлому. Также отмечается роль АДМ по защите интересов автохтонного населения от «пришлого элемента», к которому причисляли русских сибиряков-старожилов. При этом вновь прибывшие крестьяне рассматриваются как

более активные, трудолюбивые и культурные по сравнению с аборигенным населением. Пассивность, необразованность алтайцев лидерами организации связывается с политикой государства, а также недостаточной активностью православной миссии, которую прежде всего объясняют недостатком средств и кадров. В документах союза подчеркивается важность участия в деле спасения «инородцев» гражданами в независимости от этнической идентичности и социального статуса, необходимость самому населению региона участвовать в деле просвещения аборигенного населения. Резюмируя, всем единичным, разрозненным силам необходимо объединиться, слиться в одну нравственно дисциплинированную, сплоченную и организованную силу – союз. «Сказанное сейчас относится, конечно, ко всем деятелям по просвещению инородцев, русские то или инородцы» [3, л. 3].

Второй дискурс, ориентированный на сохранение культурных и хозяйственных особенностей автохтонного населения, обращение к героическому прошлому алтайцев формируется деятелями Алтайской горной думы. Лидеры алтайской интеллигенции, Г.И. Гуркин, В.Т. Тибер-Петров, А. Кульджин, Г.М. Токмашев и др. на съездах данного органа формируют программу действий, где обозначают главные проблемы, стоящие перед индигенным населением. Период с конца 1910-х гг. до середины 1920-х гг. в Горном Алтае проходит под знаком построения автономии, обращения к традиционной алтайской культуре и прошлому тюркоязычного населения.

Идеологическую основу концепций, представляющих образы прошлого, особенности развития коренного тюркоязычного населения составляют теоретические наработки популярного в общественно-публицистическом дискурсе Сибири 1910-х гг. движения областников. Областники, полемизируя в общественном пространстве с иерархами церкви, предлагали свое видение развития тюркоязычного населения региона. Областной строй, по мысли Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, базируется на

самобытности регионов, сформировавшейся в результате территориального и этнографического самообразования. За основу управления должен быть положен принцип «единство в многообразии». В своих работах известный общественный деятель и этнограф отрицает европоцентристские схемы, предложенные эволюционистами и в духе цивилизационного подхода отмечает право «каждого народа, племени» на самобытность, иной путь развития. Негативно оценивали областники и русификаторскую политику государства, церкви, видя в мероприятиях по насаждению религии, единого образа жизни и административного строя угрозу тотального единообразия [4, с. 174].

Не без участия идеологов областнического движения в Сибири в 1910-е гг. возникают общественные организации по изучению культуры и быта тюркоязычного населения («Общество любителей изучения Алтая», национальная секция при «Союзе сибиряков-областников», Алтайский национальный комитет, Алтайское инородческое культурно-просветительское общество и др.). Проводятся съезды коренного тюркоязычного населения, где обсуждаются вопросы территориальной и этно-культурной автономии, возрождения культуры автохтонных народов, сохранения историко-культурного наследия, образования музеев, представляющих «самобытную алтайскую культуру», формирования алтайской образовательной системы.

Залогом успешного развития алтайцев, согласно идеям региональной элиты, являлась возможность организации политической автономии. Так, в 1918 г. на заседаниях Алтайской горной думы обсуждался вопрос об учреждении республики Ойрот. Необходимость существования административного образования объяснялась алтайскими интеллигентами существующими среди автохтонного населения преданиями об Ойрот-хане и его пришествии [5, л. 157]. Ссылаясь на фольклорное наследие, события средневековой истории, представители

Секция 3

Люди и институты империи

Л.В. Татаурова

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ

Анатолий Викторович Ремнев в мои студенческие годы был учителем в университете. Молодой кандидат наук, только что вернувшийся из Ленинграда, он читал нам лекции в одном из семестров на втором курсе, у одной группы вел семинары. Но наше научное знакомство произошло почти через 20 лет. Помимо административной и общественной работы, Анатолий Викторович вел и разносторонние научные исследования, проводил международные конференции, симпозиумы, привлекая к участию в них иностранцев, занимающихся историей России. В научном пространстве нас объединил интерес к русской истории Сибири, в период, который у нас принято называть Новым временем (XVII–XIX вв.). Вероятно, поэтому в 1999 г. Анатолий Викторович предложил посетить участникам очередного научного симпозиума мою археологическую экспедицию в Большереченском районе, близ озера Изюк на правом берегу Иртыша, напротив села Евгацино.

Участники конференции вместе с А.В. Ремневым прибыли к нам по Иртышу на прогулочном теплоходе «Москва». Они с интересом посетили раскоп, прослушали мои рассказы о том, как в конце XVII в. на это место пришли русские крестьяне и служилые люди, построили здесь деревню. О том, как археологический материал может рассказать об их хозяйственных занятиях и о том, как в конце XIX в. деревне пришлось переселиться на противоположный левый берег Иртыша из-за постоянных разливов реки и основать современное село Евгацино. Затем экскурсанты (а среди них было большинство ученых иностранцев из дальнего зарубежья, которые прекрасно владели русским языком) поехали в д. Окунево посмотреть на «центр мира и религий». И пока они набирались впечатлений от путешествия на автобусе по

деревенским и проселочным дорогам, мне пришлось переквалифицироваться из руководителя экспедиции в специалиста по борщу и шашлыкам. Правда, банкет мы устраивали в нескольких километрах от базы моего отряда, в урочище Темеряк в красивейшем сосновом бору. К моменту приезда участников с экскурсии, которые запоздали, потому что немного заблудились, я готовила борщ. И ученый народ тут же стал обсуждать, анализируя состав используемых мною продуктов, что это борщ или щи?... И, глядя на готовящийся шашлык, утверждать, что они вегетарианцы. Я сказала об этом Анатолию Викторовичу. Он в ответ: «За столом видно будет». И действительно, после «первой» борщ с деревенской сметаной и шашлык пошли на «ура». Этот сюжет приведен здесь не только как воспоминание о проведенном совместном мероприятии, но и как пример дальновидности, на мой взгляд, А.В. Ремнева, как научного исследователя. И она в том, что эта поездка показала иностранцам-русскооведам настоящую Россию, «не причесанную» специально к их приезду, а такую, какая есть: с нашими дорогами, богом забытыми деревнями и замечательными людьми. Позднее Анатолий Викторович не единожды рассказывал, что многие из участников этого симпозиума запомнили именно эту поездку.

Вероятно, описанный сюжет способствовал нашему дальнейшему и уже научному сотрудничеству с А.В. Ремневым. В 2001 г. с накоплением собственных материалов по археологии русских и активизацией археологических исследований в сибирских городах, возникла идея проведения конференции, которая объединила бы исследователей, занимающихся Новым временем. Причем не только археологов, но и историков, и

этнографов и других специалистов [1; 2]. Конечно же, я пригласила к участию в конференции и Анатолия Викторовича. Правда, выслушав меня, он, подумав, сказал: «Интересная идея, но, Лариса, я же не археолог» (эту фразу, несмотря на участие почти во всех моих конференциях, он повторял всегда). Конечно, пришлось убеждать, что археология и ее роль в исторической науке – это не только раскопки и артефакты, это прежде всего исторические реконструкции на основе анализа найденных артефактов и всех возможных источников (письменных, исторических, этнографических, результатов междисциплинарных и естественнонаучных исследований). Кроме того, очень жаль, что историки не используют археологические материалы в исторических нарративах (вспомните пример с портретом Витуса Беринга). Он согласился.

Сегодня перечитывая его статьи в сборниках конференции «Культура русских в археологических исследованиях» видится, хоть и, вероятно, спонтанная, последовательность изложения исторических процессов в Сибири, связанных с ее российским освоением: политическая мотивация [3], народная колонизация [4] и изучение самого главного исторического персонажа в истории Сибири – Ермака [5].

Рассматривая политические процессы колонизации Сибири, А.В. Ремнев затронул самый значительный аспект этого процесса – формирование этнической группы русских сибиряков: «Оторванные от мест своего компактного проживания украинцы и белорусы, хотя и сохраняли достаточно долго свой язык, черты бытовой культуры, в условиях Сибири и Дальнего Востока, оказавшись рассеяны (хотя и проживали отдельными поселениями) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и коренных сибирских и дальневосточных народов, были более восприимчивы к культурным заимствованиям. Отсутствие постоянных контактов с местами выхода, непривычная природная среда, условия хозяйственной деятельности, смешанный состав городского

населения, разнородный этнический состав рабочих на золотых приисках и стройках стимулировали процессы единения в “большую русскую нацию”» [3, с. 23]. Вопрос об этнической принадлежности сибирского населения в XVII–XVIII вв., памятники которого мы изучаем археологическими методами и считаем русскими, неизменно вставал в дискуссионном пространстве конференции. Анализ археологических материалов, этнографических и исторических источников доказал справедливость приведенной выше цитаты [6; 7]. Кроме культурной, по мнению А.В. Ремнева, необходима была и экономическая интеграция Сибири и Дальнего Востока в Россию. Анализируя этот процесс, Анатолий Викторович приводит одну любопытную цитату: «...в 1910 г. ... бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И.И. Тхоржевский с удовлетворением отмечал: “По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи. Впрочем, Западная Сибирь уже заметно сближалась с востоком европейской России”» [3, с. 26]. Заключение, характеризующие развитие сибирской культуры, как уже пройденный ранее этап этого процесса на территории метрополии очень четко проявляется и в археологическом материале, например, в самом массовом – керамике. Гончарный круг и русское керамическое производство, которое принесли в Сибирь переселенцы, прошло здесь вновь все этапы своего становления [8]. Так, по материалам европейской России, лепная посуда (изготовленная методами скульптурной лепки без использования гончарного круга) исчезает в X–XII вв. [9, с. 24]. В Сибири она доживает до середины XX в., причем даже в специализированном гончарном производстве мастера, владея гончарным кругом, посуду предпочитали делать частично или полностью методом скульптурной лепки [10, с. 59], а на круге лишь обрабатывали поверхность.

Анализ «народной колонизации» Сибири, обилие пригодных для сельского

хозяйства земель и отсутствие крепостного права сформировали иной, отличный от европейского образ сибирского крестьянина. Основой консолидации которого, по мнению А.В. Ремнева стало православие. «Сцементировать разнородное русское общество на азиатских окраинах призвана была Русская православная церковь. “Русскую землю” крестьянин воспринимал как “христианское пространство”, где живут православные люди, как территорию, отмеченную христианскими маркерами» [4, с. 36]. По археологическим материалам это прослеживается в погребальном обряде. Так на памятнике Изюк-I (Большереченский район Омской области) нательные кресты как элемент погребального обряда и маркер православия обнаружены почти во всех могилах – на 261 погребение (264 умерших) зафиксировано 205 нательных крестиков и один кожаный. Еще четыре крестика обнаружены в культурном слое поселения, три могли иметь отношение к кладбищу [7]. Количество нательных крестиков связано с двумя дополняющими друг друга факторами: «...использование культовых православных амулетов характерно лишь для самых ранних этапов приобщения к христианству, когда принявшие крещение стремились продемонстрировать свой переход к новой религии <...> обычай хоронить с крестиком возрождается, по-видимому, в XVII в., когда реформа Никона вызвала жесткое противостояние официальной церкви и старообрядчества (вплоть до запрета медного литья). Вновь возникла потребность демонстрировать принадлежность к конкретному течению православия...» [11]. В сибирских условиях «работал» еще один фактор – не только принадлежность к православию, но и принадлежность к русской (российской) народности, т.е. есть консолидация по вере и национальной принадлежности среди местного «инородного» населения.

Последней работой Анатолия Викторовича, связанной с тематикой конференции «Культура русских в археологических исследованиях», стала статья, посвященная Ермаку – центральной фигуре в сибирской истории. Он

анализирует образ Ермака в православном контексте XVII–XVIII вв., художественно-историческом осмыслении его образа в XIX в.: «для русских сибиряков, которые пришли на новую землю, нужен был свой исторический символ, подчеркивающий важные элементы их идентичности: сохраняющуюся “русскость” и историческое право на Сибирь. Ермак выступал в этом случае как объединяющий знак и поучение в формирующейся коллективной культурной памяти региона» [5]. Особый интерес эта тема имела потому, что на эту же конференцию тюменские коллеги-археологи представили результаты археологического исследования места последнего боя Ермака [12]. Поэтому очень хотелось на дискуссионном поле научного форума выслушать точки зрения авторов обоих докладов, которые с помощью разных подходов пытались осмыслить, оценить и понять роль самой значимой личности в сибирской истории. Но...

В 2011 г. волею судеб конференция «Культура русских в археологических исследованиях», уже получившая статус международной, проходила в г. Тара (Омская область). Она была частью мероприятий по гранту ФЦП Министерства образования и науки Российской Федерации «Междисциплинарные методы и технологии в археологии русских: история, технология, человек». Кроме его публикации в сборнике конференции у нас с Анатолием Викторовичем была договоренность, что часть статей молодых исследователей будет опубликована в нашем ваковском «Вестнике Омского университета», редактором которого он был. Анатолий Викторович собирался поехать в Тару и как докладчик, а мне всегда было важно, чтобы все желающие поучаствовать в конференции и приславшие статьи в сборник, обязательно приехали. Тем более, очень хотелось послушать на одной площадке доклады, посвященные Ермаку. Я позвонила Анатолию Викторовичу вечером 19 ноября, в субботу, и сказала, что в Тару мы выезжаем в понедельник, 21-го. Он ответил мне усталым и грустным голосом, что очень хочет поехать, так как лет 20 не был в Таре, посмотреть, как много там

изменилось. Но в понедельник врачебный консилиум, который он, к сожалению, не может пропустить. Не знаю почему, но при всем понимании ситуации, его отказ расстроил меня до слез. После конференции мы встретились на его кафедре. Я справилась о здоровье, прогнозах врачей. Он был весел, потому, что доктора обнадежили

улучшением, шутил над своим внешним видом после лечения, спрашивал об итогах конференции. В ответ вручила ему материалы конференции, он порадовался, что по сравнению с первой конференцией, сборник значительно «потолстел», говорили о статьях в «Вестник». А через два месяца Анатолия Викторовича не стало.

Список литературы

1. *Татаурова Л.В.* Культура русских в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 3–8.
2. *Татаурова Л.В.* Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 16–25.
3. *Ремнев А.В.* Как сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 15–28.
4. *Ремнев А.В.* Как «чужая» земля становилась «русской»: народное историческое сознание в имперских стратегиях «обрусения» азиатских окраин // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 27–38.
5. *Ремнев А.В.* Ермак в исторической памяти, имперских и национальных сценариях и нарративах // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во Ом. ин-та (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 153–168.
6. *Татаурова Л.В.* Кто вы есть, русские сибиряки? // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник научных трудов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 161–166.
7. *Татаурова Л.В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск : Апельсин, 2010. С. 11–26.
8. *Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С.* Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований). Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. С. 206–218.
9. *Розенфельдт Р.Л.* Домашняя утварь. Керамика // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. С. 22–28.
10. *Новиков А.В.* Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX– первой половине XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Сиб. издат. фирма РАН, 1999. С. 52–76.
11. *Макаров Л.Д.* Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 193–232.
12. *Матвеев А.В.* В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во Ом. ин-та (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 127–145.

А.А. Козлова

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

Проблема государственной власти в нашей стране является актуальной для любого периода истории, поскольку управление государством зачастую осуществлялось и в наше время осуществляется не только государственными

органами, институтами, но и отдельными людьми, чьи должности далеко не всегда соответствуют их влиянию на политику правителя и страны в целом.

Российская императрица Анна Иоанновна взошла на трон в 1730 г. при

особых обстоятельствах, когда русская аристократия в лице Верховного тайного совета попыталась получить значительную часть власти. Верховники, фактически осуществлявшие управление страной, начиная со времени царствования Екатерины I, посчитали, что пора получить и официальную власть и трансформировать русский абсолютизм в олигархическую форму при номинальной правительнице, взяв при этом за образец политическую систему Швеции или Англии. Именно с этой целью они обратились к Курляндской герцогине, племяннице Петра I, приглашая ее на русский престол, но с определенными условиями, которые она должна была подписать. Анна согласилась на предложение, но сама ждала случая, как от них избавиться, поэтому, ощутив поддержку части провинциального дворянства, обвинила верховников в обмане и аннулировала документ. Следующий шаг императрицы был вполне логичен: ликвидировать Верховный тайный совет, который состоял из сторонников ограничения императорской власти, а затем наказать и самих его руководителей, обвинив в попытке государственного переворота.

Отказавшись от этого правительства, императрица должна была создавать новую систему управления. В качестве правящего органа новая императрица провозглашает Сенат, восстанавливая его права, поскольку заявляет, что будет править по законам своего великого дяди. Но полностью властные полномочия Сената будут восстановлены и даже расширены лишь с приходом к власти Елизаветы Петровны. Сенат от Анны Иоанновны получил наименование Правительствующего, а некоторые из бывших членов Верховного тайного совета даже были включены в его состав. Всего было назначено 21 сенатор, которые и должны были осуществлять управление всеми основными сферами жизнедеятельности государства. Именно сюда поступали личные распоряжения императрицы, она периодически посещала заседания Сената, правда, с течением времени это происходило все реже. Как

свидетельствуют «Журналы Правительствующего Сената», в первый год правления сенаторы время от времени отправлялись на доклады к государыне, но затем это стало происходить однажды в неделю по субботам. По приказу императрицы восстанавливаются взаимоотношения Сената и некоторых других органов власти: так, были восстановлены конференции Сената и Синода, отчеты представителей коллегий в случае необходимости, высказанной сенаторами.

Несколько позже, в 1731 г., Анна Иоанновна создает кабинет министров, состоявший из трех человек, при этом данный орган больше напоминает собрание ближайших советников, нежели официальный государственный орган власти. И действительно сначала официально было заявлено, что кабинет министры будут заниматься работой секретарей, представляя государственные бумаги императрице, а также передавая ее пожелания и решения. Но поскольку мы говорим об абсолютной монархии, когда совершенно очевидно, что возрастание значения человека или органа власти целиком зависело от степени близости к правителю, то нужно отметить, что очень скоро полномочия этого органа власти серьезно расширились.

Кабинет министров был создан по инициативе А.И. Остермана, опытного государственного деятеля еще петровского времени, прекрасно понимавшего и саму Анну, и степень ее потенциального участия в государственных делах. А в 1735 г. кабинет министров становится вершущей бюрократической пирамиды, поскольку получает право решать все государственные вопросы без какого бы то ни было (даже формального) участия государыни, так как подписи кабинет-министров приравниваются к визе императрицы (так называемая функция промульгации). Налицо передача части полномочий и власти этому органу, в то же время зачастую он выполняет функции коллективного секретаря или канцелярии, способного разъяснить Анне Иоанновне какие-либо государственные вопросы,

требовавшие длительного внимания и тщательного рассмотрения. Кабинет, конечно, был поставлен выше Сената и мог принимать решения самостоятельно как коллективный представитель власти императрицы, при этом не стоит думать, что государыня не следила за его деятельностью, она, безусловно, могла вмешаться в любой момент, хотя зачастую предпочитала этого не делать.

Кроме этих органов, продолжали свою деятельность коллегии, созданные Петром Великим, но в аннинское правление были восстановлены некоторые из допетровских учреждений, отмененных императором. Одним из них был Сибирский приказ, воссозданный в 1733 г.

Кроме того, в управлении государством принимают участие не только органы власти, но и отдельные люди. Поскольку речь идет об абсолютной монархии, нельзя не отметить такой институт, как фаворитизм, который в XVIII в. имеет в России особое значение, в том числе в связи с «женским» периодом управления страной. Во время царствования Анны Иоанновны все историки, несмотря на разницу в оценках, сходятся в значительном влиянии на государственные дела Эрнста Иоганна Бирона. Несмотря на отсутствие официальных должностей, значение его недооценить сложно, хотя кажется преувеличением присвоение его имени периоду правления Анны. Кроме Бирона, велико было влияние Остермана, а его

авторитет в вопросах внешней политики был практически непререкаем. Кроме того, периодически появлялись и другие влиятельные сановники, например, А.П. Волынский.

В результате, становится очевидным, что управление государством при Анне Иоанновне относится ко времени уже достаточно развитой абсолютной монархии, когда существование того или иного органа власти, а также степень его влияния на государственную политику целиком зависели от государя и степени близости к нему, именно этим объясняется, что зачастую люди, не имевшие постов, влияли на государственную политику гораздо сильнее, чем официальные лица.

Придя к власти, императрица попыталась взять за образец правления петровскую эпоху, именно поэтому она наделила значительной властью Сенат, но столкнулась с тем, что такая система управления предполагает серьезное личное участие правителя. Тогда-то и появился новый орган – кабинет министров, который со временем получал все больше власти, но это не означало ограничение влияния государыни, а было обычной промудрацией. Нужно также отметить, что и сама императрица, и ее фавориты периодически вмешивались в управление, когда считали это необходимым, что говорит об особой системе власти, основанной на официальных органах власти, а также на деятельности личностей, имевших влияние на правителя.

В.А. Воронанов

О РОЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ СОСЛОВИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ТОБОЛЬСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Развитие системы общественного управления в Тобольском наместничестве путем примерного учреждения волостных судов как типовых органов существенно компенсировало территориальную, хозяйственную и культурную разобщенность его жителей. В номенклатуру должностей, замещавшихся при участии сходов обывателей, реформатор последовательно включил писаря, ответственного за

поддержание регулярной связи крестьянской общины («мира») с государственными органами. Законодатель закрепил право на автономию для этносоциальных групп, однако выборы кандидатов для замещения должностей сословных представителей в верхних и нижних расправах и нижних земских судах способствовали консолидации интересов всего населения Азиатской части России – Сибири. Избиратели, ведущие

оседлый образ жизни, безусловно, выполняли требования правительственной администрации по отбору «кадров» на государственные должности, позволяя, в частности, систематически воспроизводить представительство в судах и уездных администрациях коренных жителей.

Взаимодействие сельских, волостных, уездных и губернских органов власти способствовало повышению эффективности системы государственного управления и укреплению системы правосудия. Выборные лица полноценно включились в правоохранительную и правоприменительную работу в волостных и нижних земских судах, нижних и верхних расправах, разделяя ответственность за соблюдение всех норм законодательства и обеспечивая, прежде всего, реализацию и защиту интересов государства, а также разрешая коллективные споры о правах

владения и собственности, способствуя укреплению правового порядка, установленного верховной властью. Нотариальная деятельность нижних расправ была направлена на удовлетворение потребностей разных сословий, проживавших за Уралом. Исполнители должностей сельских заседателей стремились закрепить новый личный статус, получив одобрительные отзывы губернского начальства – «аттестаты».

Законодатель стремился искусственно привлечь к сотрудничеству в государственных органах представителей коренных народов, мигрировавших на огромных просторах тайги и тундры, способствуя расширению этнокультурных контактов, развитию общественных отношений и систематическому укреплению политического влияния России в Сибири.

Р.Г. Саражина

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Сибирь в последней четверти XVIII в. являлась самым обширным окраинным регионом Российской империи. Слабая заселенность, преобладание русского населения над коренным, отличный от европейской части страны сословный состав – все это придавало Сибири специфические черты среди других окраин Российской империи. Поэтому проблема включения региона в общее политико-правовое поле с коренными регионами страны стояла особенно остро, а проблема функционирования органов государственной власти на окраинах империи превращалась в важный аспект имперской политики.

Объект исследования – судебная система в Западной Сибири в последней четверти XVIII в. Методологическая основа представлена новейшими интерпретациями теорий модернизации и институционализма. Применялись системно-исторический и микроисторический подходы, структурный и функциональный методы.

По мере расширения Российского государства и включения в него новых областей перед центральным правительством стояла непростая задача: распространять ли на вновь присоединенные территории общеимперские государственные институты или сосредоточить управление регионом в особых, учитывающих его особенности, органах власти. Проблема эта затрагивала не только учреждение административно-хозяйственных и финансовых институтов власти, но и полицейских и судебных учреждений, поскольку, как писала Екатерина II в именном указе от 18 июля 1762 г.: «Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его писанием повеление...» [1, с. 68].

Если в XVII – первой половине XVIII в. управление Сибирью сосредотачивалось в особом учреждении – Сибирском приказе, который ведал, в том числе и судебными

вопросами, то уже во второй половине XVIII в. в имперской политике стали доминировать идеи унификации и централизации управления в стране. Так, в 1763 г. был ликвидирован Сибирский приказ, Сибирская губерния стала подчиняться центральным учреждениям на общих основаниях. В переписке с Вольтером в мае 1767 г. императрица отмечала необходимость введения таких законов, которые бы, действуя на территории всего государства, способствовали не только объединению страны в рамках одного правового поля, но и служили мощным интеграционным фактором, способствующим включению периферийных областей в единую империю: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии, какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять» [2, с. 359]. В итоге, в 1780-х гг. на Сибирь были распространены общеимперские «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. (далее – Учреждение) [3].

Подробно не останавливаясь на основных положениях реформы, отметим только ее судебную составляющую. Согласно Учреждению для каждого сословия на каждом уровне местного аппарата управления создавались особые судебные органы: верхний земский суд (в губернии) и уездный суд (в уезде) – для дворян, губернский магистрат (в губернии) и городские магистраты и ратуши (в уезде) – для купцов и мещан, верхняя (в области) и нижняя (в уезде) расправы – для крестьян. Создавались и общесословные суды: палаты гражданского и уголовного суда (в губернии), которые являлись апелляционно-ревизионными инстанциями для сословных судов, и совестные суды (в областях), в компетенцию которых входило рассмотрение «особых» дел. Службу в новых учреждениях должны были нести

назначаемые от правительства чиновники и выборные от сословий заседатели [4].

Стремясь распространить на территорию Сибири общие узаконения, императрица понимала, что необходимо учитывать специфику региона. В результате, из-за отсутствия дворянских имений в Сибири не учреждались уездный и верхний земские суды, для «людей разного звания, не подлежащих ведомству магистратов или расправ» в Тобольске были открыты, как в столичных городах, надворные суды; ратуши в Сибири создавались не только в заштатных посадах, но и в небольших штатных уездных городах. Таким образом, в Западной Сибири, в Тобольском наместничестве, в 1782 г. были открыты следующие судебные учреждения: палаты гражданского и уголовного суда, верхний и нижний надворные суды и губернский магистрат, находившиеся в Тобольске, 2 совестных суда и 2 верхние расправы (в Тобольске и Томске), 9 городских магистратов (в Тобольске, Тюмени, Туринске, Таре, Томске, Туруханске, Омске, Нарыме, Енисейске) и 7 ратуш (в Ялуторовске, Кургане, Ишиме, Сургуте, Березове, Каинске, Ачинске), 13 нижних расправ (в Туринске, Таре, Омске, Березове, Тюмени, Ялуторовске, Кургане, Ишиме, Сургуте, Енисейске, Туруханске, Нарыме и Каинске) [5].

Однако в рамках имперской политики важно было не только разработать оптимальную систему судоустройства в регионе, постепенно внедряя в нее модернизационные элементы, но и решать задачи, связанные с укомплектованием новых судебных институтов кадрами. Правительство решало эту проблему двумя способами: привлечением чиновников из европейской части страны и расширением основ выборной службы. Анализ кадрового состава основных судебных учреждений Тобольского наместничества: Тобольских гражданской и уголовной палат, Тобольских верхнего и нижнего надворных судов, Тобольского совестного суда, Тобольского губернского магистрата, Тобольской верхней расправы – позволил нам сделать вывод о том, что на главные должности упомянутых судебных институтов назначались в

основном дворяне из европейской части страны. До назначения в судебные учреждения они занимали должности в воеводской администрации, а ранее отличались на военной службе. Значительным опытом службы в судебном ведомстве чиновники не отличались [6, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 11–101]. Таким образом, можно утверждать, что осуществление правосудия воспринималось правительством не как самостоятельное и отличное от администрирования занятие, а виделось лишь одним из видов управленческих работ. Тем самым предполагалось, что правосудием может заниматься практически любой чиновник.

Проблему нехватки кадров правительство Екатерины II пыталось решить и с помощью института сословных заседателей. Последние избирались в сословные судебные учреждения из местных жителей. При выборе кандидатов на должности принимались во внимание имущественный, территориальный, возрастной цензы и моральная устойчивость [7]. Введение института сословных заседателей должно было способствовать не только решению проблемы кадрового обеспечения судебных учреждений, но и приблизить суд к населению, повысить к нему доверие.

Решение проблемы повышения публичного статуса судей и судебных учреждений, достижения доверия к ним со стороны населения являлось одним из основных направлений имперской политики в отношении судебной системы в Западной Сибири. Правительство не только обеспечивало судебные учреждения необходимыми атрибутами власти, законодательными актами для ведения судопроизводства, необходимой мебелью, но и символическими знаками духовного и правового характера, демонстрировавшими, что судебная деятельность является богоугодным и верноподданым делом, направленным на «благо» общества и его граждан. Так, в 1782 г. в палату Тобольского уголовного суда были доставлены: судейский стол с шести ящиками, трехгранное зеркало с вырезанным орлом,

чернильницы, кресло для председателя из черной кожи, столы для советников и ассессоров, секретаря и протоколиста со стульями, медные подсвечники, шкаф с отворными дверцами, образ знамени Святой Богородицы. А в течение нескольких лет имущество Тобольской палаты уголовного суда пополнилось еще тремя атрибутами духовного характера: двумя медными створчатыми образами Пресвятой Богородицы и образом Преподобного Тихона [6, ф. 360, оп. 1, д. 9, л. 6 об.]. Светская и религиозная тематика перекликались и в тексте присяги, осуществлявшейся с участием священнослужителей. Последние были определены в судебные учреждения Западной Сибири и «для увещевания преступников». С помощью проповедей священников государство надеялось, что преступники «в своих преступлениях раскаются и пред судом сами добровольно признание сделают». Так, с 1789 г. по 1791 г. от духовной консистории для «увещевания преступников» по всем присутственным местам г. Тобольска служил священник Градотобольской Благовещенской церкви Дмитрий Сафонов [6, ф. и-156, оп. 4, д. 1004, л. 2–10 об.].

Главным средством повышения доверия к новым органам судебной власти могло стать только эффективное, с точки зрения населения, функционирование судебной системы. Правительство пыталось улучшить систему судопроизводства правовой регламентацией служебной деятельности. Законом прописывались не только штатное расписание, денежное жалование и порядок предоставления отпусков, порядок отстранения от должности, но и внешний вид чиновников. В 1784 г. Екатерина II разделила всю территорию страны на три полосы (северная, средняя и полуденная), связав цвет мундира с расположенностью губернии. Так, Тобольское наместничество было отнесено к губерниям северной полосы, его чиновникам надлежало носить светло-синие кафтаны с палевыми бархатными лацканами, воротниками и разрезными обшлагами, с пятью по разрезу пуговицами, такого же

цвета подбоем и камзолом с белыми пуговицами [8]. Итак, с помощью внутреннего убранства судебных учреждений, визуализации институтов и норм права, избранием в должности выбранных из народа сословных заседателей, правительство пыталось повысить доверие населения к созданным институтам власти.

Таким образом, в рамках имперской политики по интеграции Западной Сибири в

общероссийское административно-правовое пространство в последней четверти XVIII в. выделялась судебная составляющая, включавшая в себя несколько направлений: разработку оптимальной для региона системы судебных учреждений, решение кадровых вопросов с целью обеспечения судебных институтов чиновниками и формирование «образа» суда, вызывающего доверие со стороны населения.

Список литературы

1. *Омельченко О.А.* К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве : сб. науч. тр. / отв. ред. И.А. Исаев. М. : ВЮЗИ, 1989. С. 69–108.
2. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М. : РГГУ, 2001. 575 с.
3. Об учреждении Тобольского наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. СПб. : Тип. II Отд-я Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 21. № 15327.
4. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20. № 14392.
5. О переменах, сделанных в штате Тобольской губернии против общих губернских штатов // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. I. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 44. № 15334.
6. ГУТО ГУТ (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. 341. Оп. 1. Д. 63. Л. 11–101.
7. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 50. Оп. 1. Д. 657. Л. 5.
8. О мундирах для дворян и губернских чиновников // ГУТО ГУТ (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. 341. Оп. 1. Д. 63. Л. 11–101.

С.В. Любичанковский, С.В. Джунджузов

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ (1740–1750-е ГОДЫ)

Безлюдный Оренбургский край, основанный в 1744 г., остро нуждался в населении. До 1749 г. в Оренбурге разрешалось селиться только калмыкам, продолжавшим исповедовать буддизм [1]. Российские власти считали их язычниками и идолопоклонниками. Калмыки, менявшие вероисповедание и проходившие обряд крещения, отправлялись на жительство в Ставропольское войско. За три с половиной года (с 1745 г. по 1749 г.) обряд крещения в Оренбурге прошли 52 калмыка – 29 лиц мужского пола и 23 женского. Всем им за единственным исключением предписывалось

«повосприятии жительство иметь в Ставрополе» или «по крещении в Ставрополь к прочим таковым же калмыкам прислать» [2, ф. 172, оп. 1, д. 977, л. 1].

Избранная оренбургскими властями в отношении калмыков линия поведения полностью себя оправдала. По свидетельству П.И. Рычкова, перекочевавшие к Оренбургу калмыки «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особое искусство) вскоре исправились как лошадьми, так и скотом» [3, с. 86]. Высокой оценки оренбургского губернатора И.И. Неплюева заслужили

военные навыки калмыков, самим кочевым образом жизни многих поколений превосходно подготовленных к службе в условиях степного пограничья. Неплюев обратился в Сенат с предложением воспользоваться некрещеными калмыками для колонизации Оренбургского края [4, с. 594]. Но честолюбивые планы оренбургского губернатора не нашли поддержки в Петербурге. По договорам, заключенным Российской империей с правителями Калмыцкого ханства, все некрещеные калмыки, где бы они ни проживали, оставались под властью калмыцкого хана и своих феодальных владельцев, которые в любой момент могли затребовать их возвращения в родовые улусы.

Этим правом и воспользовался в 1749 г. наместник калмыцкого ханства Дондук-Даши, отправивший за оренбургскими калмыками нарочного, зайсанга Ноувата. И.И. Неплюев оказался в сложном положении. Как государственный чиновник он не мог пренебречь правительственными предписаниями. В то же время исполнение воли калмыцкого наместника противоречило планам губернатора по формированию Оренбургского иррегулярного казачьего корпуса, в том числе и за счет привлечения калмыков. Из казавшейся тупиковой ситуации был найден простой и вместе с тем неординарный выход.

В Оренбургском областном архиве сохранилось датированное августом 1749 г. дело о добровольном принятии христианства калмыками, кочевавшими при Оренбургской и Чернореченской крепостях. О желании перейти в православие объявили 84 человека [2, ф. 172, оп. 1, д. 911, л. 1–1 об.]. Всего же, с учетом крестившихся ранее 28 калмыков, общая численность оренбургских крещеных калмыков составила 112 человек [4, с. 596].

Есть все основания полагать, что демонстративное крещение оренбургских калмыков произошло на глазах изумленного калмыцкого посланника. Несомненно, со стороны оренбургской администрации на калмыков оказывалось существенное давление, однако оно не носило характер принуждения: из проживавших в пределах

губернии 234 калмыцких переселенцев с Ноуватом откочевали 122 человека [3, с. 87].

В последующие годы численность оренбургских калмыков медленно, но неуклонно возрастала за счет калмыков, вызволявшихся из казахского плена, а также их соплеменников, кочевавших в низовьях Яика и в окрестностях Яицкого городка, которые после перехода в православие оставались на жительстве в Оренбурге. Значительное пополнение калмыцкого населения произошло в 1752 г., когда под предводительством зайсанга Федора Соломома из Ставрополя в Оренбург были переведены тридцать калмыцких кибиток (семей).

Принятие христианства всегда проходило в одном и том же порядке. О добровольном желании «воспринять благочестивую христианскую веру греческого исповедания» обязательно объявлялось в Оренбургской губернской канцелярии. Здесь же со ссылкой на свидетелей удостоверялась добрая воля обращающегося. Затем он передавался на поруки в Духовное правление. Возглавлявший его протоирей назначал священника, который занимался обучением «молитв и прочему, что касается нужному первейшему познанию христианской должности» [2, ф. 172, оп. 1, д. 715, л. 6]. После прохождения обряда крещения обращенные получали новые имена, как правило, по имени восприемника. Так, в 1758 г. двенадцать принявших православие джунгарских калмыков были названы Симеонами (Семенами) Михайловыми (Михайловичами), а десять крестившихся с ними калмычек нарекли Аннами Яковлевыми (Яковлевнами) [2, ф. 172, оп. 1, д. 2178, л. 3 об.].

В соответствии с побуждавшими к смене вероисповедания обстоятельствами, оренбургских калмыков можно условно разделить по следующим группам:

1) выходцы из Волжского калмыцкого ханства, которые, по свидетельству П.И. Рычкова, прозябали в совершенной бедности, но «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особое искусство) вскоре

исправились как лошадьми, так и скотом» [3, с. 86];

2) калмыки, приезжавшие в Оренбург на поселение или по торговым делам из Яицкого городка [2, ф. 172, оп. 1, д. 715, л. 1–2]. Среди них встречались и калмыки, уже состоявшие казаками Яицкого казачьего войска, для которых смена вероисповедания предполагала и смену места жительства [2, ф. 172, оп. 1, д. 840, л. 1];

3) калмыки, бежавшие из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, задержанные как нарушители границы. В производившихся в них делах обязательно присутствовала формулировка: «в Оренбургской губернской канцелярии в допросе объявили желание воспрять святое крещение» или «православную христианскую веру греческого исповедания» [2, ф. 172, оп. 1, д. 835, л. 1];

4) калмыки, как правило, женщины или малолетние дети, выкупленные частными лицами у казахов [2, ф. 172, оп. 1, д. 2220, л. 1];

5) калмыки, состоявшие под следствием и заключенные под стражу за совершение противоправных деяний [2, ф. 172, оп. 1, д. 726, л. 1];

6) калмычки, жены кундуровских татар, стремившиеся посредством крещения освободиться от власти мужей [5].

Бегства калмычек от тиранов мужей были если и не частым, то и не редким явлением. В делах фонда Оренбургской консистории обнаружены сведения о пяти калмычках, в разное время ушедших в Оренбург от кундуровских татар. О жизненных невзгодах, выпавших на их долю, известно из показаний, запотоколированных во время допросов в Губернской канцелярии. Так, доставленная в Оренбург из Озерной крепости в 1746 г. ИмчиУбутина, рассказала, что жила она вместе с родителями в астраханской степи, а после их смерти переехала к брату в Астрахань. Через десять дней брат выдал ее замуж за кундуровского татарина И. Десеева. Десеев, видимо, был человеком не состоятельным. Когда он вместе с другими татарами решил перебраться на жительство в Оренбургскую губернию, то под предлогом

отсутствия лошади отдал жену другому татарину Исенгазу. С последним она приехала в Оренбург и за полгода до побега родила от него сына. В Губернской канцелярии Имчи объявила, что не хочет у Исенгаза быть в холопстве. «Возымела она желание креститься и жить в услужении у русских людей, а не у татар», и сына, «если можно..., к себе в православную веру взять желает» [2, ф. 172, оп. 1, д. 705, л. 1–1 об.]. В следующем после описанного случая 1747 г. из Воздвиженской крепости в Оренбург для крещения были привезены три калмычки, которые рассказали, что они бежали от находившихся при Желтом руде кундуровских татар [2, ф. 172, оп. 1, д. 796, л. 3]. В 1765 г. о желании стать православной христианкой в Оренбургской губернской канцелярии заявила калмычка Разбикея. Как и многие из ее едиородцев, после бегства из киргиз-кайсацкого плена она нашла пристанище в Оренбургской губернии. Вышла замуж за казака татарина Акбая Авелева. Сменить религию Разбикея решила, когда узнала, что «калмык состоит немалое число в вере греческого исповедания ... при том же и брат ее родной имеется в здешних казаках» [2, ф. 172, оп. 1, д. 3055, л. 1–1 об.].

Из материалов дел о крещении калмыков явствует, что последние с легкостью соглашались на смену вероисповедания. Не только среди женщин, мужья которых были татарами, но и среди мужчин встречались такие, кто за короткий срок дважды сменил религию, последовательно переходя из буддизма в ислам, а затем в христианство. Особое беспокойство оренбургского губернатора И.И. Неплюева вызвало известие о склонении татарскими муллами уже крещеных калмычек к принятию ислама. Поводом к разоблачению противозаконных действий мусульманских священнослужителей послужило следствие о приехавшей из Яицкого городка «калмыцкой жене» Айсле Нарошкеевой, принявшей православие под именем Пелагеи Петровой, а потом «сращенной неволею и обманом» в магометанство. После проведенного следствия 26 декабря 1746 г. И.И. Неплюев предписал Яицкому войску выявить всех

калмыков, обращенных в ислам. Из представленной ведомости следовало, что из тридцати калмычек, состоявших в браке с татарами, отказались от перехода в ислам только три женщины [6].

С появлением в Оренбургском ведомстве большой группы крещеных калмыков перед военной администрацией встал вопрос об организации управления ими. В качестве образца использовался опыт Ставропольского поселения, максимально учитывавший в процессе формирования властных структур национальные особенности, традиции и обычаи калмыцкого народа. Губернатор И.И. Неплюев распорядился зачислить калмыков в созданный в 1748 г. нерегулярный казачий корпус. Каждое лето часть из них призывалась на пограничную службу, которую они уже как оренбургские казаки несли совместно со своими соплеменниками из СКВ.

В декабре 1753 г. из оренбургских калмыков была сформирована отдельная рота со штатным расписанием и установленными окладами. Рядовыми оренбургскими калмыками командовали один зайсанг и два старшины, которые, в свою очередь, подчинялись возведенному в полковничий чин владельцу Семену Хошоутову, до крещения звавшемуся Сербетом [3, с. 87]. Своим возвышением Хошоутов был обязан знатности происхождения и политической прихоти возглавлявшего Коллегию иностранных дел канцлера Алексея Петровича Бестужева. Выходец из Волжского калмыцкого ханства Сербет принадлежал к отпрыскам владельческого рода из субэтнической группы Хошоутов.

В 1741 г. после смерти хана Дондук-Омбо среди его родственников началась кровопролитная борьба за ханский престол. Сербет примкнул к партии своей тещи, вдовы умершего хана, – Джаны Дондуковой. По ее наущению Сербет совершил нападение на улус Абу-Гелиона, принадлежавший внуку особо почитаемого калмыками хана Аюки Дондук-Данжину. Во время столкновения Дондук-Данжин был убит. Но и для Сербета эта победа оказалась

пирровой: он был пленен и отправлен в распоряжение астраханского губернатора В.Н. Татищева. Под пыткой Сербет признался еще в одном преступлении – в намерении угнать из Астраханской губернии табуны лошадей. В XVIII в. русское уголовное право даже виновный умысел считало преступлением. Весной следующего года калмыцкого владельца под конвоем вывозят в Казань, подальше от калмыцких улусов и соблазна побега. В Казани Сербет задержался ненадолго: 15 мая 1743 г. он принимает крещение под именем Семена Артемьева Хошоутова. Все обвинения с новокрещеного калмыцкого пленника были немедленно сняты, и он стал добиваться перевода в Ставрополь для воссоединения со своими крещеными соплеменниками. Несколько лет, пока ему подыскивали должность, Хошоутов проживал в Москве. В командование оренбургскими калмыками он вступил в 1750 г. [2, ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 16–16 об.].

На первый взгляд, превратности судьбы, забросившие Хошоутова в Оренбург, могут показаться цепью случайных событий. На самом же деле его поведение вполне соответствовало политической линии, проводимой Россией относительно калмыцкого вопроса. Она заключалась во всяческом поощрении перехода в православие калмыцких феодалов, примеру которых следовали рядовые калмыки, а также в строгом соблюдении феодально-родовой иерархии при назначении на командные должности представителей калмыцкой знати [7].

Изучение конкретных обстоятельств, побуждавших представителей высшей калмыцкой знати в первой половине XVIII в. искать покровительства российских властей, позволяет обнаружить в их поведении определенные закономерности. Во-первых, все феодалы, переселившиеся в Россию из Калмыцкого ханства, находились в оппозиции к ханской власти. Во-вторых, как правило, такие переходы происходили в периоды междуцарствия, когда одна из группировок терпела поражение в борьбе за ханский престол. Наконец, в-третьих, от русского правительства калмыцкие

владельцы получали не только денежное вознаграждение и привилегии, но и возможность на специально отведенных территориях осуществлять управление улусами крещеных калмыков. В пределах России им гарантировались личная

безопасность и защита от любых заговоров и посягательств на их властные полномочия со стороны подчиненных. К середине 60-х гг. XVIII в. в Оренбургском корпусе несли службу уже 200 калмыков, что составляло пятую часть его рядового состава.

Список литературы

1. *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х гг. XVIII – первая четверть XX в.) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. С. 87–92.
2. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области).
3. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург : Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1887. 405 с.
4. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. Т. 1–2. 706 с.
5. *Любичанковский С.В.* Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 22–29.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 104–106.
7. *Любичанковский С.В.* «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 165–169.

О.В. Ищенко

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА СИБИРСКОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во все века существования Российской империи конфессиональный фактор и соответствующая ему политика государства в области выстраивания отношений с многочисленными народами, исповедовавшими разные религии, имели для носителей верховной власти первостепенное значение. Определяя империю как могущественную державу, объединяющую разные народы и территории в единое государство, необходимо учитывать, что в рамках империи в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических или административных систем, традиций права, конфессий и т.д. [1, с. 16–25].

При этом следует согласиться с известным исследователем национальных процессов в истории Российской империи В.С. Дякиным в том, что сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповедания, находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, часто с собственными традициями

государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию, а потом и за независимость [2, с. 60–61]. Стремление власти избежать центробежных тенденций и последующего распада империи предполагает, с одной стороны, наличие привилегированного и достаточно обширного сообщества, конфессии, гражданской общины, в руках которой находится власть. С другой стороны, управление империей невозможно без учета национально-конфессиональной специфики населения, что предполагает гибкий подход к традициям, религии, особенностям быта народов, ее населяющих. Выявление соотношения указанных аспектов в рамках религиозной политики государства (в данном случае – в мусульманском вопросе), ее реализация через систему образования в Западной Сибири (Степном крае), как специфическом регионе Российской империи, является целью данного исследования.

Основные положения правительственной политики в отношении нерусского населения окраин были заложены еще во второй половине XVIII в. в правление Екатерины II. Расширение территории империи, сопровождавшееся включением в ее состав значительного количества иноверцев, способствовало провозглашению политики религиозной терпимости. Именным указом от 20 августа 1769 г. «О воспрещении проповедникам ездить без дозволения к иноверцам и о строении мечетей» сибирскому губернатору Д.И. Чичерину было дано право выдавать разрешения на строительство мечетей в пределах Сибирской губернии [3, т 18, № 13336]. 17 июня 1773 г. указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» провозгласил принципы широкой веротерпимости: «Как Всевышний Бог терпит на земли все веры, языки и исповедания, то и Ее величество из тех же правил, сходясь Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало» [3, т. 19, № 13996]. В 1788 г. был выпущен манифест, в котором императрица Екатерина II повелевала «учредить в Уфе духовное собрание Магометанского закона, которое имеет в ведомстве своем всех духовных чинов того закона». Мусульманским муллам назначалось содержание из государственной казны. Мусульмане получили свободу строить мечети и религиозные школы, более того, им оказывалась в этом правительственная поддержка. В тех регионах, где местные киргизы (казахи) еще пребывали в полуязычестве, светская власть поддерживала миссионерство мусульманского духовенства [4]. Принятие подобных нормативных документов и проведение указанных мероприятий свидетельствует о том, что Екатерина II начала встраивать мусульманское сообщество в систему государственного устройства империи. Поддержка ислама в азиатской части империи объяснялась

необходимостью закрепить кочевое и полукочевое население степи в составе России.

Изменения в правительственной политике в отношении мусульманского населения Сибири становятся заметными в первой половине XIX в., когда усилившееся самодержавие активизировало попытки христианизации казахов (в дореволюционной терминологии – киргизов. – *О.И.*). В значительной степени это было обусловлено знаменитыми положениями теории «официальной народности», согласно которым именно православная вера понималась как неперемное условие существования России. Русская православная церковь была призвана духовно сцементировать разнородное русское общество и на азиатских окраинах. Общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила, однако, в противоречие с колонизационными задачами [5]. Так, в Сибири даже введение ряда преференций для неофитов не привело к массовому переходу последователей ислама в православие. Крайне негативное отношение основной массы мусульман к «вероотступникам», угроза быть изгнанным из сообщества и даже убитым, сочетавшаяся с искренней приверженностью жителей степи традиционной религии, определили не просто нулевую, но даже отрицательную эффективность подобных действий. Неудача политики христианизации нерусского населения Западно-Сибирского генерал-губернаторства привела к заметному изменению политики власти в отношении местных мусульман. Их постепенная, ненасильственная интеграция в лоно империи должна была проводиться, в первую очередь, через систему образования. Но почти до середины XIX в. обучение казахских детей осуществлялось в мектебах и медресе, дававших мусульманское образование. Светских школ было очень мало. В условиях кочевого и полукочевого образа жизни трудно было организовать стационарные учебные заведения, поэтому количество учебных заведений в зоне

традиционного проживания мусульман оставалось незначительным.

К началу XX в. Степной край, как часть азиатского региона империи, занимал особое место в системе интеграции окраин в имперское пространство. Отличаясь от других сибирских территорий, превратившихся в российскую (и даже «русскую») «внутреннюю периферию», Степной край воспринимался властью как пока еще «азиатский», однако лишенный классических «восточных» черт и населенный «полудикими» кочевниками, которые в силу своей «природной чистоты», не замутненной окончательно «мусульманским фанатизмом», нуждаются в русской цивилизации и способны ее принять [5].

В этой связи большое значение для национальных окраин приобрела подготовка специалистов из числа коренного населения. Учитывая неразвитость в районах, населенных казахами, даже системы начального образования, в середине 90-х гг. XIX в. администрация Степного края начала подготовительную работу по открытию в Акмолинской и Семипалатинской областях русско-казахских школ. В начале 1900 г. генерал-губернатор Степного края Таубе в своем обращении к министру народного просвещения указал, что развитие русского образования среди детей кочевников своевременно и крайне необходимо. В министерстве народного просвещения доводы генерал-губернатора не встретили особых возражений, но в связи с нехваткой денежных средств решение вопроса было отложено. Лишь благодаря настойчивости нового губернатора Степного края Н. Сухотина, изыскавшего возможность покрыть на первом этапе значительную часть расходов на содержание аульных школ из местного бюджета, министерство народного просвещения утвердило правила для указанных учебных заведений Акмолинской и Семипалатинской областей. Первые аульные школы были открыты осенью 1902 г., а к началу 1903 г. в крае функционировало уже более 20 подобных учебных заведений [6].

Казахское население первоначально крайне настороженно отнеслось к смешанным школам, воспринимая их как способ русификации и христианизации своих детей. Поэтому директор народных училищ Акмолинской области А.Е. Алекторов начал работу по разъяснению назначения новых школ. Он уделял серьезное внимание улучшению материального обеспечения русско-казахских школ и настойчиво рекомендовал, чтобы обучение грамоте обязательно велось на родном казахском языке. Позднее в школах было разрешено обучение азам ислама, но при условии содержания учителей за счет самих мусульманских общин [7].

Необходимость реализации правительственного курса, направленного на интеграцию населения степи в пространство империи предполагала, в первую очередь, подготовку образованных кадров для начальных школ, открывавшихся в аулах края. Поэтому в Омской и Семипалатинской учительских семинариях к вступительным экзаменам на равных условиях допускались лица «православного и магометанского вероисповедания».

Заметной вехой в дальнейшем развитии конфессиональной политики государства стал подписанный в условиях первой революции в России указ императора Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который существенно изменил правовой статус неправославных исповеданий. Основываясь на «сердечном стремлении обеспечить и каждому из подданных свободу верования и молитв по велениям его совести», императором в числе прочего было признано необходимым пересмотреть «законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания» [3, т. 25, № 26125]. Расширение прав мусульман мотивировалось тем, что «мусульманское население внутренних губерний исполняло всегда свой долг пред государством наравне с его коренными подданными и не доставляло правительству каких-либо особых забот в отношении политическом.

Будучи, затем, весьма твердым в правилах своего вероучения, население это никогда, однако, не проявляло стремления к прозелитизму среди русского народа. Кроме того, несмотря на сохранившиеся еще некоторые отличия внутреннего и внешнего быта, население это сроднилось с Россией и вполне ей дружелюбно» [8, с. 417].

Корректировка политики власти в отношении мусульман в Степном крае нашла свое проявление в расширении возможности доступа к образованию казахского населения. В начале XX в. в средних специальных и профессиональных учебных заведениях региона вероисповедные ограничения при приеме практически отсутствовали, а поступление сюда казахов в ряде случаев происходило на льготных условиях.

Однако нельзя утверждать, что политика властей в отношении мусульманского населения края определялась только благожелательным стремлением вовлечения его в социокультурное пространство империи с учетом его интересов и традиций. Государственная власть, провозглашавшая ведущие позиции православной церкви в деле воспитания подрастающего поколения, явно игнорировала многоконфессиональность состава населения империи. Широкою известность в Омске

приобрел случай отказа от участия в обязательной общей вечерней молитве учащихся-мусульман центральной фельдшерской школы. Правила учебного заведения содержали положение об обязательном присутствии на молитве всех учащихся, поэтому педагогическим советом после обсуждения вопроса о том, следует ли мусульманам и другим лицам нехристианских вероисповеданий «присутствовать на общих молитвах для соблюдения общего порядка и из уважения к религии большинства», было принято решение, согласно которому нехристиане должны были присутствовать на молитвах, не принимая в них активного участия, а, кроме того, «все ученики-пансионеры без различия вероисповедания обязаны присутствовать в высокотожественные дни на молебствии в церкви» [9, л. 6–9].

Таким образом, анализ проводимой властью политики интеграции азиатской части империи свидетельствует о наличии существенных проблем в этой области. Провозглашение основ веротерпимости в сочетании с сохранением ведущей роли православия изначально содержало в себе противоречие, которое определяло и правительственные колебания в этом вопросе, и расхождение между теорией и практикой интеграции.

Список литературы

1. *Красняков Н.И.* Интеграция этносов и регионов в единое политико-правовое пространство: к характеристике научной категории «империя» // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. 2009. № 9. С. 16–25.
2. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. 1000 с.
3. Полный свод законов Российской империи.
4. Прот. *В. Цыпин.* Веротерпимость [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/150455.html> (дата обращения 15.08.2015).
5. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 150–191.
6. *Толочко А.П.* К истории открытия русско-казахских школ в Степном крае в начале XX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : II Междунар. науч. конф. Омск, 2001. С. 16–19.
7. *Кабульдинов З.Е., Кайыпбаева А.Т.* История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.) [Электронный ресурс]. Алматы, 2012. URL: <http://bibliotekar.kz/istorija-kazahstana> (дата обращения 18.08.2015).
8. Цит. по: *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905. 424 с.
9. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 115. Оп. 1. Д. 70.

ОБРАЗ КАЗАХСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТРУДАХ РУССКИХ АВТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТЕПИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Цель настоящей статьи – показать, как в многочисленных этнографических трудах, записках и воспоминаниях русских авторов конца XVIII – начала XX вв. формировался не только образ Казахской степи, но и образы колонизированных субъектов – кочевников, а именно – образ женщины-казашки.

На протяжении всего XVIII в. и до начала XIX в. в представлениях русской общественности Казахская степь была в большей степени краем «неведомым и неизведанным», он внушал определенный страх и опасения и долгое время оставался практически не изученным в географическом, этнографическом и политическом отношениях. Все же в конце XVIII – начале XIX в. выходят книги обобщающего характера [1–3] и первые специальные исследования русских авторов, где мы находим сведения, непосредственно описывающие Казахскую степь и кочевой народ, который населял ее [4–8]. При прочтении данных книг нужно помнить, о чем писал Э. Саид в своей известной работе «Ориентализм»: «занимающийся исследованием Востока европеец или американец не может отрицать основные обстоятельства своей действительности. А именно того, что он подходит к Востоку прежде всего как европеец или американец, и лишь затем как индивид»; и второе важное замечание: «всякий пишущий о Востоке автор (и это справедливо даже для Гомера) исходит и некоего восточного прецедента, некоторого предшествующего знания о Востоке, к которому он обращается и на которое опирается» [9, с. 22, 36].

На наш взгляд, эти два немаловажных фактора вполне уместно учитывать, когда мы задаемся вопросом как русские исследователи и путешественники, попадая в Казахскую степь воспринимали новых поданных России – казахов? Учитывая компилятивный характер большинства трудов авторов XVIII – начала XIX вв., надо

отметить, что они были не оригинальны в описании внешнего вида казахов, их уровня жизни, быта, культуры. Итак, с позиции своего культурного превосходства русские путешественники и исследователи воспринимали кочевников-казахов прежде всего дикими, «необузданными», «к гневу весьма склонными», но свободолюбивыми, склонными к грабежу, разбою, но не кровожадными, хитрыми, жадными, вместе с тем легкомысленными, простодушными и гостеприимными, в религиозном плане казахи выступали «плохими магометанами», «невежественными и суеверными». Примечательно то, что в этот период еще «незнакомые» казахи отождествлялись и сравнивались с уже «знакомыми» татарами (казанскими и поволжскими), что конечно сказывалось на характерной политике, проводимой русскими властями в тот период.

Что касается непосредственно описания и характеристики женщин, то все авторы отмечают их «крайнее трудолюбие и попечительство в хозяйстве», «домовитость», подчеркивают также крепкое здоровье, неприхотливость женщин в быту, умение легко переносить все тяготы суровой кочевой жизни. Христофор Барданес, один из лучших учеников профессора И. Фалька, которому удалось быть в Казахской степи в составе специального отряда в 1771 г. был поражен тем, что женщины у казахов: «после родов скоро оправляются так, что нередко и сие случается, что в тот же день случится перекочевка и роженица садится на коня и свободно, не чувствуя болезни, может ехать верхом» [5, с. 182]. В указанных работах можно также заметить, что авторы проявляют определенную симпатию к женщинам, когда они пишут об их «добросердечии», «добронравии» по сравнению с мужчинами, одновременно с некоторым сожалением отмечают, что «киргизцы жен своих и весь пол сей не уважают, почитая их за единственных

работников...» [10, с. 84]. Все эти качества, присущие женщине-казашке не раз подчеркивали и отмечали все последующие авторы.

В 20–50-е гг. XIX в. появляются работы, посвященные непосредственно казахам [11–13; с. 177–178], в которых мы можем наблюдать определенные изменения, которые произошли во взглядах русских авторов при описании Казахской степи и характеристике казахов. Так, административные реформы 20-х гг. XIX в. положили начало процессу, когда в глазах русской общественности Казахская степь постепенно перестает быть краем «неведомым», «чужим», напротив, этот регион стал восприниматься в качестве «своего», где получает распространение русская власть. Соответственно казахи стали описываться не столь категорично как прежде – «дикими», «необузданными», «враждебными», они теперь больше представлялись скорее «полудикими», «невежественными», «доверчивыми», при этом имеющими шанс поднять свой уровень благодаря цивилизирующему русскому влиянию.

В этот период русская власть предпринимает попытки по кодификации обычного права казахов, где большое внимание уделяется семейно-брачным отношениям. В этих материалах, а также и в этнографических работах того периода находим данные о свадебных обрядах казахов. Авторы подробно описывают калым, аменгерство (левиратный брак). Разумеется, что авторы, описывая все эти обычаи и обряды, присущие кочевому обществу, исходили из собственных представлений, характерных для европейских норм семейно-брачных отношений. Отсюда определенные противоречия в их взглядах при описании женщин в традиционном кочевом казахском обществе, когда с одной стороны, осуждается практика насильственных браков, бесправное положение женщины, которая «продавалась» родителями за калым, а после брака становилась полностью зависимой от воли мужа, его родственников. С другой стороны, те же авторы писали о

том, что женщины у кочевников имеют большую свободу, чем женщины у оседлого населения Центральной Азии. Эту «свободу» русские авторы видели прежде всего во внешних проявлениях, как то, что женщины у кочевников никогда «не закрывают лица», «не заключены в гаремы», «свободно разъезжают верхом по степи, как и мужчины» и т.д.

Эти два на первый взгляд противоречащих друг другу стереотипа, которые сложились у русских исследователей при характеристике женщин в кочевом обществе (с одной стороны, «бесправная», «униженная», а другой стороны, относительно «свободная» по сравнению с женщинами оседлых мусульманских народов), прочно закрепились в работах более позднего периода [14–20], а также нашли свое выражение в управленческих практиках русских властей на местах. Вместе с тем эти два противоположных мнения или стереотипа в отношении казахских женщин неплохо уживались друг другом, и более того, в конечном итоге оба они давали надежду, что женщины-казашки открыты для восприятия основ «цивилирующего» русского влияния.

В конце XIX – начале XX в. так называемый женский вопрос в традиционном казахском обществе еще более актуализируется. Проблемы, связанные с положением женщины в обществе, живо обсуждаются на страницах местной периодической печати, в частности, в газете «Дала уялаты» – «Киргизская степная газета», которая издавалась в Омске с 1882 г. по 1902 г. В тематических публикациях и статьях авторы (многие из них являлись представителями местного населения) затрагивают все те же вопросы: полное бесправие женщин-казашек, пренебрежительное отношение к ним мужчин, отрицательные последствия ранних браков среди казахов и пр. Так, в статье «Женщина» анонимный автор (под инициалами В.М.) связывает столь печальное положение женщин в кочевом обществе с необразованностью и невежеством казахов, с тем, что женщины в

свою очередь сами не видят своего реального положения и свыкаются с ним. Однако автор настроен вполне оптимистично, считая, что «лучшее время придет и для киргизской женщины» [21], связывая его по примеру Западной Европы с распространением образования среди кочевого населения. Примечательно, что эта статья нашла отклик у Раимжана Марсекова (одного из образованных людей того времени), в которой он попытался показать, что казахская женщина «вовсе не обезличивается, а напротив во многом является советницей мужа...», но его доводы оказались неубедительны для его оппонента, который выступил с ответной публикацией.

Итак, образ «угнетенной», «бесправной», но вместе с тем «свободной от мусульманского догматизма и замкнутости» казахской женщины, который сложился окончательно к концу XIX в. в русской общественности, нашел свое отражение в управленческой политике, риторике и лексике центральных и местных властей. По мнению русских чиновников, казахские женщины могли взять на себя роль успешных распространителей русской культуры в традиционном кочевом казахском обществе. Это наглядно демонстрируют многочисленные докладные записки, представления имперских чиновников центральных и местных властей, когда шли дебаты и обсуждался вопрос о способах, методах проведения русификаторской политики среди местного

казахского населения, в которых большое внимание уделяется именно казахским женщинам. Так, военный губернатор Тургайской области генерал-майор Барабаш в своем докладе Министру внутренних дел «О порядке решения брачных и семейных дел киргиз» от 10 мая 1893 г. писал: «...охраняя семейную жизнь от вторжения усердно проводимых татарами – фанатиками магометанских начал, киргизки в качестве воспитательниц молодого поколения действуют в русских интересах и потому заслуживают всякого участия и поддержки со стороны русской администрации» [22]. Такие же мысли находим в представлении Министерства народного просвещения «О выработке типа учебных заведений для киргизок» Министру внутренних дел от 17 декабря 1903 г.: «... нужно пользоваться не упущенным пока временем, и при помощи киргизской женщины возможно шире распространить русское влияние среди киргизов. Одна женщина сделает в этом направлении несравненно более, чем несколько мужчин» [23].

Насколько казахская женщина оправдала надежды, которые на нее были возложены имперской властью в деле успешной реализации политики распространения русского влияния среди кочевого населения Казахской степи, не входит в задачу моей статьи, но является интересным вопросом, который требует отдельного анализа.

Список литературы

1. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 2. 178 с.
2. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 2. 188 с.
3. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. 786 с.
4. *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. 2-е изд., доп. Астана, 2007. 210 с.
5. *Барданес Х.* Киргизская, или казацкая, хорография // Истории Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII в. / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. 4. 368 с.
6. *Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772. 107 с.
7. *Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 г. и 1804 г.; *Он же.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // Истории Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.

Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. 4. 620 с.

8. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX в. / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. 6. 516 с.

9. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006. 636 с.

10. Журнал, веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по величайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями, с описанием всех случившихся происшествий, ровно как и о возвращении в Россию в 1803 г. // Истории Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы, 2007. Т. 5. С. 17–54.

11. Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. 436 с.

12. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1. 264 с.; Ч. 2. 333 с.; Ч. 3. 304 с.

13. Броневский Г.М. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 42. С. 162–194.

14. Вамбери А. Очерки и картины восточных нравов. СПб., 1877. 279 с.

15. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб.: Типография Ю. А. Бокрама, 1865. 221 с.

16. Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. 47. № 1; Т. 49. № 6.

17. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области: юридический быт. М., 2011. 566 с.

18. Изразцов Н.М. Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г. – 5 февраля 1881 г. // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. 436 с.

19. Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. 358 с.

20. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. 268 с.

21. Эту и другие публикации и статьи, связанные с «женским» вопросом см.: Дала уялаты (Киргизская степная газета). 1899. № 1–6; 1891. № 41; 1892. № 31, 32; 1890. № 23, 28; 1896. № 39, 49, 51; и др.

22. ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1923. Л. 3.

23. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 191. Д. 2236. Л. 68.

В.В. Ведерников

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АЛТАЯ В СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века»

Записки путешествий давно известны исследователям горно-металлургического производства Колывано-Воскресенских заводов (далее – КВЗ) (с 1834 г. – Алтайского горного округа) и привлекаются в качестве нарративного источника, т.е. для извлечения отдельных данных. Привлечение делопроизводственных материалов и актов законодательства сыграло в этих исследованиях куда более важную роль. До

сих пор нет исследования, в котором бы производилась общая оценка записок путешествий. Как современники событий воспринимали Алтай?

Путешественники посещали Колывано-Воскресенские заводы в разное время и с разными целями. Территория, подведомственная горному начальству, увеличивалась в течение второй половины XVIII в., маршруты путешествий

охватывали, как правило, Змеиногорск и Барнаул, а также небольшое количество прочих пунктов (Горная Колывань, Риддерск, Зырянск). Наконец, субъективное восприятие окружающего мира сугубо индивидуально. Проблема оценки в том, что какого-то единого образа Алтая в записках путешественников не существовало.

Записки путешественников, помимо их разнокачественности, не охватывают всего периода времени и не создают целостной картины горнозаводской эпохи, поэтому исследование историко-географических образов горнозаводского Алтая имеет ценность только при одном условии: сопоставлении этих образов с современными научными представлениями о ней. Данная тема имеет широкое практическое применение для популяризации истории Алтая в СМИ и в преподавании истории в школах и вузах.

В наикратчайший срок с 1747 г. по 1771 г., за какую-то четверть столетия, Колывано-Воскресенские заводы по объемам производства опередили европейских лидеров Саксонию, Гарц и Нижнюю Венгрию, где горное дело зародилось еще в X–XII в. В XVII в. на первые роли выдвинулась Испания благодаря своим латиноамериканским колониям. С середины же XVIII в. в лидеры европейского производства резко выдвинулись Колывано-Воскресенские заводы. А. Шлецер даже сравнивал Змеиногорский рудник на Алтае с рудником Потоси в Мексике [1, с. 151], однако не по запасам руд, а по большому содержанию в них серебра. В Латинской Америке производилось 90 % всего серебра, в Европе 8 %, на КВЗ – 2 %.

Что характерно, описания путешественников носят не констатирующий, а именно оценочный характер. Автор пришел к выводу, что путешественники производили экспертную оценку ресурсов и перспектив роста колывано-воскресенской промышленности, потому что 1) эти материалы предназначались для иностранных специалистов и потому что 2) путешественники посещали Алтай в

ключевые моменты, когда такая экспертная оценка ресурсов, текущего состояния и перспектив колывано-воскресенской промышленности была необходима.

Записки путешествий издавались в Германии, русские издания выходили в свет позднее, некоторые были опубликованы только в советское время (экспедиция 1826 г. К.Ф. Ледебура), другие не переведены на русский до сих пор (материалы экспедиции 1829 г. А. Гумбольдта, опубликованные в 1837 г. ее участником доктором Г. Розе). В 1771 г. в Барнаул в составе академической экспедиции прибыли П.С. Паллас и И.П. Фальк. В 1772 г. на КВЗ выплавляли 1227 пудов серебра – это был наивысший показатель за всю горнозаводскую эпоху.

В 1779–1785 гг. производство серебра находилось в упадке из-за истощения самых богатых залежей Змеиногорского рудника. Экспертизу отработки месторождений, принятой на Алтае, проводил саксонский геолог И.М. Ренованц, служивший в ведомстве КВЗ именно в 1779–1785 гг. Он заметил, что добыча в рудниках продолжалась, пока содержала богатые руды, а затем рудник оставляли, он затоплялся атмосферными водами, в нем обрушивались внутренние ходы. В своей книге он решительно осудил такой подход: «Чаятельно будут прочитаны сей род строения по горным правилам хищным строением» [2, с. 166].

В 1786–1807 г. и далее на КВЗ проводилась серия преобразований в горном деле и металлургии, которые обусловили рост производства и стабилизацию его на уровне 1 тыс. пудов серебра. Текущий уровень производства зафиксировал И. Герман в своем «Описании сибирских заводов» [3, с. 258–290]. Его обширное трехтомное статистическое описание Колывано-Воскресенских заводов носит именно констатирующий, а не оценочный характер. Иван Герман – русский инженер немецкого происхождения и горный администратор, видимо, предпочел избегать качественных оценок, но по его материалам специалисты того времени могли составить полное представление о том, что новый технический уровень КВЗ обеспечивает

решение задачи производить 1 тыс. пудов серебра.

В конце 20-х гг. XIX в. Колывано-Воскресенские заводы посетили две экспедиции – дерптского профессора Ледебура (1826 г.) и А. Гумбольдта (1829 г.). Этому способствовало новое падение мировых цен, в результате которого серебро потеряло значение мировых денег, уступив место золоту. Кроме того, главный Змеиногорский рудник был признан истощенным в 1817 г. Вновь встал вопрос о перспективах производства. К.Ф. Ледебур уклонился от прямого ответа на него [4, с. 153], но Г. Розе, сделав упор на технологию плавки и огромные производственные издержки, фактически сделал вывод, что производство будет поддерживаться на текущем уровне 1 тыс. пудов серебра в год [5, с. 513–518]. В дальнейшем внимание путешественников к Алтаю ослабевает. Барнаул посетила лишь экспедиция А. Брема (1863 г.), а также саксонский геолог Б. Котта, приглашенный Кабинетом в 1864 г.

Помимо решения практических вопросов, путешественников волновали и вопросы мировоззренческого характера. Каждое описание КВЗ начиналось с упоминания о некоем древнем народе – чуде. Все рудники, включая крупные, были открыты на месте чудских копей.

Алтай привлекал геологов. Г.М. Ренованц, служивший на Алтае в начале 80-х гг. XVIII в., был сторонником нептунической теории и потому считал, что горы Алтая образовались в результате высыхания древнего моря. Ему удалось объяснить происхождение больших массивов осадочных пород в рудниках.

А. Гумбольдт, посетивший Алтай полвека спустя, как сторонник плутонической теории объяснил происхождение месторождений усиленной вулканической деятельностью. Таким образом, общая картина кардинально менялась: месторождения оказались древнее осадочных пород, в которых они находились. Дальнейшим изучением гор Алтая занимались русские геологи – Г.П. Гельмерсен, Г.Е. Щуровский, П.А. Чихачев, Узатис.

Характерна оценка Змеиногорска и Барнаула как культурных центров, где образованных людей, говорящих на иностранных языках едва ли не больше, чем во всей Сибири. П.П. Семенов-Тянь-Шанский даже противопоставил Омск – «Спарту», центр Сибирского генерал-губернаторства, Барнаулу, который путешественник назвал «сибирскими Афинами» [6, с. 137]. Путешественники отмечают строгий порядок и служебную дисциплину, установившуюся на КВЗ. Дж. Кокрен: «Собственно говоря, порядок и характерный дух правления в Барнауле могли бы войти в поговорку» [7, р. 189].

Вместе с тем к 50-м гг. XIX в. горное ведомство приобрело в России дурную репутацию из-за роскоши, несоизмеримой с небольшим жалованием, которую позволяла себе алтайская горная элита. Как известно, с критикой сложившихся на Алтае порядков выступал М.А. Бакунин, отбывавший ссылку в Барнауле. Он утверждал, что супруга горного начальника Гернгросса отправляла платья в Париж для стирки и что горные инженеры после воспитания в Горном корпусе приезжают на Алтай «готовыми ворами» [7, с. 317–318]. В противоположность ему, П.И. Небольсин идеализирует горных инженеров как высокообразованных и воспитанных в добродетели, отчего Барнаул предстает «оазисом в пустыне», «как приют всего прекрасного». Мнение П.П. Семенова-Тянь-Шанского о том, что горные инженеры Алтая представляют собой одно тесно перероднившееся семейство, хорошо известно исследователям. П.И. Небольсин, вообще стремясь идеализировать «алтайские порядки», пишет о горной корпорации: «Они живут как бы огромной семьей, в согласии, не нарушаемом ни спорами, ни враждой, ни разорительными тяжбами» [9, с. 223]. Обширные описания быта и повседневной жизни алтайской горной корпорации дает в своих мемуарах англичанка Люси Аткинсон [10, р. 84–325]. Ее оценки нейтральны, но она также отметила братство, но только внутрикорпоративное.

Развитие золотопромышленности с 30-х гг. XIX в. изменило образ Барнаула.

Английский путешественник Чарльз Котрэл посетил Алтай зимой 1840–1841 гг. Он назвал Барнаул «золотым депо Сибири». Вместе с тем он отметил процветающую коррупцию вокруг сплавки золота: «Крупные владельцы приисков каждый год делают огромные подарки офицерам, занятым в этом деле, и начальник всего округа за несколько лет этим способом сколачивает очень большое состояние» [11, р. 203]. Котрэл предполагал (и не без основания), что нити коррупции тянутся в столицу. О беспорядках вокруг сплавки золота писал и М.А. Бакунин. Образ подневольных работников, который также присутствует в записках путешественников, соответствует общей картине: положение мастеровых и приписных крестьян вполне благополучное и является к тому же заслугой горных властей.

Что характерно, в 70-е гг. XVIII – первую треть XIX в. преимущественно описания Алтая делались немецкими путешественниками, которые оценивали Кольвано-Воскресенские заводы как эксперты, т.е. с позиций ресурсной базы, текущего состояния и перспектив развития производства в обозримом будущем. В целом создавался образ Кольвано-Воскресенских заводов в процветающем состоянии. В 20-е г. XIX в. этот образ явно становится идеологически выверенным. Так, в записках Г. Розе говорится, что плавка на КВЗ доведена до высочайшего совершенства, тем не менее он указывает, что 500 пудов рудного серебра ежегодно безвозвратно терялось в ходе плавки. Чарльз Котрэл назвал Барнаул «золотым депо Сибири», но описывал творившиеся на его глазах безобразия вокруг сплавки золота.

Список литературы

1. *Schlözer A.L.* Münz-, Geld- und Bergwerksgeschichte des Russischen Keisertums vom J. 1700 bis 1789. Göttingen, 1791.
2. *Ренованц И.М.* Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению. СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1792. 504 с.
3. *Герман И.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797. Ч. I. 294 с.
4. *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 414 с.
5. *Rose G.* Reisen nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere. Berlin, 1837. 1. Band. 641 s.
6. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. 276 с.
7. *Cochrain J.D.* Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. London, 1824. Vol. 1. 428 p.
8. *Бакунин М.А.* Сочинения. М., 1935. Т. IV.
9. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. Т. I. 446 с.
10. *Atkinson L.* Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants. London, 1863. 351 p.
11. *Cottrell Ch.H.* Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841. London, 1842. 410 p.

Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко

ОБРАЗ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРНОГО ОКРУГА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ПОСЕТИВШИХ АЛТАЙ В 20-40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Усилиями общественных деятелей с либеральными и демократическими взглядами, а также сибирской прессы, начиная особенно с 70–80-х гг. XIX в., целенаправленно формировался негативный портрет алтайской администрации как наиболее коррумпированной части российского чиновничества. При этом направление главного удара было вполне

очевидно – самодержавная власть монарха, от имени которого Алтайским горным округом управлял Кабинет Его Императорского Величества (далее – Кабинет) и подчиненная ему местная ведомственная бюрократия. Сложившаяся устойчивая традиция критического отношения определенной части российского образованного общества к описанию

процессов, которые характеризовали внутреннее состояние окружного хозяйства, благосостояние жителей региона на протяжении второй половины XIX – начала XX в., и особенно к тем, кто руководил горно-металлургической промышленностью Алтая, а затем инициировал перемены по диверсификации экономики кабинетского территориально-производственного комплекса, успешно переключалась сначала в советскую, а затем и в современную историографию. Статья В.А. Должикова «Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском “кабинетском” хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.)» [1] – наглядное свидетельство, какие, на наш взгляд, абсурдные выводы могут стать следствием одностороннего подхода к изучению проблемы коррупции и исключительно критического настроения к той форме правления, которая была свойственна российской государственности в течение столетий и к одному из источников ее финансирования за счет освоения недр юго-востока Западной Сибири.

Мы не берем под сомнение злоупотребления алтайской бюрократии, довольно значительный, но вряд ли «беспрецедентный» масштаб их, повседневность данного явления, особенно в период спада и кризиса горно-металлургического производства в 60-х – начале 80-х гг. XIX в., и признаем, что истоки бюрократических пороков в окружной системе управления следует отнести к периоду господства подневольного труда в регионе. Однако это лишь один из штрихов к портрету алтайской элиты, а не ее цельный образ [2]. Для воссоздания полной и исчерпывающей картины как самого края, так и характеристики тех, кто им управлял недостаточно опираться только на критические материалы, отложившиеся в источниках. Необходимо также акцентировать внимание на прямо противоположных образах местной горнозаводской бюрократии и Алтайского горного округа, оставленные учеными и путешественниками, посетившими Алтай в 20-40-х гг. XIX в., чьи труды сыграли важную роль в формировании у

общественности позитивного имиджа края и его администрации. Нас заинтересовали мотивы и обстоятельства, вызвавшие появление положительных впечатлений у хорошо образованных, осведомленных и компетентных людей.

Общеизвестны сравнительные оценочные суждения 40-х гг. XIX в. историка, этнографа, журналиста Павла Ивановича Небольсина или выдающегося географа, статистика, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского о Барнауле в сопоставлении с Тобольском, Томском, Омском. Первый отнес Томск и Тобольск к настоящим сибирским городам, в то время как Барнаул в его представлении был «чистым уголком Петербурга», похожим «на заграничный европейский городок» [3, с. 226]. Второй «прозвал его сибирскими Афинами», считая «самым культурным уголком Сибири», особенно на фоне Омска, который по грубости и воинственности нравов сравнил со Спартой [4, с. 56–57].

Такие отзывы имели под собой объективное основание, так как прием вновь прибывших, стремление всячески способствовать выполнению их научных замыслов, обеспечивать им комфортное проживание и времяпровождение контрастировали с тем, что они наблюдали и с чем сталкивались в других сибирских городах. В Барнауле неожиданно для себя ученые и путешественники встречали образованное общество, которое разделяло их увлечения, способно было участвовать в обсуждении серьезных научных проблем, готово было в случае необходимости содействовать реализации намеченных исследований. Это обстоятельство, на наш взгляд, было одним из важных факторов отсутствия в их трудах критического настроения, нежелания отвечать на гостеприимство и реальную поддержку описанием каких-либо негативных сторон внутренней жизни округа или давать нелюбезные оценки отдельным персонажам. Только П.П. Семенов-Тян-Шанский в своих мемуарах не удержался от утверждения, «что все это интеллигентное и культурное общество... жило выше средств,

доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем», и указал на способ «самовознаграждения», получаемого «самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [4, с. 126]. При этом он посчитал нужным отделить данный способ от грубой формы обогащения чиновников, «распространенной в русских провинциальных захолустьях», и подчеркнуть его необременительность для алтайских крестьян, «которые пользовались благосостоянием и не жаловались на притеснения горной администрации» [4, с. 126].

Путешественников поражал не столько внешний облик горнозаводских центров (Барнаул, Змеиногорск, Колывань), так как впечатления о них складывались неоднозначные, сколько местная элита, ее образовательный уровень, вовлеченность в масштабное промышленное производство, образ жизни, организация досуга, наличие культурных заведений в виде библиотеки, музея, минералогического кабинета, ботанического сада, обсерватории и пр., тесная связь с Петербургом, проявлявшаяся в различных мелочах: модном убранстве домов, нарядах дам, разнообразных и экзотических блюдах, подававшихся на обедах и ужинах, новинках литературы, развлечениях и т.п. Большинство ученых не пыталось вникать в сложившуюся систему административных и социально-экономических отношений в округе. Через свои последующие публикации они делились с общественностью небольшими зарисовками о ходе экспедиций и местах пребывания, которые их чем-то удивили и остались в памяти. К ним следует отнести впечатление о Барнауле, прежде всего как о культурном центре Сибири, где многое напоминало столичный образ жизни, принятое в образованном обществе времяпровождение и среду общения.

Большое влияние на путешественников оказывала профессиональная направленность их интересов и деятельности. Например, Карл Фридрих Ледебур, Александр Андреевич Бунге, Карл Антонович Мейер, участвовавшие в ботанической экспедиции 1826 г., или

минералог и геолог Григорий Ефимович Щуровский, совершивший восьмимесячное путешествие по Алтаю в 1844 г., были явно поглощены решением стоявших перед ними научных задач и в меньшей степени отвлекались на описание сопутствующих впечатлений. Тем не менее они создали в своих сочинениях привлекательный образ местного горнозаводского офицерства [5, с. 153–155; 6, с. 164]. К.Ф. Ледебур, вероятно, удивленный материальным достатком и даже роскошью, с какой жила местная административная элита, выяснил и раскрыл законные источники ее благосостояния за счет дешевизны продуктов питания, доступности колониальных товаров и целого ряда льгот и преимуществ, которые давала служба. Стоит отметить свойственное представителям естественных наук отсутствие в их трудах каких-либо личных оценок наблюдаемых явлений или объектов промышленного производства, стремление к точной и буквальной передаче увиденного. В центре их внимания находились природные богатства Алтая, география и история формирования данной территории, уникальные экспонаты.

Иначе выглядят «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» историка, этнографа и журналиста П.И. Небольсина, написанные им по итогам своего частного путешествия 1846 г. и опубликованные отдельной книгой в 1850 г. [7]. В них, помимо исторического очерка, присутствует во многом личностная характеристика алтайской бюрократии и положения основных категорий населения округа, а также восстановленная на основе законодательства действовавшая система управления окружным хозяйством. Возможно, на содержании «Заметок» сказались увлечение автора журналистикой, когда с позиции очевидца он пытался через свои личные впечатления убедить читателя в процветании региона и благосостоянии его жителей. Более того, Павел Иванович не скрывал намерение опровергнуть распространенную в России «ложную мысль, что в сибирских рудниках живут не люди, а несчастные мученики, вечные страдальцы, которые всю жизнь свою проводят в недрах

земли, никогда не видят Света Божьего и изнуряются тяжкими трудами» [7, с. 110].

Однако только профессиональными наклонностями и стремлением изменить устоявшееся общественное мнение нельзя полностью объяснить, почему в его заметках наряду с реальными наблюдениями присутствуют явно приукрашенные образы Алтая, местной администрации и особенно положения приписных крестьян и мастеровых. Напрашивается предположение, что П.И. Небольсин мог выполнять заказ, исходивший от горнозаводской бюрократии, но для такого вывода нужно документальное подтверждение, которое отсутствует. Вероятней всего, присущая его путевым заметкам двойственность была результатом соединения реальных впечатлений, достоверной информации, полученной им на местах пребывания, с личностной их интерпретацией, исходя из предпочтений и идейных установок, свойственных автору.

Принадлежность к дворянскому сословию и мировоззренческая близость с людьми, составлявшими горнозаводскую элиту Алтая, не могли не отразиться на содержании его сочинения.

Таким образом, созданный учеными и путешественниками положительный образ алтайской бюрократии, во-первых, результат восприятия ими окружавшей их действительности, сравнительного анализа различных регионов Сибири и позитивного отношения к людям, которые во многом способствовали реализации их научных планов; во-вторых, ориентация на конкретную область научного исследования, чаще всего далекой от социальных, экономических и управленческих проблем; в-третьих, идейные установки, которыми они руководствовались, если желали высказать то или иное личное мнение о наблюдаемых явлениях.

Список литературы

1. Должиков В.А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 104–108.
2. Соболева Т.Н., Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. статей. Барнаул, 2003. С. 109–137.
3. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 207–226.
4. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. М., 1946. Т. 2. 256 с.
5. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. снем. В.В. Завалишина, Ю.П. Бубенкова. Новосибирск, 1993. 414 с.
6. Щуровский Г.Ф. Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 164–206.
7. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.

Н.В. Кабакова

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В ТОБОЛЬСКУЮ ГУБЕРНИЮ (1840-е ГОДЫ)

В 1840-е гг. в Российской империи осуществлялась реформа государственных крестьян, проводимая Министерством государственных имуществ (далее – МГИ) во главе с П.Д. Киселевым, которая предусматривала возможность переселения из малоземельных губерний в Сибирь, о чем

гласил указ, подписанный в апреле 1843 г. Согласно ему, переселенцы получали безвозвратную денежную помощь и ссуду с десятилетним сроком возврата, льготы от податей и повинностей. Данная мера стала попыткой со стороны центральных властей, с одной стороны, решить проблему

малоземелья в Центральной России, с другой – продолжить процесс земледельческого освоения Сибири. Именно поэтому для государственных крестьян из малоземельных губерний предлагались южные районы Тобольской губернии, наиболее удобные для развития хлебопашества. В данной статье будут затрагиваться вопросы, освещающие процесс реализации данной реформы, где главное внимание будет уделено деятельности сибирских властей в организации переселений.

Осуществляя переселения, государство жестко регламентировало все его этапы, заботясь о появлении в Сибири самостоятельного колонизатора и прочности его водворения. Учреждения МГИ, создаваемые на местах, должны были контролировать районы выхода и укоренения переселенцев, определяя экономическую и социальную целесообразность переездов, проводить межевые и землеустроительные работы, формировать переселенческие партии, предлагать места нового жительства, а при необходимости – возможность их осмотра выделенными депутатами от новоселов, следить за использованием ссуд. В их функции также входило обеспечение жильем, продуктами питания, сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, кормами и семенами. Чиновники, ответственные за осуществление контроля за ходом переселения, вели активную переписку, на основании которой возможно составить представление о том, насколько успешно шел процесс, с какими трудностями сталкивались как местные управленцы, так и вновь прибывшие крестьяне.

Согласно указу об организации переселения государственных крестьян из малоземельных губерний Российской империи в Сибирь, первоначальный поток был направлен на территорию Тобольской губернии, в Тарский округ. Этот поток был совсем незначителен: в 1843 г. сюда прибыло только 19 семейств (66 д.м.п. и 60 д.ж.п.) [1, оп. 2, д. 3121, л. 48–48 об]. Во многом вынужденные действовать на свой страх и риск, имея смутные представления о

далеком крае, крестьяне поначалу высказывали осторожность. Но со временем, убедившись в обилии земель и хозяйственных преимуществах на новом месте, получив обещанные ссуды, льготы и помощь от властей, переселенцы уже проявляли все большую активность и их число стало ежегодно нарастать. В дальнейшем новоселов начали принимать и в других округах Тобольской губернии. В 1848 г. переселенческий поток из Рязанской, Смоленской, Воронежской, Калужской, Казанской губерний (всего 5 173 душ) направлялся преимущественно на территорию Курганского округа, где крестьян определяли к старожилам. Местами водворения были Черемуховская, Сычевская, Арлагульская и Морайская волости, в которых разместили 4 435 чел. Остальные государственные крестьяне остановились в Омском (643 чел.) и Ишимском (95 чел.) округах [1, оп. 1, д. 2101, л. 7–8].

Переселенцы, прибывавшие на новое место, получали возможность выбора участка, предварительно подготовленного для них, либо отправить своих депутатов для осмотра земель. Следует отметить, что крестьяне из Центральной России, пожелавшие перебраться в Сибирь, уже имели определенное представление о новом месте, природных условиях, климате, поэтому чаще всего решение о конечном пункте своего следования они принимали заранее. Далее отправляющая сторона должна была проинформировать сибирское руководство о количестве переселенцев и избранном ими месте, после чего при отсутствии каких-либо задолженностей крестьяне могли собираться и трогаться в путь. Но порой путаница и неразбериха при передаче информации от одной управленческой инстанции к другой приводила к неприятным казусам, в результате которых крестьяне выбирали те земли, которые оказывались уже занятыми ранее другими переселенцами.

Поток желающих переехать в Сибирь оказался неожиданно велик для чиновников, которые не успели подготовиться должным образом и не закончили межевание земель. Работу требовалось провести большую, но

не хватало землемеров, на что нередко сетовали местные власти. В поисках выхода из создавшегося положения генерал-губернатор Тобольской губернии Г. Гасфорд обращался к министру П.Д. Киселеву с просьбой приостановить отправку крестьян в Сибирь для более тщательной подготовки их встречи. Однако в июне 1848 г. из Министерства государственных имуществ пришел неутешительный ответ: «Приостановить переселение... по позднему времени не нахожу возможным, так как из двух тысяч человек, изъявивших желание на переселение в Тобольскую губернию, часть уже выпущена, а другие готовы к пути» [1, оп. 1, д. 2101, л. 74 об. – 76].

Готовясь к встрече новых жителей, власти обязаны были обеспечить их необходимыми хозяйственными принадлежностями, для чего предоставлялись средства из государственной казны. Впоследствии необходимо было подробнейшим образом отчитаться о расходах. Нередко случалось, что даже прибывшие на изначально выбранное место крестьяне оказывались неудовлетворенными ни природными, ни хозяйственными условиями. Получая казенные средства, переселенцы рассчитывали либо купить дома у старожилов, либо построить их самостоятельно. Тем не менее уже в конце 1840-х гг. чиновники нередко сообщали, что места, назначенные на подселение, не удовлетворительны, поскольку «нет строевого леса, нет проточной воды, озерной же едва ли достаточно для старожилов, а посему переселенцы будут рыть колодцы, в которых вода оказывается часто не пригодной для употребления в пищу. Ранее переселенцы скупали у старожилов старые или ненужные им постройки, почему и домообзаводство их шло успешно. Ныне подобные постройки распроданы, почему успешного водворения ожидать нельзя» [1, оп. 1, д. 2101, л. 58–59]. Порой управленцы, призванные контролировать переселенческие процессы, сами имели весьма смутное представление об условиях, которые они предлагали новоселам.

Поскольку старожильческие селения, предназначенные для размещения государственных крестьян из малоземельных губерний, вскоре исчерпали возможности для водворения, встал вопрос о создании новых поселений. Но и здесь местные власти столкнулись с трудностями, связанными с отсутствием межевания. Именно об этом говорилось в донесении старшего запасного землемера Левченко: «Относительно новых поселений дать ответ невозможно, поскольку не проведено межевание. Если же позволено сделать только глазомерное обозрение земель, то можно закончить не через два года, а нынешним летом» [1, оп. 1, д. 2101, л. 178]. Разрешение на формальное межевание было получено, и вскоре в Ишимском округе Локтинской и Ларихинской волостях, Омском округе Колмаковской и Кулачинской волостях, Ялutorовском округе Кизакской и Пятковской волостях власти указали новые места для переселенцев.

Путаница и неразбериха в чиновничьей переписке становилась порой препятствием к переселению из-за неполноты либо отсутствия необходимой информации. Так, в ноябре 1846 г. полковник Будберг получил запрос из Казенной Тобольской палаты, в котором шла речь о переселенцах из Казанской губернии: «Государственные крестьяне Казанской губернии Мамадыжского округа Красногорской волости села Отарки, имея в пользовании 3-4 десятины земли на душу, объявили о желании переселиться в числе 43 душ на жительство в Курганский округ. Казанская палата государственных имуществ препятствий не имела, а потому перепроводила приговор обывателей отарского общества, выписку из очередного рекрутского списка и копию с ревизских сказок с просьбой дать распоряжение о причислении сих крестьян и переселении» [1, оп. 1, д. 2101, л. 38]. В январе 1848 г. в Казанскую палату пришел запрос из Тобольска с просьбой предоставить списки этих 43 переселенцев, желающих перебраться в Сибирь. Но в Казанской палате не ведали (!), о каких переселенцах идет речь, поэтому оттуда поступила

просьба уточнить, о крестьянах какой волости и деревни говорится в запросе.

Нередко местные власти в оправдание возникавших в ходе водворения проблем и неурядиц стремились переложить ответственность на самих крестьян. Так произошло вскоре после поступившего замечания генерал-адъютанта Анненкова, осуществлявшего ревизию водворения переселенцев. Анненков, в целом отмечая позитивные результаты переселенческого процесса, указывал на неудовлетворительное состояние крестьян в количестве 103 душ, прибывших из Орловской губернии и водворенных в Колмаковскую волость в деревню Лобанову-Кокушкино. Однако после произведенной в дальнейшем проверки замечаний Анненкова чиновником по особым поручениям от МГИ Денисовым был сделан следующий вывод: «Причина неудовлетворительного состояния орловских поселенцев – собственная их лень и нерадение к хозяйству» [1, оп. 2, д. 3297, л. 29 об. – 30].

Таким образом, если на начальном этапе переселения в Сибирь из малоземельных губерний Центральной России не носили массовый характер и

сибирским властям удавалось принять и обеспечить крестьян, пожелавших водвориться на новом месте всем необходимым, то впоследствии данный поток стал нарастать. Этому способствовали не только казенные льготы или слухи об обилии свободных земель на востоке. П.И. Небольсин отмечал, что в 1840-е гг. простой народ переставал дичиться Сибири, слывшей ранее суровым каторжным краем, и писал, что сюда все чаще идут вольные переселенцы «с законным паспортом за пазухой» [2, с. 50]. В результате местные власти порой утрачивали всяческий контроль за прибывающими крестьянами, сознавая, что не имеют действительных сведений, им неизвестно «о неудобностях каких-либо участков к водворению». Для изменения ситуации они требовали увеличить количество чиновников, сократить число переселенцев. Серьезнейшей проблемой стала полная неразбериха с межеванием земель. Немногочисленный сибирский аппарат управления оказался не готовым к принятию переселенцев, их водворению, распределению земель.

Список литературы

1. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 3.
2. *Небольсин П.И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.

Г.С. Султангалиева

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В содержание политики Российской империи в Казахской степи в первой XIX в. входило не только создание единого политико-административного и территориального устройства с империей, но и трансформация социальной структуры казахского кочевого общества и создание новых сословий, в частности, чиновничества. В первой половине XIX в. важно было кооптировать на службу государю и правящей династии тех представителей казахского населения, от «умения и такта» которых зависел успех «предпринятого

русским правительством начинаний» и через них получить каналы воздействия на основное казахское население. При этом легитимность власти казахских чиновников определялась уже российскими властями, а не традициями общинного самоуправления. Предлагаемый в докладе хронологический период – первая половина XIX в. – имеет для анализа проблемы ключевое значение, ибо именно в этот период происходило политико-административное внедрение в Степи имперских структур, приобщение казахского кочевого населения к системе

новых ценностей и стандартам жизни. Существовало несколько ключевых конструкций восприятия российской властью Степи. Во-первых, территория с иным образом жизни и ведения хозяйства, а именно – кочевым. Во-вторых, Степь представляла собой не единое пространство, а три части (Младший, Средний и Старший жузы), и соответственно, исходя из специфики каждого из этих регионов, российские власти выстраивали практику и инструменты управления. В связи с этим возникает ряд вопросов: Как российский чиновник, прошедший службу, зачастую на разных окраинах империи и переносивший управленческие приемы и технологии с одной окраины на другую, адаптировал свой опыт к реалиям кочевого общества, выстраивал отношения с представителями казахской элиты и постепенно приобщал их к атрибутам чиновника Российской империи? Какие цели ставили российские власти в процессе рекрутирования представителей казахского населения в состав российского чиновничества? Какими качествами (профессиональными, нравственными или только исполнительными) должны были обладать казахские чиновники? Как оценивали российские чиновники региональных администраций качество исполнения должностных обязанностей казахами? Как конструировалось российскими властями «исполнение» или «неисполнение» обязанностей казахскими чиновниками?

Историческими источниками для раскрытия поставленных вопросов послужили документы фонда Центрального государственного архива Республики Казахстан. В 2006 г. по программе «Культурное наследие» Республики Казахстан был издан сборник документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах» в серии «История Казахстана в русских источниках», аккумулировавший большую часть Алфавитных списков почетнейших и влиятельнейших ордынцев, послужные и формулярные списки казахов Оренбургского, Сибирского ведомств, Степного генерал-губернаторства из фондов ЦГА РК [1]. В первую очередь это взгляды

региональной администрации (оренбургских губернаторов, председателей Оренбургской пограничной комиссии) на механизм отбора той или иной кандидатуры среди султанов, биев, старшин на должность в органах пограничного и местного управления, составление инструкций для исполнения должностных обязанностей таким казахским чиновникам, как помощники султанов-правителей, дистанционные и местные начальники и т. д. Алфавитные списки почетнейших и влиятельнейших ордынцев, составленные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии, находившиеся по долгу службы длительное время в казахских кочевьях и участвовавшие во всех политико-административных мероприятиях в Степи в первой половине XIX в. Это донесения чиновника особых поручений при председателе Оренбургской пограничной комиссии Василия Лазаревского, чиновника для производства следствия в Степи Михаила Житкова, заведующего делами присырдарьинских казахов Иосифа Осмоловского, попечителей прилинейных казахов Оренбургского ведомства Андрея Шершеневича, Мухамед-Шарифа Аитова, Тимофея Редькина, Григория Лукина, Григория Костырко, письмоводителей при султанах правителях Константина Груздя, Григория Полворотова, Абдулкадыра Субханкулова и др. Все они хорошо знали казахский язык, культуру и обычаи казахского кочевого общества, ибо обучались восточным языкам в Оренбургском кадетском корпусе (Лукин, Субханкулов, Полворотов), Одесском училище (Шершеневич), Казанском (Осмоловский), Харьковском (Лазаревский) университетах и т.д.

Какими качествами должны были обладать казахские чиновники в глазах российской власти?

В первую очередь русские чиновники как представители сословной России считали, что избрание на государственную службу и соответственно определение в табельный чин предполагало принадлежность кандидатов к привилегированным группам. Исходя из этого, важным критерием для назначения на

службу было социальное происхождение. Отражением данного подхода явилось мнение чиновника особых поручений при Оренбургской пограничной комиссии В. Лазаревского, который считал, что региональная администрация в первую очередь должна ориентироваться только на султанов как лиц, способных занять должность [1, с. 129–130]. В 20–50-х гг. XIX в. приоритет при назначении на должности отдавался султанам. Так, в гл. 2, п. 16 Устава о сибирских киргизах (1822 г.) было обозначено, что волости управляются султанами. Преимущественное право на должность старшего султана имели представители «белой кости», в первую очередь потомки ханских династий – Абылая и Букея. На территории Младшего жуза право на должность султана-правителя – потомки хана Абулхаира [2, д. 54, с. 94]. Неслучайно 19 июля 1839 г. хан Внутренней Орды Джангир в своем прошении императору Николаю I подчеркивал, что султаны составляют «высшее наследственное сословие» в кочевом обществе и пользуются от российского правительства титулом «степенство», что подчеркивало их привилегированное положение соответственно этому, они могли, по его мнению, находиться на службе Империи «наряду с российским дворянами» [3, д. 271, с. 378].

Однако на протяжении XIX в. происходила постепенная смена приоритетов и ориентации Российского правительства не на происхождение казахов в процессе их привлечения на службу, а на личные качества и преданность правительству. В 1856 г. Оренбургский губернатор В. Перовский (прослужил в Оренбургском крае почти 15 лет: в должности оренбургского военного губернатора в 1833–1842 гг., оренбургского и самарского генерал-губернатора – в 1851–1857 гг.) отметил, что назначение на должности в Степи одних султанов, почему-то вошло в обычай, в то время как простые казахи, показали уже «неоднократные примеры» своей службою и заслуживали это «честностью своею, понятливостью к делам». Кроме того, В. Перовский, изучивший быт и нравы

казахского народа, подметил, что султанское происхождение не давало в кочевом обществе «никаких существенных преимуществ», и поэтому назначение «кара суйек» на должности в местном управлении нисколько не противоречило бы нравам казахов, так как в Степи «влияние и уважение приобреталось единственно личными качествами». Тем более, по его мнению, такой порядок совершенно «согласовался бы с коренными законами империи, открывающими поприще государственной службы всякому тому достоинству» [4, д. 6287, л. 14 об.].

Региональная администрация считала, что претендент на должность в Степи должен обладать «всеми полезными качествами, которые необходимы в должностном лице», а именно – умение убеждать, объяснять и направлять настроение своих соплеменников к принятию «верного» решения, наличие воли и энергии в своевременном исполнении поручений. Российские власти считали, что природный ум, ораторское искусство казахских лидеров могут быть с успехом «употреблены в пользу правительства» и помочь им в их дальнейших тактических действиях по продвижению вглубь Степи для «наблюдения за порядком» на пограничной линии и для «... исполнения предписаний начальства» [4, д. 2512, л. 25].

Следующее качество, которым должен был обладать претендент на должность – «усердие при исполнении возложенных на них поручений и преданность правительству». При этом региональная администрация отмечала разную степень преданности казахских служащих правительству: «предан усердно», «предан хорошо», «предан в полной мере». Каковы же были критерии «преданности», определяемые российской властью? Конечно, в первую очередь своевременное «доставление сведений» о событиях в Степи, о взаимоотношениях с соседними регионами, народами, быстрое выполнение поручений и т.д. Вместе с тем российские власти понимали, что лояльность к русскому правительству, преданность – признак весьма непостоянный, поэтому

подчеркивали, что «предан правительству из расчета», т. е. «из корысти старается выхлопотать себе какое-либо поручение», чтобы получить награды и т.д. [1, с. 89].

Образовательный уровень не являлся определяющим при назначении на должность. Но знание русского языка, по мнению русских чиновников, способствовало своевременному исполнению заданий. Так, султан-правитель Восточной части Ахмед Джантюрин, свободно владевший русским языком, «как разговорным, так и письменным», понимал с «большой легкостью распоряжение Комиссии по управлению вверенной ему части», в то время как правитель Средней части Арслан Джантюрин имел «важное затруднение» в исполнении распоряжений правительства «из-за неграмотности» [1, с. 67]. Не являлся определяющим для региональной администрации и тот факт, находился ли «под следствием» претендент на должность.

С 50-х гг. XIX в. региональная администрация при назначении казахов на должность стала обращать внимание на такой важный фактор, как наличие у них опыта управления в Степи. Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, представляя в 1855 г. новую кандидатуру на должность султана-правителя Средней части Мухамеджана Баймухаммедова, подчеркивал, что он «хорошо знает порядок нашего делопроизводства», самое главное «привычный к управлению», успешно выполнял неоднократные поручения оренбургской администрации [4, д. 2745 л. 1–2]. Тем самым В. Григорьев определял его как уже сформировавшегося чиновника, так как М. Баймухаммедов к началу исполнения должности султана-правителя уже имел 14-летний опыт управления в качестве начальника 8-й дистанции, затем помощника султана-правителя Средней части и чин подполковника [1, док. 330, с. 368–374].

Поддержанию «исполнительности» казахов должны были способствовать, по мнению региональной администрации, такие карательные меры в отношении казахских чиновников как: отстранение от должности,

лишение чина, прекращение выдачи жалования, арест от 3–15 суток, штрафы и даже ссылка на каторгу. При этом оренбургский губернатор В. Перовский, учитывая недостаток «вполне способных и благонадежных ордынцев», считал, что казахских чиновников подвергать следствию и суду за неисполнение возложенных на них обязанностей можно «лишь в случае особой важности», но если же они показывали «упущения по службе» от лености и «киргизских понятий о вещах», то губернатор рекомендовал, не удаляя от должностей, а в административном порядке «наказывать немедленно», а именно «заключением под стражу на более или менее, по мере вины, долговременные сроки».

Материалы российской политики в Степи в первой половине XIX в. достаточно хорошо показывают, что обсуждение вопросов кооптации представителей казахской знати в российское чиновничество детализировалось, усложнялось и значительно изменялось. Взгляды на формирование чиновничества, как показывает административная практика управления, не были четкими и ясными на протяжении долгого времени, но постепенно с 30-х гг. XIX в. ситуация стала изменяться. Появились инструкции для должностей в системе местного управления. Эти документы были подготовлены русскими чиновниками, которые имели опыт административной деятельности в Степи. Кроме того, ряд чиновников региональной администрации (переводчики, приставы, попечители) жили среди кочевой среды, приобрели свой взгляд на понимание «правильного» управления казахами, собственный опыт взаимоотношений с кочевниками. Этим самым они вносили детали в механизм и оценки эффективности управления Степью. Постепенно узкое и ограниченное социальное взаимодействие менялось на все более открытое и широкое. Реальные достоинства (образование, а не принадлежность клану, способности), а не привилегии становились основой для продвижения по службе.

Список литературы

1. О почетнейших и влиятельнейших ордынках: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII. Ч. 2. Алматы, 2006. 962 с.
2. Материалы по истории политического строя Казахстана / под ред. М.Г. Масевич. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 441 с.
3. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. : сборник документов и материалов. Алматы, 2002. 1120 с.
4. ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). И-Ф. 4. Оп. 1.

Е.В. Головнева, М.А. Жигунова

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ: МЕНТАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ В XIX ВЕКЕ

Современные дискурсы о Сибири амбивалентны. С одной стороны, отмечается, что Сибирь занимает особое место в пространстве России, с другой – существует восприятие Сибири как типично российского региона. Так, сотрудники Брукингского института Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди называют Сибирь «проклятием» России, тормозом развития ее рыночной экономики, бременем климатического и географического плана [1]. У жителей Европейской России часто встречается пренебрежительное отношение к Сибири (как краю отдаленному, холодному, дикому, месту ссылки и каторги) и к сибирякам (как людям грубым, необразованным / некультурным). В то же время за рубежом существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков по сравнению с Россией и русскими в целом. Вопрос о сибирской региональной идентичности, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать исторически, в контексте двух пересекающихся процессов – ментального освоения переселенцами нового пространства в процессе колонизации в имперский период и движения областников, обозначивших появление феномена «сибирской народности».

В современных исследованиях тема интеграции сибирского региона в политико-административное пространство российской империи в XVIII – начале XX вв. стала предметом особого анализа в целом ряде работ, обращающих особое внимание на период XIX в. (работы М. Бассина, Я.

Кусбера, В. Сандерленда, А.В. Ремнева и др.). Колонизация выходит далеко за рамки хозяйственного освоения Сибири и имеет огромное значение для понимания процессов формирования социокультурного и политического пространства России [2, с. 41], поскольку была связана с формированием особого типа идентичности в Сибири – поселенческой, заданной миграционным движением. В случае Сибири миграция являлась не просто перемещением населения, а одновременно освоением и присоединением новых территорий к Российскому государству. Масштабы, структура, векторы колонизации определяли возможности и ограничения востока России, формировали специфику собственно сибирского населения. Аграрное движение русских крестьян за Урал, помимо экономического, повлекло за собой и ментальное освоение «нового пространства». Согласно Н.Н. Родигиной, можно выделить три этапа эволюции образа Сибири: 1850–1870-е гг. (когда Сибирь воспринималась как далекая, суровая, экзотическая страна); 1880-е – начало 1890-х гг. (начало активной интеллектуальной экспансии в регион); начало 1890-х – 1904 г. (когда под влиянием строительства Транссибирской железной дороги, организации массового переселения в регион Сибирь стала рассматриваться как одна из провинций Российской империи) [3, с. 327].

Историк В. Сандерленд отмечает, что формированию позитивного образа Сибири в сознании переселенцев способствовали специально написанные памфлеты,

путеводители, брошюры, которые сопровождалась иллюстрациями и фотографиями с изображением выбеленных изб, церквей, прочных хозяйств и крепких крестьянских семей, которые создавали представление о том, что жизнь в Сибири не сильно отличалась от образа жизни на европейской территории России. Немаловажную роль сыграл и распространенный в крестьянской среде фольклор, в которых восточные окраины России выступали местом крестьянской воли и свободы от административного и помещичьего произвола. В народной среде бытовали поговорки: «В Сибири и на березах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!» и др.

С точки зрения официального правительственного дискурса «колонизация окраин должна была изменить “физиономию” Сибири, привести к седентеризации кочевников и одновременно удовлетворить потребности русских крестьян в новых землях. Со стороны правительства мотивами колонизации Сибири выступали также стремление избавиться от беспокойных и «вредных» элементов внутри государства, борьба с перенаселением и малоземельем некоторых мест Европейской части России» [3, с. 134]. Образ русского крестьянина как культуртрегера в Сибири на официальном уровне активно подкреплялся декларациями о его высокой культурной открытости, цивилизационной комплиментарности, высокой религиозности и толерантности.

Одним из важнейших оснований формирования региональной самоорганизации в Сибири была конфессиональность. Отметим, что формирование собственной религиозной общины как залога сохранения прежней социальности в новых географических условиях было характерно для всех переселенцев. Ментальное освоение Сибири сопровождалось формированием нейминга карты Азиатской России, а топонимика становилась заявкой на право обладания территорией, которая воспринимались как знакомое, но иное пространство [4, с. 57]. Нейминг территории является одним из

средств утверждения формирующейся идентичности, частью ее становления. Согласно А.В. Ремневу, параллельно с имперским административным строительством, в Сибири получил развитие «топонимический национализм» [5], сопровождавшийся закреплением за собой новых территорий с помощью привычных имен православных святых, русских героев, перенесением старых названий на новые места. Так появились в Сибири свои Архангелки, Андреевки, Георгиевки, Ильинки, Никольские, Муромцево и др.

Уже в период колонизации Сибири зарождаются представления об особой, отличной от других, судьбе этой территории, формируется своеобразная «фронтирная ментальность», аналогичная той, которая возникла на американском фронтире. Отличительной ее особенностью является поселенческий характер, связанный с аграрными формами хозяйственной деятельности (в отличие от Урала, где формирование региональной идентичности было обусловлено развитием промышленности). Дискурс «особости» территории Сибири по отношению к европейской части России в XIX в. активно воспроизводился не только в обыденном сознании, но и на уровне идеологии, в движении областников. Несмотря на видимую периферийность, сибирская мысль не только не отставала от российских течений, но находилась впереди в вопросах регионализма. Как указывает новосибирский историк М.В. Шиловский, «областникам принадлежит приоритет в разработке теоретических основ отечественной регионалистики» [6]. Именно областники впервые стали рассматривать Сибирь в качестве крупной и важной области (региона-окраины) России, имеющей свою специфику. Во главу своей концепции областники поставили территорию, которая в их презентациях представала качественно сущностным ландшафтом, меняющим людей, переселившихся сюда [7, с. 50].

К концу XVIII в. для заботы о формировании позитивного образа Сибири появились определенные основания: возникли формы культурных институтов

(газеты и другие издания), произошел рост городов и др. Отсутствие жесткой сословности и крепостничества, демократизм сибирского образа жизни маркировали Сибирь в глазах областников как особое в российском контексте пространство. Изначально становление областнических идей происходило, с одной стороны, на почве сибирского патриотизма, своего рода «сибирефильства», горячей любви к сибирской родине, а с другой – через критику России и ее политики. В программу областников были активно включены в первую очередь проблемы культурного и экономического развития региона, проблемы инородцев. Для различных тенденций в рамках областничества было характерно наличие общего ментального, психологического знаменателя – «ощущения обособленности от России» [8, с. 72], поэтому к началу XX в. вопрос о сепаратизме трансформировался в легальный вопрос об автономии и местном самоуправлении Сибири как региона в составе России.

Проявлениями колониального статуса Сибири, по мнению областников, являлись эксплуатация его природных богатств, тяжелая налоговая система, ссылка в Сибирь уголовников, притеснение коренного

населения края, произвол чиновничества [9, с. 31–51]. Областники также акцентировали ряд характеристик, семантически ассоциируемых с идеями прогресса и свободы: предприимчивость сибиряков, отсутствие помещичьей власти, опыт общинной демократической жизни, независимый дух первопроходцев, малочисленность бюрократии. По мнению С.В. Селиверстова, в Сибири сложился своеобразный сибирский вариант евразийства. В областническом движении появилась, в частности, концепция особой «сибирской нации» на фоне рассуждений о формировании сибирской ментальности и идентичности, имевшими некоторую самостоятельность по сравнению с подобными феноменами в метрополии.

Примечательно, что концепция областничества и связанные с ней символические практики начинают широко использоваться в качестве аргументов в противостоянии современным практикам, навязанным централизацией и ее акторами. В современной истории России, таким образом, продолжают быть актуальными идеи областничества, а категория «сибиряки» может включать в себя национальный и политический смысл.

Список литературы

1. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brooking Institution Press, 2003. 300 p.
2. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
3. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XVIII – начала XX в. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 343 с.
4. Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. 4/2008. P. 52–74.
5. Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary*. 44 spojrzzenia / pod red. A. Nowaka. Warszawa, 2010. S. 153–168.
6. Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // *Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков*. Иркутск, 2003. URL: <http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=2> (дата обращения 09.09.2015).
7. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // *Национальные приоритеты России : научный и научно-публицистический журнал*. 2014. № 2 (12). С. 48–63.
8. Анисимов К.В. Соотношение «политического» и «психологического» начал в сибирском областничестве XIX в. // *Ежегодник Красноярского государственного педагогического института*. 2002. Т. 1. С. 70–76.

9. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

З.В. Степаненкова

В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Период середины – второй половины XIX в. в российской истории явился временем крупнейших социально-экономических преобразований. Процессы модернизации, охватившие все области общественной жизни, требовали осмысления целого ряда проблем в социально-экономической, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества и вряд ли могли быть осуществлены вне поддержки российских интеллектуалов. Естественным следствием реформирования основных социально-экономических институтов стал подъем общественно-политического движения, охвативший значительную часть образованного общества. Существенную роль в нем играли представители демократического направления общественной мысли, сложившегося на рубеже 1840–1850-х гг. Одним из интереснейших его представителей был тесно связанный с революционным народничеством экономист, социолог, философ и публицист Василий Васильевич Берви-Флеровский (1829–1918 гг.).

Общественно-политические воззрения В.В. Берви-Флеровского представляются достаточно сложными. Полностью разделяя позитивистскую доктрину, он полагал, что человечество движется по поступательной линии в направлении идеального общества – организма, основанного на публичной (общественной) собственности на землю и орудия труда, на идеях федеративной демократии, на отношениях солидарности, взаимопомощи и братской любви друг к другу. Пути его достижения В.В. Берви-Флеровский связывал в первую очередь с укоренением в обществе идей, связанных с правильными представлениями о нравственности, счастье и смысле жизни.

Значительную роль в этом процессе он отводил необходимости разрешения

национального вопроса, который в XIX в. стал для современной цивилизации тем же, чем раньше был вопрос религиозный – «неиссякаемым источником смут, войн, кровавых расправ и притеснений» [1, с. 516], во многом определявшим внешнюю политику европейских государств. В.В. Берви-Флеровский полагал, что стремление достигнуть того, чтобы все люди были одной веры, говорили одним языком, принадлежали к одной национальности, есть «верх безумия и верх безнравственности» [1, с. 516]. Установление единоверия в стране для усиления государственной власти, по мнению исследователя, вытекает из «возмутительного желания» государственных деятелей «усилить свою власть, разжигая ненависть подвластного народа к иноверцам», а стремление создать «государство из людей одной религии с целью противопоставить их своим соседям – великое международное преступление» [1, с. 516–517]. Решение национального вопроса В.В. Берви-Флеровский связывал с необходимостью «политического развития» государств. Он считал, что только «федеративно-демократическое управление» (федеративная республика – *З.С.*) может дать людям различной веры и национальности возможность прекрасно ужиться в пределах одной страны, о чем свидетельствует история США и Швейцарии» [1, с. 518].

Особое значение, по мнению исследователя, национальный вопрос имел для России. В.В. Берви-Флеровский резко критиковал политику русификации, проводимую царским правительством. Он подчеркивал, что русские чиновники не пытались даже вести дела таким образом, чтобы суть их была понятна представителям других национальностей, не говорившим на русском языке. Это открывало путь для

«бесчисленных обманов и злоупотреблений» по сбору податей, по требованию повинностей и т.д. Чиновники не столько сами относились враждебно к инородцам, но «возбуждали к ним ненависть и презрение в остальном русском населении; это сделалось у них даже тактикой для унижения инородцев и для побуждения их к увеличению подачек» [2, с. 198]. Тем самым они настраивали представителей других национальностей против русских и «самым существенным образом мешали их слитию (с русским населением – З.С.)» [2, с. 198]. С точки зрения В.В. Берви-Флеровского, самым сильным средством для сглаживания национальных конфликтов внутри Российской империи могло стать уравнивание в правах представителей всех национальностей. «Нам кажется странным, – пишет он, – представить себе мордвина или черемиса чиновником, еще страннее нам покажется мысль вести переписку в присутственных местах на языке мордвин или черемис или мысль об обучении этим языкам в гимназиях и университетах» [2, с. 199]. Однако, по его мнению, «будет совершенно справедливо, если им (мордвином или черемисом – З.С.) будут управлять люди, знакомые с его языком и с его бытом, если он будет подавать бумаги на своем языке и если прямо к нему относящиеся бумаги будут на этом же его родном языке». Правда, это, отмечает ученый, «невозможно без того, чтобы сами органы власти не пополнялись мордовским или черемисским элементом» [2, с. 199]. В.В. Берви-Флеровский полагал, что в случае значительного преобладания представителей одной национальности над остальными (как, например, в Ядринском уезде Казанской губернии, где чуваша составляют 110 347 человек, тогда как представители других национальностей – всего 6 607 человек), было бы справедливо и полезно, чтобы местное начальство уезда состояло бы исключительно из образованных национальных кадров. Те же принципы управления он полагал необходимыми для западных территорий страны (Финляндия, Остзейский край, Бессарабия, Малороссия и т.д.).

Еще одно средство решения национального вопроса В.В. Берви-Флеровский видел в воспитании в обществе религиозной и национальной терпимости, главным инструментом установления которой он считал введение свободы слова.

Исследователь полагал, что «с тех пор, как существует достоверная история» именно противоречия, возникающие на национальной и религиозной почве, являются «двумя причинами вражды между народами». Воздействие национальных и религиозных разногласий на общество в целом носит крайне негативный характер. Оно, «высасывая в течение веков все материальные средства народа, одинаково деморализует и победителей и побежденных, развивает в них страсть к насилию» [3, с. 79]. В.В. Берви-Флеровский считал, что единственным «средством от этой болезни» является свобода речи. «Везде, где она водворяется, где есть возможность показать народам их интересы в настоящем свете, религиозная и национальная вражда блекнет и исчезает» [3, с. 81], примеры чего, по его мнению, демонстрирует историческое развитие Англии и Америки, Бельгии и Швейцарии. Вообще, с его точки зрения, «степень нетерпимости, натянутых отношений внутри государства и неизбежного последствия всего этого – внешней слабости, прямо соответствует стеснению свободы речи». Ведь в стране, пользующейся свободой слова, в случае возникновения национального или религиозного конфликта «свободная печать разъяснит вред, нелепость и самоубийственный характер их (конфликтующих сторон – З.С.) деятельности и дальнейших бедствий не последует» [3, с. 89].

Для России проблема введения свободы слова особенно важна, прежде всего в силу того, что она является полиэтничным и многоконфессиональным государством. Для такой страны «необходима терпимость и хорошее впечатление, производимое на соседей». Международный престиж государства в этом случае В.В. Берви-Флеровский считал достаточно важным фактором, поскольку с его точки зрения

необходимо, чтобы человек испытывал не только чувство национальной гордости, но в первую очередь гордился бы тем, что он является гражданином своей страны, ее стабильностью, темпами ее развития и т.п. [3, с. 189]. Ведь со временем «стремление национальностей отделиться от государств, коснеющих и отстающих, не только не будет уменьшаться, но будет развиваться», в силу чего «мы должны непременно производить на живущие в нашей среде национальности значительное впечатление нашим развитием, нашей гуманностью и энергией, а без свободы слова мы этого никогда не достигнем» [3, с. 189]. Проводимая правительством политика русификации оценивалась В.В. Берви-Флеровским как «раздражающая» – «...ведь это то же самое, что стеснение речи, религиозная нетерпимость и т.д. Подобная политика может очень легко привести к результатам совершенно противоположным, чем те, которые от нее ожидалась, она может не только ухудшить положение, но сделать его безвыходным» [3, с. 192]. Негативным результатом такой политики В.В. Берви-

Флеровский считал польское восстание, главную причину которого он видел в отказе русских императоров дать полякам те политические права, которые они заслужили [4, с. 219].

В.В. Берви-Флеровский отвергал любые насильственные методы в решении национального вопроса, полагая, «что для слияния различных национальностей, живущих в одном государстве, самое лучшее – это не принимать никаких и в особенности никаких резких мер, а стараться, чтобы государство прославилось своей гуманной, и в особенности оригинальной внутренней политикой, – тогда слияние произойдет само собой» [3, с. 193].

В целом основные направления решения национального вопроса в России В.В. Берви-Флеровский видел в воспитании в обществе толерантности, религиозной и национальной терпимости, в сворачивании политики русификации и замене ее на уравнение в политических правах представителей разных национальностей, развитие национальной культуры.

Список литературы

1. Флеровский Н. Азбука социальных наук. XIX век современной европейской цивилизации // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. М. : Изд-во соц.-эк. литературы, 1959. Т. 2. С. 349–529.
2. Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения. Т. 1. М. : Изд-во соц.-эк. литературы, 1958. 618 с.
3. Берви-Флеровский В.В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1869. 254 с.
4. Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания Н. Флеровского. Лондон: Depose. Reproductioninterdite, 1897. 543 с.

В.А. Герасимова

«ПРИМЕРНЫЙ СОЛДАТ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА»? ЕВРЕЙСКИЙ КАНТОНИСТ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ (ПО МЕМУАРАМ А.М. ПАНТОФЕЛЯ)

Еврейскую рекрутчину едва ли можно отнести к малоисследованным темам в истории евреев в Российской империи: о ней писали и историки армии, и представители еврейской национальной историографии. Если для первых евреи в русской армии были лишь частью общей картины, то для вторых рекрутчина стала одной из

центральных тем. Традиционным подходом к изучению службы евреев в армии Российской империи стала ламентация. По сей день исследовательское внимание концентрируется преимущественно на негативных аспектах: правовые ограничения, насильственные крещения, препятствование контактам с единоверцами и т.д. Явным

исключением в ряду работ одинаковой эмоциональной окраски особняком стоит монография Й. Петровского-Штерна «Евреи в русской армии», в которой автор представляет свой взгляд на проблему еврейской службы. По мнению Петровского-Штерна, представленная в еврейской национальной историографии картина слишком омрачена и гиперболизирована. Эта книга вызвала бурную полемику среди специалистов, однако даже если не соглашаться с автором в его самых радикальных выводах, все же следует признать продуктивность иного подхода в изучении проблемы службы евреев в русской армии.

Одним из основных источников по изучению еврейской армейской службы, помимо официального делопроизводства, стали воспоминания самих еврейских солдат. По выразительной характеристике Й. Петровского-Штерна, эти мемуары культивируют «черную легенду, оплакивающую судьбу еврейских солдат» и написаны по одному шаблону, в рамках единой традиции [1, с. 169]. В этой связи источник, о котором пойдет речь ниже, приобретает особую ценность.

Воспоминания Абрама Марковича Пантофеля, попавшего на службу в кантонистский батальон из черты оседлости в возрасте 12 лет, никогда нигде не публиковались. Внук автора А. Галич бережно хранил воспоминания деда, подготовил небольшую статью о них в еврейском публицистическом журнале «Корни» в 1999 г., машинописный экземпляр текста хранится также в архиве омской общественной организации «Шалом XXI век», руководитель которой Я.Г. Бирлянт любезно предоставил текст воспоминаний мне.

В своих воспоминаниях автор, родившийся в 1839 (1840?) г. на Воляни, описывает свой жизненный путь от мальчишки-кантониста, служившего в Тобольском батальоне, до главы большого еврейского семейства Омска. Текст этот примечателен несколькими особенностями: во-первых, его автор – выходец из бедной еврейской семьи и в дальнейшем не стал

представителем интеллигенции, это взгляд обычного (типичного?) мешанина-еврея. Во-вторых, примечательна география повествования – в мемуарах речь идет о Западной Сибири (Тобольск, Омск), а также о Петропавловске, Акмоле и ряде других населенных пунктах.

При всех справедливых замечаниях в адрес микроисторического и биографического подходов все же следует признать, что они обеспечивают исследователя эффективными инструментами для изучения таких тонко уловимых в потоке «большой истории» аспектов, как процессы интеграции личности в новую социокультурную среду, механизмы и стратегии адаптации, особенности самоидентификации. Спуск на «микроуровень», изучение конкретных источников в данном случае воспоминаний отставного солдата А.М. Пантофеля позволит, возможно, представить иной взгляд на проблему еврейской рекрутчины, столь негативно и болезненно рассматриваемой в исследовательской литературе во все времена ее существования.

В рамках доклада будут рассмотрены 3 основных проблемно-тематических блока, нашедших отражение в тексте мемуаров. Первый блок – центральный топос любых нарративов о еврейской службе в армии Российской империи – насильственные крещения. Тема обращения в православие пронизывает все повествование А.М. Пантофеля. Автор описывает свой страх перед угрозой крещения («Прибудете в Тобольск, там вас все равно окрестят») и конкретные эпизоды, с ним связанные. Самое яркое воспоминание отрочества автора на эту тему, его мысли: «Как это быть православным? Что с нами будет делать православный батюшка, который встречает нас с гарнизонным начальством?...».

Второй блок – еврейская традиция в армейских условиях. Пантофель описывает главные еврейские праздники (Песах, Рош-а-Шана, ЙомКиппур), организацию богослужений, взаимоотношение с еврейскими общинами в местах пребывания. На основе анализа приведенных свидетельств можно получить представление

о функционировании еврейской традиции в условиях армии, выявить ее специфику.

Третий блок – взаимоотношения с неевреями. Тема взаимодействия еврейских солдат с нееврейским окружением представлена в воспоминаниях весьма разнообразно. Вопреки ожиданиям, автор повествует преимущественно о позитивном опыте общения с представителями самых разных социальных страт от крестьянских баб, у которых юный кантонист Пантофель квартировал, до своих сослуживцев и высшего начальства. Примечательно, что автор не делает никакого акцента на этнической или конфессиональной принадлежности героев своих воспоминаний, не выводит никаких закономерностей в их поведении. Особого внимания заслуживает трогательная история приятельства с офицером Чемякиным, всячески покровительствовавшим автору.

Вводя воинскую повинность для евреев, Николай I преследовал прежде всего цель максимально глубокой интеграции представителей этого национального

меньшинства в российский социум. Рекрутчина вызвала острую болезненную реакцию среди еврейского сообщества, воспринималась как одна из «гзерот», т.е. наказаний, казней Божьих, посланных на народ. Не только фольклор, но и работы еврейских историков культивировали и продолжают культивировать (за редкими исключениями) этот образ. Воспоминания А.М. Пантофеля, написанные им в 1911 г. в Омске и не известные широкому кругу читателей, являются одним из немногих примеров опыта столь редко описываемой позитивной интеграции еврея в российский социум посредством армии. Анализируемый текст представляет индивидуальный путь (один из тысячи возможных) аккультурации уроженца традиционного еврейского местечка черты оседлости, превращения его из «а простер йид», говорящего на идише и не понимавшего слов своего командира в верного солдата своего Отечества, любящего на досуге почитать сочинения Писемского и Гоголя, но при этом сохранившего свою этноконфессиональную идентичность.

Список литературы

1. *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. М.: НЛО, 2003. 556 с.

Т.Н. Сорокина

А.И. ДЕСПОТ-ЗЕНОВИЧ: ПЕРВЫЕ ДНИ СЛУЖБЫ КЯХТИНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО КОМИССАРА

В Государственном архиве Российской Федерации есть личный фонд А.И. Деспота-Зеновича, в котором, судя по описи, хранится 60 дел, большей частью относящихся к 50-60-м гг. XIX в., т.е. в основном к кяхтинскому периоду его службы [1, д. 1–60].

Здесь отложились представляющие большой интерес документы и материалы по истории русско-китайских пограничных и прежде всего торговых отношений (донесения Деспота-Зеновича генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву «по вопросам торговли с Китаем в Кяхте», его записки «о русско-китайских отношениях», «о мерах, необходимых для улучшения торговли с Китаем и

Монголией», «о мерах для сближения с Монголией», копии русско-китайских договоров об установлении торговых пошлин, инструкция генерал-губернатора Восточной Сибири «в связи с отправкой новой Духовной миссии в Пекин» с приложением списка ее участников и др.), по истории Китая («выписка из писем неустановленных лиц из Пекина о восстании тайпинов», записка «о внутреннем положении в Китае после смерти богдыхана»). Кроме того, в фонде имеется переписка А.И. Деспота-Зеновича по самым разным поводам как с местной администрацией, так и российским внешнеполитическим ведомством (в частности, с директором Азиатского

департамента Н.П. Игнатьевым), а также с управляющими пограничными делами Китая и Монголии (по вопросам «поездок курьеров с дипломатической почтой») или с китайскими дипломатами (например, по поводу жалоб на нарушение соглашения «о правилах сношения с китайскими чиновниками») и проч.

При всем сюжетном разнообразии отложившихся в этом фонде материалов все они в совокупности представляют собой прежде всего весьма информативные источники по деятельности кяхтинского пограничного комиссара. И в этом смысле наибольший интерес представляет «Журнал кяхтинского пограничного комиссара Деспота-Зеновича А.И. с записью переговоров с дзаргучеем по различным вопросам русско-китайской торговли» [1, д. 3, л. 111].

Этот журнал начинается с момента приезда А.И. Деспота-Зеновича в Кяхту для исполнения новой должности, с самого первого дня службы: «15 ноября 1852 года вступил в должность Комиссара... объявил Дзаргучею о приезде моем и желал с ним познакомиться. Поздравили меня с приездом, он просил меня через переводчика быть у него на другой день, то есть 16 ноября в час» [1, д. 3, л. 1]. И далее, начиная с 16 ноября, он фиксирует в журнале все свои встречи с китайским коллегой – дзаргучеем, будучи у него в гостях или принимая его у себя с ответным визитом, довольно подробно описывая содержание их бесед.

Как следует из описи, это черновик. К сожалению, мы не располагаем ни чистовым вариантом журнала, ни даже информацией о его существовании, поэтому не можем судить, насколько он отличался и отличался ли от чистовика. По стилю он совсем не похож на составленные «официальным» слогом отчеты и журналы других ведомств, комитетов или министерств, с которыми нам приходилось работать. Журнал А.И. Деспота-Зеновича больше напоминает личный дневник, в котором он ведет

повествование от первого лица («я его спросил», «он мне сказал»), зачастую используя не просто прямую речь, а ее диалоговую форму (– Знает ли Генерал-Губернатор Вас лично?! – Как же, я при нем служил прежде и находился в его Канцелярии [1, д. 3, л. 3]). Судя по всему, эти записи делались сразу после встреч, по горячим следам, чтобы не забыть, не упустить деталей, чем они и ценны.

Казалось бы, исходя из названия журнала, как его определил сам автор, для историка он должен быть интересен прежде всего именно «различными вопросами русско-китайской торговли». Не оспаривая значения журнала кяхтинского пограничного комиссара в этом качестве, отметим, что он интересен не только и не столько вопросами русско-китайской торговли, сколько тем, что это еще и уникальный источник по диалогу двух культур, двух цивилизаций, пусть и на примере общения всего двух пограничных чиновников. Очевидно, что успех торговли и вообще русско-китайские пограничные отношения во многом зависели от отношений между чиновниками и от личности чиновника. Этот источник дает возможность наблюдать, как устанавливаются и постепенно день за днем выстраиваются не только служебные, но и личные отношения между российским пограничным комиссаром и китайским дзаргучеем от настороженно-церемонных до дружественных. Во всяком случае, попростову двух-трех недель общения, на вопрос дзаргучея «отчего все майоры никогда ничего ему не рассказывали, если спросишь – ответят так, что и понять трудно?», А.И. Деспот-Зенович ответил: «Я думаю, это происходило от того, что они не были так дружны, как я с Вами» [1, д. 3, л. 15]. Именно эти несколько встреч и бесед А.И. Деспота-Зеновича с дзаргучеем Маймайчена в первые дни службы, зафиксированные в «Журнале кяхтинского пограничного комиссара», и будет в центре нашего внимания.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 916. Оп. 1.

**«ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ» ИМПЕРСКОГО МАСШТАБА
А.И. ГЕОРГИЕВСКИЙ НА ДОЛЖНОСТИ НАЧАЛЬНИКА УЧЕНОГО КОМИТЕТА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Для современных обществ с имперской социально-политической структурой согласно оценкам современной историографии государственная политика в сфере образования является одним из основных элементов конструирования имперского пространства и имперской идентичности. Фраза о том, что именно «германский учитель одержал победу» в битве при Лисовой, давно стала канонической. Эффективность подобной политики (помимо, естественно, ряда других факторов) в значительной мере определяется наличием у правительства четкой принципиальной программы действий и адекватностью представлений о возможных способах ее реализации. И в этой ситуации принципиальное значение приобретает «личностный» фактор, другими словами, вопрос о том, кто именно будет эту программу разрабатывать, «технологизировать» и реализовывать.

Разветвленная бюрократическая система государственной организации Российской империи второй половины XIX в. фактически была выстроена так, что в значительной степени задача реализации и разработки программ часто ложилась на плечи, условно говоря, лиц «второго плана», т.е. не министров непосредственно (хотя их значение, конечно, не стоит преуменьшать), а их заместителей (товарищей), начальников департаментов и т.д. Одним из ярких примеров подобных «просвещенных бюрократов», создавших программу принципиальных реформ и имевших возможность ее определенным образом реализовать, был Александр Иванович Георгиевский (1830–1911 гг.). Выпускник историко-филологического факультета Императорского Московского университета, ученый, педагог, публицист, он на протяжении нескольких десятков лет служил в различных отделениях Министерства народного просвещения

(далее – МНП), в частности, с 1873 г. по 1898 г. был председателем Ученого комитета МНП, т.е. фактически руководил цензурой учебной литературы. Другими словами, министры уходили и приходили, а Георгиевский оставался, обеспечивая как опытный бюрократ, с одной стороны, преемственность политики министерства, а с другой стороны, возможность практической реализации новых веяний, связанных с изменением политического курса. А.И. Георгиевский принимал непосредственное участие в составлении университетских уставов 1863 г. и 1884 г., министерских положений о гимназиях (1871 г.), реальных училищах (1872 г.) и т.д. Именно его компетентные современники называли отцом русского классицизма. При этом фигуре А.И. Георгиевского в историографии уделено намного меньше внимания, чем фигурам его непосредственных начальников, например, Д.А. Толстого и А.Д. Делянова. Георгиевский не был простым исполнителем. У него была достаточно четкая программа образовательной политики, направленной на укрепление могущества Российской империи в непростых, по его мнению, условиях, которую он старался последовательно реализовать.

Таким образом, непосредственным объектом нашего исследования будет программа государственной политики в сфере образования, разработанная А.И. Георгиевским. Мы попытаемся реконструировать основные факторы, оказавшие влияние на ее формирование, принципиальное содержание, формы репрезентации в различных контекстах публичного пространства, методы реализации и результаты этого проекта. Основными источниками для нас являются как опубликованные научные, публицистические и мемуарные работы А.И. Георгиевского, так и делопроизводственные

материалы из фонда Ученого комитета МНП (РГИА, Ф. 733), а также личная и служебная переписка из личного фонда А.И. Георгиевского (РГИА Ф. 846), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве.

Имея большой опыт преподавательской работы и находясь под сильным влиянием идей М.Н. Каткова и М.П. Леонтьева, с которыми он сотрудничал как публицист, А.И. Георгиевский пришел в МНП с четкими, сложившимися, условно говоря, «консервативными» убеждениями, принципиально определившими его последующую служебную деятельность. По его мнению, образование является тем полем, на котором «возделывается» будущие стабильность и процветание империи. В силу этого политика в сфере образования имеет для государства первостепенно значение. Основным принципиальным направлением этой политики должно было стать усиление дисциплинарного (в фукианском смысле слова) контроля над поведением, а в идеале и сознанием учеников. Основными инструментами, позволяющими решить эту задачу, согласно взглядам А.И. Георгиевского, были математика и классические языки (латынь и греческий). Они воспринимались им, с одной стороны, как предметы наиболее абстрактные, требующие «работы чистого духа», а с другой стороны, как предметы наиболее формализованные, для изучения которых необходима усидчивость и строго соблюдение правил. Кроме того, как филолог-классик Георгиевский полагал, что изучение античности способно дать учащимся в качестве классических образцов подражания «примеры высокой нравственности и морали». Как это не парадоксально, получалось, что формировать «настоящего» патриота Российской империи, по мнению чиновника, лучше всего на материале «чужой», т.е. классической истории. Тем не менее Георгиевский полагал, что человек, изучавший латынь, не пойдет на баррикады. Каким образом достичь этой цели? Изменить программу средних школ, увеличив количество часов на изучение «правильных»

предметов. В ходе подготовки гимназической реформы А.И. Георгиевский был командирован министерством за границу для изучения зарубежного опыта [1], а по возвращении активно включился в разработку программы реформ на родине. Традиционно в историографии эта реформа связывается с именем министра народного просвещения Д.А. Толстого, но вклад А.И. Георгиевского в разработку программы реформ и ее последующую реализацию был не меньшим, а может быть даже и большим, чем непосредственный вклад министра.

Согласно основным положениям этой реформы, получившей название «классицистской», средние учебные заведения делились на классические гимназии, выпускники которых имели право поступать в университет без экзамена, и реальные училища. Соответственно, в реальных училищах основной упор делался на преподавание естественных и точных наук (в первую очередь математики) с практической привязкой. А в гимназиях преимущественно внимание уделялось математике и гуманитарным предметам, в первую очередь древним «классическим» языкам, на которые отводилось 60 % всего учебного времени (5–6 часов в неделю отводилось на латинский язык, 6–7 часов – на греческий). При этом объем часов, отводимых на занятия по русскому языку и истории, сокращался. По мнению одного из идеологов реформы и идейного наставника Георгиевского М.Н. Каткова, «воспитание на примерах античной литературы способно сформировать гражданские чувства у подрастающего поколения». Данная реформа должна была не только воспитать «образованных» и «благонадежных» граждан, но и регулировать контингент лиц, поступающих в университеты, обуславливая их благонадежность и тем самым гарантируя «правильное» направление социальной (и географической) мобильности.

В связи с этим и возникла потребность в большом количестве преподавателей классических языков. Георгиевский последовательно «включился» в решение этой проблемы. Во-первых, он публично подверг резкой критики, существующие

историко-филологические факультеты русских университетов и предложил их реформировать [2]. А во-вторых, он фактически создал новый тип высших учебных заведений, способных, по его мнению, в короткие сроки решить поставленную задачу. Этими учебными заведениями стали Историко-филологические институты (всего их было создано два), работающие совсем по иным «правилам», чем университеты, и с иным контингентом. Более того, к ним примыкал переведенный в столицу Институт славянских стипендиатов и, пожалуй, самое известное детище А.И. Георгиевского – русская семинария при Лейпцигском университете. Лейпцигская русская классическая семинария (с 1884 г. по 1890 г. – институт) являлась уникальным учебным заведением. Основанная в 1873 г. (императорским указом от 14 августа) семинария должна была стать одним из центров подготовки учителей классических (греческого и латинского) языков для гимназий Российской империи, наряду с историко-филологическими институтами и институтами славянских стипендиатов. Учащиеся семинарии получали стипендию из средств Министерства народного просвещения. Она составляла 35 талеров в месяц, т.е. 425 – в год. Кроме того, министерство дополнительно оплачивало им расходы на имматрикуляцию, оплату посещаемых лекций профессоров университета и проезд из России до Лейпцига и обратно. Официально, таким образом, они числились студентами Лейпцигского университета и могли пользоваться всеми льготами, вытекающими из этого статуса, например, скидками при покупке книг. Понятно, что эта сумма превышала студенческую стипендию, получаемую в российских университетах. За это они обязались прослужить по два года за каждый год получения стипендии в качестве учителя гимназии в Европейской России.

Учебный процесс в семинарии строился следующим образом. Студенты семинарии должны были посещать лекции преподавателей Лейпцигского университета, рекомендованные им директором семинарии. Набор этих лекций варьировался от семестра

к семестру. При этом в «свободное время» они могли посещать и другие лекции, которые вызывали у них интерес. Практические (семинарские) занятия по латыни и греческому языку велись отдельно только для них. Кроме того, «нерусские» студенты должны были посещать организованные специально для них занятия по русскому языку и литературе. В конце обучения сдавался единый общий экзамен по всему курсу обучения.

Преподавательский штат семинарии был достаточно небольшим. Директор (до 1876 г. – Ф. Ричль, затем с 1877 г. – Ю. Липсиус), преподаватели, которые вели специализированные практические занятия, – как правило, это были молодые приват-доценты Лейпцигского университета (например, в 1875–1877 гг. – Шелль и Гетц) и специально откомандированный из России Министерством народного просвещения преподаватель русского языка (с 1875 г. – А.К. Головачевский).

Всего за время существования семинарии (она была ликвидирована в 1890 г.) в ней обучались 113 человек, из них 81 подданный Российской империи, 29 – Австро-Венгерской и 3 – Прусской. Среди наиболее известных выпускников семинарии следует назвать ученых-классиков и педагогов Ф.Ф. Зелинского, А.И. Сонни, И.И. Луньяка, Э.Р. фон Штерна, И.А. Микша, Г.Г. Вульфуса. Кстати, одним из выпускников семинарии был сын А.И. Георгиевского, известный впоследствии филолог-классик, товарищ (заместитель) Министра народного просвещения Л.А. Георгиевский. Таким образом, благодаря А.И. Георгиевскому, антиковедение (или, как тогда говорили, «классика») оказалось в центре государственной политики и как объект, и как инструмент.

В отношении собственно российских университетов Георгиевский занимал последовательную позицию ужесточения дисциплинарных практик и государственного контроля [3], став одним из разработчиков университетского устава 1884 г., получившего в историографии оценку «консервативного».

Достаточно любопытна и позиция А.И. Георгиевского по национальному и конфессиональному вопросу. Фактически он принимал идеи «ранжирования» инородцев, считая, что возможности одних народов в плане получения образования (например, лиц иудейского вероисповедания) государство должно ограничивать, других (более «культурных» и, следовательно, «полезных») поощрять. Так, в его любимой Лейпцигской семинарии, как уже говорилось, за казенный счет обучалось более 30 иностранных подданных (преимущественно южные и западные

славяне), которые, пройдя курс обучения, обязаны были поступить на службу в штат Министерства народного просвещения.

Таким образом, у А.И. Георгиевского действительно была достаточно последовательная и четкая программа, которую он стремился в своей деятельности на посту председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения реализовать. Вопросы, как это происходило на практике и к чему привело, являются задачами для отдельных самостоятельных исследований.

Список литературы

1. *Георгиевский А.И.* О реальном образовании в Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии и Швейцарии // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1871. № 12. С. 97–237.
2. *Георгиевский А.И.* О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. Записка 12 февраля 1889 г. [СПб., 1889].
3. *Георгиевский А.И.* Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1906. 302 с.

А.В. Филимонов

КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ НОВОГО ТИПА В АСПЕКТЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА (1892–1905 ГОДЫ)

В конце XIX – начале XX в. правительственная политика в отношении внутренних миграций претерпевала трансформацию от «пассивно-безразличной» позиции в сторону поощрения [1, с. 21]. Многими государственными деятелями была осознана необходимость контроля государства над переселенческим движением, поскольку регулирование миграционных потоков могло стать важнейшим инструментом для решения проблем аграрного перенаселения Европейской России и колонизации имперских окраин. В свою очередь, достижение государством ведущей роли в переселенческом процессе предполагало наличие не только определенного законодательства и административного аппарата, но и соответствующей финансовой политики. Здесь представляется особенно важным проследить формирование

финансовых механизмов переселенческого процесса, связанных с двумя новыми структурами: Комитетом Сибирской железной дороги и Переселенческим управлением. Необходимо определить, насколько функционирование этих структур и их финансовых потоков вписывалось в традиционную ведомственную систему Российской империи, а также выявить степень устойчивости «союза» высшей бюрократии в контексте переселенческой политики и ее финансирования.

Значительный рост переселенческого движения в 1880-х гг. заставил государство заняться созданием соответствующего законодательства, меняя в процессе свое отношение к переселениям в целом. К этому времени относятся первые попытки соединения усилий высших государственных структур в данной сфере: участие ведомств в работе комиссий П.П. Семенова и В.К. Плеве

по разработке переселенческого закона и некоторые положения переселенческого закона 13 июля 1889 г. Координация действий высшей бюрократии в этот период была, скорее, формальной, и лишь резкое увеличение масштабов переселений после аграрного кризиса 1891–1892 гг. заставило задуматься о более серьезных шагах в этом направлении.

Непосредственным поводом к возобновлению обсуждения переселенческого вопроса стало строительство Сибирской железной дороги. Масштабность этого мероприятия изначально предполагала наличие межведомственного органа для совместной деятельности высших государственных структур и сокращения времени на разного рода согласования. Таким органом стал Комитет Сибирской железной дороги (далее – КСЖД, Комитет), созданный решением особого совещания 10 декабря 1892 г. и Положением императора от 21 февраля 1893 г. Сам выбор формы нового учреждения как комитета предполагал первостепенную важность стоявших перед ним задач, по аналогии с предыдущими структурами того же типа, однако важным отличием стало назначение в качестве председателя КСЖД цесаревича Николая. Благодаря этому любое постановление и даже мнение Комитета было первостепенным для всех остальных государственных учреждений, даже несмотря на то, что формально орган являлся лишь законосовещательным [2, с. 257].

В состав Комитета на постоянной основе вошли министры финансов, внутренних дел, путей сообщения, государственных имуществ, военный, а также управляющий морским министерством и государственный контролер [3, с. 72]. Помимо этого, на заседания часто приглашались министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также степной, иркутский и приамурский генерал-губернаторы [4, с. 36]. Имевшие наиболее значительное влияние в составе КСЖД вице-председатель Н.Х. Бунге и министр финансов С.Ю. Витте определяли общий курс мероприятий, обеспечивали быстроту

принятия решений и соответствующее финансирование.

В Положении о Комитете Сибирской железной дороги сфера деятельности органа определялась значительно шире, чем строительство самой железной дороги. Непосредственными задачами Комитета являлись общий надзор над «вспомогательными предприятиями», руководство ими путем распоряжения ассигнованными суммами, а также согласование усилий ведомств [3, с. 73]. Благодаря инициативе Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте, в состав «вспомогательных мероприятий» Комитета было включено заселение близлежащих к железной дороге районов. 4 марта 1893 г. при КСЖД была образована Подготовительная комиссия, состоявшая из представителей заинтересованных ведомств. Бессменным ее председателем стал управляющий делами статс-секретарь А.Н. Куломзин, который давно выступал за необходимость проведения целостной переселенческой политики. Под его руководством Подготовительная комиссия принялась за последовательное обсуждение переселенческих вопросов и составление соответствующих финансовых смет.

Финансирование вспомогательных предприятий Подготовительной комиссией происходило через предоставление кредитов соответствующим ведомствам. Средства для переселенческих нужд в основном ассигновались Министерству внутренних дел и Министерству государственных имуществ. Уже в первые годы работы Комитета сформировался в общих чертах механизм финансирования переселенческого дела: основная нагрузка по составлению смет ложилась на соответствующие ведомства. Первоначальные проекты смет составлялись на местах, затем рассматривались в Подготовительной комиссии А.Н. Куломзина, после чего утверждались в самом Комитете. Оттуда проект сметы поступал в Государственный совет, и наконец, соответствующие расходы включались в ежегодную Государственную роспись. Распоряжение суммами, выделенными на переселенческие

мероприятия, возлагалось на местные губернские канцелярии. Соответствующие руководители межевых партий, а также чиновники особых поручений Земского отдела Министерства внутренних дел или лица их заменяющие, получали деньги по предъявлению особых ассигновок (часто на месте работ) и отчитывались по поводу расходования средств перед местным контролем. По настоянию С.Ю. Витте счета фонда вспомогательных предприятий носили особый характер, т.е. были выделены из общего порядка расходования, что позволяло вести общую отчетность по фонду вне зависимости от назначения и места выдачи кредитов [2, с. 265].

Средства, выделенные фондом вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги на переселенческие мероприятия, распределялись на землеустроительные работы, усиление личного состава и различные виды помощи переселенцам. Выдача ссуд требовала координации усилий ведомств и местных властей. Расходы на путевые пособия утверждались министром внутренних дел, Иркутским и Приамурским генерал-губернаторами, выдача же производилась чиновниками особых поручений Земского отдела МВД и при соответствующих генерал-губернаторах. Отпуск домообзаводственных ссуд до 100 руб. (150 р. в Приамурском крае) разрешался губернскими или областными властями, а при необходимости выдачи ссуды «в размере усиленном» требовалось также разрешение министра внутренних дел [5, с. 192–193].

Несмотря на достижение Комитетом Сибирской железной дороги определенных успехов в финансировании переселенческого движения, общая постановка дела по-прежнему нуждалась в серьезных изменениях. Был необходим орган, который мог взять на себя общее руководство над государственной переселенческой политикой, включая всю совокупность законодательных и административных вопросов. Такого мнения, в частности, придерживался и председатель Комитета Сибирской железной дороги Николай П. Всеподданнейший отчет Нижегородского

губернатора за 1895 г. по поводу движения переселенцев и организации переселенческого дела содержал «высочайшую помету»: «Обращаю особое внимание МВД на эту часть отчета. Невозможно оставить такое государственное дело в заведовании какого-то маленького отделения Земского отдела» [4, с. 41].

Разработкой и утверждением проекта особого переселенческого учреждения занялось Министерство внутренних дел под руководством назначенного в конце 1895 г. на должность его главы И.Л. Горемыкина. Разнообразие вопросов, которые планировалось передать новому органу, изначально предполагало значительные полномочия и широкую сферу деятельности, но самой важной особенностью должна была стать его небюрократичность, гибкость структуры и принимаемых решений. Именно этим диктовался выбор управленческого, а не департаментского формата учреждения. В 1890-е гг. в Министерстве финансов и Министерстве внутренних дел активно шел процесс замены департаментов на управления и главные управления с целью увеличения эффективности работы наиболее важных структурных составляющих ведомств. Создавая управления, министры стремились переложить часть своих обязанностей на руководителей этих подразделений, предоставляя им более широкие полномочия, чем директорам департаментов, но и одновременно возлагая ответственность за принятые решения. Нетрадиционной для бюрократической системы была и сама структура учреждения: для канцелярской работы предполагалось ограничиться небольшим числом служащих, главную же роль и особый характер деятельности управления должны были обеспечивать чиновники особых поручений, должность и оклад которых определялся в зависимости от сложности и важности порученного дела. [4, с. 42–43].

2 декабря 1896 г. в составе МВД было образовано Переселенческое управление с несколькими основными задачами: 1) руководство выдачей и сама выдача разрешений на переселение; 2) подготовка переселенческого законодательства; 3)

водворение и попечение о первоначальном устройстве переселенцев; 4) заведование всеми кредитами на переселенческое дело, отпускаемыми по Министерству внутренних дел [6, т. 16, № 13464, с. 740]. Таким образом, значительная часть переселенческого дела оказалась сосредоточена в ведении одного центрального учреждения. И все же часть мероприятий, таких как нарезка участков, гидротехнические работы, заведование сельскохозяйственными складами и отчасти заготовка леса продолжали осуществляться Министерством земледелия и государственных имуществ. Полное сосредоточение отраслей переселенческого дела в составе Переселенческого управления произошло только после его реорганизации в 1905 г.

Механизм распределения финансовых средств с учреждением Переселенческого управления претерпел некоторые изменения. Фонд вспомогательных предприятий Комитета Сибирской железной дороги по-прежнему являлся источником всех ассигнований по переселенческому делу. Однако теперь губернские или областные власти ежегодно высылали сметные предположения расходов начальнику Переселенческого управления. Соответствующие предположения составлялись чиновниками крестьянского отделения губернского управления по сведениям, представляемым крестьянскими начальниками и местными переселенческими чиновниками. Из поступивших в Переселенческое управление сведений составлялся единый сметный проект, который направлялся на утверждение в КСЖД и далее в Государственный совет [7, с. 269]. Утвержденная смета с необходимыми разъяснениями отсылались губернаторам для исполнения. Деньги для кредитования переселенцев на казенные земли переводились главным казначейством на счета местных казначейств, а средства для финансирования западносибирского переселенческого отряда, занимавшегося нарезкой участков, поступали в распоряжение управляющего

Министерством земледелия и государственных имуществ. Непосредственными распорядителями кредитов на местах являлись чиновники губернского управления по крестьянскому делу и крестьянские начальники, которым по ассигновкам предоставлялись авансы для выдачи переселенцам ссуд [7, с. 269–270].

Подавляющая часть ассигнований, которыми оперировало Переселенческое управление в данный период времени, уходила на выдачу ссудной помощи. По правилам 1894 г. кредиты для выдачи ссуд находились у губернских и областных учреждений и чиновники на местах должны были каждый раз испрашивать средства для выдачи денежной помощи переселенцам [5, с. 192–193]. Поскольку переписка и долгий перевод денег серьезно тормозили выдачу ссуд, весной 1896 г. Министерство внутренних дел разрешило отпускать в непосредственное распоряжение крестьянских чиновников аванс до 3 тыс. руб. для немедленной выдачи пособий после разрешения соответствующим губернским или областным учреждением [8, с. 221]. 7 декабря 1896 г. крестьянским чиновникам было разрешено по своему усмотрению выдавать ссуды размером до 30 руб. на насущные нужды переселенцев, не дожидаясь разрешения сверху [9, с. 83].

Другими важными статьями финансирования являлись организация переселенческих пунктов и врачебно-продовольственной помощи, а с начала 1900-х гг. также содержание сельскохозяйственных и лесных складов и строительство дорог. Сопоставимыми по размерам были кредиты, предоставлявшиеся Министерством земледелия и государственных имуществ на исследование и заготовку переселенческих участков, гидротехнические работы.

По мере завершения строительства основной части Транссиба деятельность Комитета Сибирской железной дороги постепенно сокращалась. Из-за постоянного увеличения размеров ассигнований Переселенческому управлению и Министерству земледелия и государственных имуществ фонд

вспомогательных предприятий КСЖД в последние годы своего существования занимался исключительно финансированием переселенческого дела. Так, из средств, выделенных в распоряжение фонда в 1903 г., около 81 % было потрачено на переселенческие мероприятия (3/4 по ведомству МВД). Косвенно обслуживали переселенческую деятельность и 15 % сметных расходов на естественнонаучные исследования (исследование степных областей, мелиорация и т.д.) [2, с. 266]. В целом структуры, заведовавшие переселенческим делом, к тому моменту были готовы определять свое финансирование в обычном ведомственном порядке и необходимость в особом органе для этих целей отпала.

Последним серьезным проектом Подготовительной комиссии КСЖД, связанным с финансированием переселенческого дела, стал пересмотр ссудных правил в 1903 г. Инициатором этого процесса выступил С.Ю. Витте, указывавший на необходимость увеличения размеров переселенческого движения для «оживления необъятной Сибири и разработки природных богатств этого края», а также для уменьшения излишков населения в Европейской России [9, с. 130]. Пересмотра ссуд в сторону увеличения требовали и местные власти, распоряжавшиеся соответствующими ассигнованиями. Тем не менее самой разработкой проекта новых правил единолично занялось Переселенческое управление.

На заседаниях Подготовительной комиссии 2 и 9 мая 1903 г. А.В. Кривошеин предлагал помимо увеличения самого размера выдачи ссуд изменить порядок распределения средств на местах: за губернскими и областными учреждениями планировалось оставить лишь общий надзор, разрешение ссуд в пределах, установленных на один год в определенной местности, должны были теперь осуществлять уездные съезды. Также предполагалось заметно увеличить размер предварительных ссуд (авансов), выдаваемых крестьянскими начальниками [10, с. 230–231].

Подготовительная комиссия выступила против проекта Министерства внутренних дел, заявив, что продолжает придерживаться взгляда, приведенного в прежних правилах о ссудах: «Правительство отнюдь не принимает на свой счет расходы по переселению крестьян в Сибирь, но лишь оказывает некоторую помощь лицам, действительно нуждающимся в поддержке» [10, с. 234]. Основными аргументами против предложений А.В. Кривошеина были чрезмерные расходы для казны и вероятность «наплыва» переселенцев, который государство не смогло бы контролировать.

Новые ссудные правила, утвержденные 25 июня 1903 г., явились компромиссным вариантом: оставляя без изменений предельные размеры ссуд, они децентрализовали дело разрешения ссуд, передав их уездным съездам, а также предоставили крестьянским начальникам право выдавать авансовые ссуды в размере до 50 руб. [6, т. 23, № 23212а, с. 1253]. Тем не менее уже в дополнениях к правилам от 27 декабря 1903 г. предельные размеры пособий были увеличены, а размеры авансовых ссуд доведены до 100 руб. [6, т. 23, № 23799а, с. 1262] Таким образом, стала очевидной ведущая роль Переселенческого управления и Министерства внутренних дел в финансовых вопросах переселенческого дела.

6 мая 1905 г. для сосредоточения в одном ведомстве всех вопросов переселения Переселенческое управление было включено в состав Главного управления землеустройства и земледелия. Его структура к тому времени значительно усложнилась и составляла пять делопроизводств (четыре по территориальному признаку и одно, отвечавшее за передвижение переселенцев, их устройство, а также управление сельскохозяйственными и лесными складами) и секретарскую часть, ведавшую личным составом и церковно-школьным строительством [4, с. 55–56].

Поскольку в 1904–1905 гг. существование Комитета Сибирской железной дороги стало чисто формальным,

А.Н. Куломзин неоднократно высказывался за его закрытие, однако официально это было сделано только 15 декабря 1905 г. Окончательная потеря Комитетом роли в переселениях подтвердилась тем, что после его упразднения финансирование переселенческого дела не претерпело значительных изменений: по окончании последнего сметного периода соответствующие расходы просто перешли по принадлежности в смету Министерства земледелия и государственных имуществ.

Утвердившаяся в середине 1890-х гг. структура финансирования переселенческого дела с Комитетом Сибирской железной дороги в качестве контролирующего и финансирующего органа и Переселенческим управлением как основным организатором переселений и составителем смет показала себя достаточно эффективной в краткосрочной перспективе. На некоторое

время удалось объединить усилия различных ведомств для проведения единой правительственной политики в отношении переселений, финансирование этой сферы приобрело регулярный и стабильный характер. Однако к 1903–1905 гг. требования Переселенческого управления переросли масштабы финансовых средств КСЖД, а сам Комитет к тому времени утратил свою роль в результате межведомственных конфликтов. К моменту своей реорганизации в 1905 г. Переселенческое управление было готово перейти на обычную для всех ведомственных подразделений систему ассигнований, но вскоре оказалось вынуждено выстраивать новый механизм финансирования переселенческого дела в условиях послевоенного и послереволюционного финансового кризиса, а также перестройки всей системы высших государственных учреждений.

Список литературы

1. *Белянин Д.Н.* Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX в. // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2010. № 4 (44). С. 16–22.
2. *Канн С.К.* Комитет Сибирской железной дороги во главе работ по изучению Сибири в конце XIX – начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв. : сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 257–266.
3. Положение о Комитете Сибирской железной дороги // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск : ИД «Сова», 2006. С. 72–74.
4. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управление миграционными процессами в поздней имперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 27–92.
5. Правила 5 июня 1894 г. о пособиях законным переселенцам // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 192–198.
6. Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. третье. СПб, 1881–1913.
7. *Карпинец А.Ю.* Сметы Переселенческого управления как источник по истории переселенческого движения в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. (к вопросу о составлении и утверждении) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX в. : сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 267–275.
8. Выписка из журнала Комитета Сибирской железной дороги от 6 марта 1896 г. по поводу правил о пособиях законным переселенцам // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 220–222.
9. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 443 с.
10. Журнал Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги за 1903 г. о пересмотре правил о пособиях переселенцам // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 228–234.

«ИМПЕРСКИЕ ЭКСПЕРТЫ» КАК ФАКТОР КОЛОНИЗАЦИИ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2619

Высокий авторитет науки и вера в непреложность точных фактов, статистически подкрепленных моделей, делали научно-исследовательские изыскания российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей основой для внедряемых административных интеграционных практик. Н.М. Ядринцев писал, характеризуя эту ситуацию: «Это было время, когда администрация и бюрократия охотно прибегали к помощи писателей, ученых, исследователей. Воздух канцелярии, как бы вентилировался доступом свежего воздуха и независимого взгляда» [1, с. 328]. Административные и правовые решения, исходящих только из государственных, стратегических задач, без учета хозяйственных интересов населения, без опоры на научный фундамент характеризовались в прессе, как «безжизненные» и «кабинетные» [2, с. 10]. Даже наличие богатого опыта управления окраинными территориями и скрупулезно собираемые канцелярские сведения, по мнению экспертов, не спасали официальные программы от утопичности и формализма [3, с. 71]. Роль экспертов, поэтому виделась не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, но и в создании новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения [4].

Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона, меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной

колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов, с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история азиатских окраин, мотивированные потребностями «знания-власти», развивались под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждающих имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяя различные варианты российского видения своего Востока.

Целью данных исследований было создание новых научно аргументированных классификаций населения, которые бы наглядно демонстрировали не только имперское этническое, конфессиональное и культурное разнообразие, но и его перспективы. Переселенческое общество, возникающее на российских окраинах, слабо вписывалось в традиционную сословную сетку, не сливаясь даже с рыхлой и аморфной категорией сельских обывателей. На стыке еще неустоявшихся старожильческих и инородческих групп научные эксперты конструировали новые категории, например, «степных обывателей». Новые категории / группы объясняли происхождение, хозяйственное и культурное разнообразие, а также моделировали их дальнейшее развитие (в зависимости от используемого народнического, цивилизационного или др. дискурса). Наиболее распространенный вариант, свидетельствующий о переходе от цивилизационных моделей (оседлые,

кочевые, бродячие; крестьяне, инородцы) к социальным – это распределение населения по размерам имущества, в частности земельных наделов. Научное исследование в этом направлении имело как практическое значение, так и серьезные социальные последствия.

Недостаточная развитость местного сибирского общества, признаваемая наиболее видными его представителями, приводила к тому, что успех, а часто и сама инициатива какого-либо нового научного начинания могли принадлежать местной администрации. Так было с организацией отделов Русского географического общества, научных экспедиций, образованием университета, просветительских, художественных, музыкальных и других подобных обществ. «Либеральные начальники края, чтобы оживить в нем жизнь, чтобы придать блеск своему управлению, – вспоминал Г.Н. Потанин, – всегда привозили с собой из Петербурга новых лиц, которые своими специальными знаниями оказывались полезными для местного населения. Иногда это были опытные юристы, иногда натуралисты и ученые, изредка даже музыканты. Благодаря этому, можно было встретить в свите генерал-губернатора ботаника в мундире офицера генерального штаба или виртуоза на виолончели, в звании писца в генерал-губернаторской канцелярии. Такими «мундирными учеными», главным образом, поддерживалась ученая деятельность сибирских отделов географического общества» [5, с. 51]. Во многом благодаря чиновникам в Сибири распространялись культурные новшества, формировалась сибирская наука. По вкладу в развитие сибирской культуры чиновничество вполне может поспорить и с купечеством, и с политическими ссыльными.

Однако, отмечая исключительно «чиновнические» корни сибирской интеллигенции, Г.Н. Потанин указывал и на ограниченность такого рода культуртрегеров, особенно в сфере аграрной науки. «Хотя и говорят, что сибирский чиновник отличается от русского тем, что принимает участие в производстве, торгует,

заводит заводы, как это всегда бывает в колониях, но это участие в экономической жизни в крае ограничивается, кажется, торговлей и подрядами. Относительно же сельского хозяйства сибирский чиновник никак не выше сибирского крестьянина» [6, с. 215–216]. Массовое переселение в Сибири в корне изменит эту ситуацию и даст мощный толчок аграрным исследованиям, основным инициатором и активным участником которых становится сначала МГИ, а затем Переселенческое управление.

О важности «интеллигентного» вмешательства в «мужичью колонизацию» писал в своих теоретических работах по колонизации Ф.М. Уманец. Юрист по образованию, ученый и активный участник переселенческого дела в статусе «сведущего человека», мировой посредник, земский деятель (председатель Глуховской уездной и Черниговской губернской земской управы) – достаточно типичный пример сочетания нескольких важных направлений деятельности, которые делали человека сведущим и эффективным экспертом в деле переселения. Экспертные оценки строились в его работах не только на практическом опыте, но и на сравнительном анализе колонизационного опыта европейских империй. Он выделял переселенческое дело в России, как особую лагуну, куда слабо проникает «свет интеллигентного знания», оставляя переселенцев довольствоваться не знаниями, а «чувствами и увлечениями» (так называемый, стихийный народный гений) [7, с. 2].

С 1886 по 1892 гг. по инициативе Министерства государственных имуществ в четырех сибирских губерниях проводилось исследование землепользования и хозяйственного быта сельского населения. Для руководства экспедициями приглашались ведущие российские статистики – Н.М. Астырев, Е.А. Смирнов, Л.С. Личков, А.Н. Ушаков, В.Ю. Григорьев и др. Результаты обследований публиковались в многотомных «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» и «Материалах для изучения экономического

быта государственных крестьян и инородцев в Западной Сибири».

Научные исследования Переселенческого управления по направлениям и технологиям являлись продолжением экономико-статистических, почвенно-ботанических и санитарных исследований губернских и областных статистических комитетов, земских учреждений. Экспедиции, направляемые на колонизируемые окраины, как правило, пользовались ранее разработанными и апробированными программами. В качестве основных форм научно-просветительской деятельности Переселенческого управления можно отметить такие как разовые командировки чиновников особых поручений, долгосрочные экспедиции с привлечением научных и общественных организаций (ИРГО, Почвенная комиссия ВЭО, Императорский ботанический сад и др.); организация и участие в выставках, создание «научно обставленных рабочих кабинетов», музеев и библиотек. Признавалось, что научные знания требовались не только для выработки, принятия и реализации управленческих решений, но и для населения, поэтому оптимальным считалось сочетание «академической строгости» и «опытно-показательного» знания. Именно поэтому приветствовались «наглядные» формы знания, доступные не только для образованного общества, удобные для чиновников, но и для самого переселенца. Канцелярская тайна почти не распространялась на научные сведения о колонизируемых окраинах и, они из отчетов, проектов и записок, стали активно презентоваться в ведомственной и отраслевой периодике, монографических и коллективных изданиях. Буквально за десятилетие (от восьмидесятых к девяностым) научные (в любой форме) сведения о сибирском крестьянстве, переселенцах трансформировались из повествовательных текстов в достаточно сухие, формализованные, но при этом высокоинформативные тексты с многочисленными приложениями в виде статистических данных [8].

Обязательным этапом научного освоения колонизируемой территории были естественнонаучные изыскания, которые создавали фундамент для «практических наук». Почвенно-ботанические экспедиции по инициативе Переселенческого управления занимались, по мнению Г.К. Гинса, «чисто научным освещением естественных условий колонизационных районов» [9, с. 9]. Регулярные экспедиции по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока проводились с 1908 г. До 1914 г. Во время войны продолжалась свodka добытых материалов для составления полной почвенной и ботанической карт Азиатской России.

Эффективными и плодотворными были признаны межведомственные и межотраслевые институты (совещания и комиссии), которые объединяли с одной стороны компетентных и авторитетных в отрасли ученых, а с другой заинтересованных в их работе и обладающих административным опытом, полномочиями чиновников. Под эгидой Переселенческого управления собирались руководители экспедиций для обсуждения с чиновниками ведомства программ, задач и в целом перспектив развития колонизационной сферы. Сами ученые признавали необходимость сотрудничества и «укрепления связей» с чиновниками всех уровней, особенно на местах для выяснения с одной стороны, потребностей властей, а с другой, возможностей ученых. Однозначно выгодность такого сотрудничества проявлялась в издательской и просветительской деятельности, которая благодаря участию заинтересованного ведомства получала и финансовую поддержку, и стабильную организацию.

Сложным этапом сотрудничества «мундирных ученых» и интеллигенции в переселенческом деле стали годы первой русской революции, когда появились альтернативные, причем, как правило, более радикальные и действенные механизмы участия в судьбах российского крестьянства. Партийно-политические деятели, а также депутаты Государственной думы стали

дополнительными, сложно вписывающимися звеньями переселенческого дела в целом, и в частности его научно-исследовательского обоснования. Переселенческое управление будут вынуждать пересматривать свои отношения с местными переселенческими структурами и, главное, принципы комплектования экспедиционных партий участниками политических партий и ссыльными [10]. Местным переселенческим структурам предлагалось начать «энергичную борьбу с проявлениями в чиновной среде противоправительственной агитации, доходящей в некоторых случаях до размеров, вызывающих немедленное применение к виновным чиновникам полицейских мер». Циркуляром Совета министров (от 20.09.1906 г.) было признано «безусловно, неуместным» сочетание правительственной службы и партийной деятельности. Переселенческому руководству рекомендовалось «требовать явного подтверждения их решимости окончательно порвать связи с партией» и только в этих условиях вопрос о продолжении служебной карьеры вновь ставился на обсуждение. Однако, постоянное «требование сведений» в департамент полиции, распространившиеся в переселенческих структурах доносы на

коллег, обвинение в политической неблагонадежности известных ученых и руководителей экспедиций принципиально не изменили состав экспедиций, что подтверждает известное «дело Щербины, Ушакова и Чермака». Исходя из этого, научными изысканиями крестьянского общества и после революции продолжили заниматься с одной стороны чиновники («мундирные интеллигенты» или официальные эксперты), а с другой – политические оппоненты власти (ссыльные, партийно-политические деятели).

Именно эти исследователи, вырабатывающие и реализующие на практике колонизационные проекты по освоению и интеграции окраинных регионов, вполне могут быть обозначены как «имперские эксперты». Используя нехарактерную для правительственного дискурса социальную, народническую, а порой и социалистическую риторику, эксперты, тем не менее, приходили к вполне приемлемым для имперских властей выводам не только о прогрессивности и закономерности российской колонизации, но и создавали модели будущего социального и административного устройства колонизируемых окраин.

Список литературы

1. *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 319–342.
2. *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Императорского Географического общества. Омск, 1895. Кн. XVIII. Вып. 1–2. С. 1–62.
3. *Чиркин Г.* Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. 1907. № 3. С. 44–68.
4. *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М., 2010. 336 с.
5. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 33–150.
6. *Потанин Г.Н.* Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 206–219.
7. *Уманец Ф.М.* Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. 247 с.
8. Материалы для изучения быта переселенцев водворенных в Тобольскую губернию за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 год) : печ. по распоряжению МВД. 1897. Т. 1–2.
9. *Гинс Г.* Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 1–58.
10. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 391. Оп. 5. Д. 278 : О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций.

А.Н. КУРОПАТКИН КАК ИМПЕРСКИЙ ИДЕОЛОГ И ГЕОПОЛИТИК

В условиях трансформации мирового сообщества, глобального перераспределения ресурсов и сфер влияния возрастает роль геополитических факторов. В этой связи актуально обращение к идейному наследию российской военной элиты, оказавшему значительное влияние на формирование идеологии территориальной экспансии России на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. Предложенные Анатолием Викторовичем Ремневым управленческо-региональный подход изучения имперской политики на Дальнем Востоке и понятие «география власти» позволили охватить многие сферы имперской идеологии и колонизационных практик, а также вписывать политические взгляды и государственную деятельность отдельных «строителей империи» в общую канву империи- и нациостроительства. Особый акцент им был сделан на предложении Алексея Николаевича Куропаткина об изменении очертаний российских границ в Азии. Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – один из видных государственных деятелей конца XIX – начала XX вв. царской России, являясь идеологом усиления российского влияния на дальневосточных рубежах, излагал свои взгляды в контексте геополитических идей современников, обеспечивая транзит и адаптацию западных политических теорий в российскую имперскую идеологию. Основные этапы его военно-государственной деятельности совпали с геополитическим становлением царской России и формированием границ ее азиатской части. А.Н. Куропаткин считал Россию однозначно сухопутной державой, чем и объяснялся его повышенный интерес к проблеме безопасности российских границ.

Активизация российской политики в Азии усилила географическую доминанту в имперской идеологии. Ориентация на приобретение благоприятных с этой точки зрения земель рассматривалась А.Н. Куропаткиным как показатель правильной и

продуманной государственной политики. Его взгляды на формы и методы реализации правительственного курса в отношении Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. формировались в ходе практических действий, направленных на осуществление российской колониальной политики. В своих рассуждениях он опирался на уже имеющийся опыт постепенного превращения Грузии и Крыма через институт протектората в административно-территориальные составляющие России. А.Н. Куропаткина раздражало слишком лояльное отношение правительства к вопросу различных льгот для жителей национальных окраин. Российская колониальная политика, полагал Алексей Николаевич, была более гуманной, чем английская, и имела позитивные последствия для местного населения.

В начале XX в. А.Н. Куропаткин настаивал на необходимости ограничения «окитаивания» российских территорий Приамурья и большей части Забайкалья. Сегодня эта проблема по-прежнему остается нерешенной. Учитывая текущие тенденции во взаимоотношениях с Китаем, Россия вынуждена была выработать тактику безопасного сосуществования. Идеолог придавал особое значение Северной Маньчжурии, Монголии и Синьцзянской провинции (северо-западный Китай). Указанные территории являлись непосредственным порубежьем, и поэтому, по мнению Куропаткина, России было бы выгодно иметь над ними контроль. Если бы указанные регионы находились под юрисдикцией Российской империи, то, несмотря на фактическое увеличение площади государства, произошло бы сокращение протяженности сухопутной границы и улучшение ее характеристик с позиций геополитических стандартов. В результате таких изменений расходы на оборону и содержание границы уменьшились бы. А.Н. Куропаткин понимал и старался донести до других, что Северная

Маньчжурия, как часть китайской территории провоцировала слабость российских позиций в Приамурье, но присоединенная к России, она смогла бы усиливать российское положение на Дальнем Востоке [1, с. 144]

Алексей Николаевич предлагал для решения вопросов, связанных с упрочением геополитического положения страны, сделать упор на пустынные пространства как на большую разделительную полосу. Он неоднократно подчеркивал необходимость буфера между Россией и Китаем. В этой связи им настойчиво предлагалось отодвинуть границу до естественного рубежа – пустыни Гоби. В декабре 1913 г. при подписании российско-китайского мирного договора Петербург решил воспользоваться возможностью создать «буферное» монгольское государство на фоне ослабления позиций Китая. И как следствие, Россия получала новое государство на границе Китайской империи с неограниченным экономическим и политическим российским влиянием [2].

Наиболее заметным и уникальным геополитическим проектом А.Н. Куропаткина стало его намерение оптимизировать русско-китайскую границу. Он предлагал выпрямить линию границы, определив опорные точки: на западе – высочайшую часть Тянь-Шанских хребтов, вершину Хан-Тенгри и на востоке – порт «Владивосток». Все территории к северу от границы, пригодные для земледелия, должны были отойти России, включая верховья крупных сибирских рек. Прямая граница позволила бы сократить протяженность пограничной полосы, удешевить ее содержание, увеличить площадь империи за счет вышеперечисленных территорий, ослабить изоляцию от центра дальневосточных рубежей и обеспечить надежную охрану.

После русско-японской войны положение России на Дальнем Востоке осложнялось дальнейшим усилением азиатских конкурентов. Как закономерная реакция на данную ситуацию в размышлениях А.Н. Куропаткина появляются идеи о необходимости

объединенного европейского давления для ограничения военного потенциала Японии и Китая. Он акцентировал внимание на консолидации совместных усилий России и Европы в вопросе устранения угрозы «желтой опасности». Считал, что поддержание мира в Азии является не только российской, но и общеевропейской задачей.

Куропаткин вполне разделял мнение современных ему политиков о роли России как форпоста «белой расы» в Азии и защитницы европейских государств. Воспринимая политические прогнозы Вильгельма II как объективную реальность, он настойчиво выступал против развязывания войны с азиатскими соседями. Называя Европу «старушкой», А.Н. Куропаткин предрекал ей быть загнанной в ее «географический чулок» другими неевропейскими расами. По его представлениям, опасность данного конфликта усугублялась неблагоприятным для Европы соотношением численности противоборствующих лагерей [1, с. 351]. Расовое противостояние, по его убеждению, постепенно принимает глобальный характер, разделяя весь мир на две группы: «народы белой расы» и противостоящие им «народы желтой расы» и «чернокожих». Деление на две группы усиливается и осложняется конфессиональным фактором, разделяя мир на язычников и христиан. А.Н. Куропаткин признавал, что при «будущем вероятном столкновении белой расы с желтой, роль магометан загадочна», т.е. изначально не predetermined. Им предполагалось возможное воссоединение мусульман с язычниками [1, с. 219] против христиан. Такое выделение конфессиональных групп позволяет увидеть истоки взглядов А.Н. Куропаткина и в просвещенческом дискурсе, детерминировано увязывающим цивилизационный уровень народа и его религию. В этом контексте «желтого вопроса» А.Н. Куропаткин вынужден был попутно обратиться к решению еще одного «имперского» вопроса – мусульманского [3].

Из размышлений автора видно, что цивилизационные различия он рассматривал как основную причину глобального противостояния. Проект консолидированной

защиты колониальных интересов России и развитых европейских стран, подготовленный А.Н. Куропаткиным, был дальновидным, отчасти даже пророческим, но также остался невостребованным. Основная задача альянса состояла в сдерживании наступления «желтой опасности». XX в. А.Н. Куропаткин определял как эпоху конфликтов в Азии между народностями христианскими и нехристианскими. Являя собой новый тип российского государственного деятеля, своего рода следствием «Великих реформ», он стал активным разработчиком концепции международного разоружения – прекращения гонки вооружений. Проект снижения расходов на военные цели был обнародован в Гааге мирной конференции 1899 г.

Анализ геополитических оценок и прогнозов Алексея Николаевича Куропаткина относительно развития картины мира, угрозы «желтой опасности» выявил их злободневность и актуальность. Взгляды современных историков и политологов во многом перекликаются с выводами и прогнозами, озвученными А.Н. Куропаткиным, что может послужить толчком к дальнейшему развитию его идей в концепциях современных историков и политологов. В своих прогнозах А.Н. Куропаткин стремился предупредить о возможных изменениях картины мира и предложить последующим поколениям варианты действий, направленные на сохранение территориальной целостности России и ее защищенности.

Список литературы

1. *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб. : Тип. т-ва А.С. Суворина, 1913. 224 с.
2. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул : Аз Бука, 2003. 346 с.
3. *Воробьева Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в. – 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 28 с.

А.П. Толочко

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СТЕПНОГО КРАЯ М.А. ТАУБЕ (БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Образование в 1882 г. Степного генерал-губернаторства (широко распространенное неофициальное название – Степной край), центром которого стал Омск, окончательно закрепило за городом на Иртыше те военные и административные функции, которые он выполнял в этой части Азиатской России. В состав Степного генерал-губернаторства входили Акмолинская, Семипалатинская и некоторое время также Семиреченская области. В конце XIX – начале XX в. Акмолинская и Семипалатинская области делились каждая на 5 уездов. Акмолинская область включала в себя Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский и Акмолинский уезды, а Семипалатинская область – Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Каркаралинский и Зайсанский уезды [1, с. 1]. Общими

характерными особенностями Акмолинской и Семипалатинской областей в момент образования Степного генерал-губернаторства являлось их территориально-хозяйственное устройство, в котором преобладал скотоводческо-земледельческий тип хозяйства и превосходство кочевого населения. Кочевое население представляли казахи, оседлое же население – горожане, казаки и крестьяне – по национальному составу было преимущественно русское [2, с. 4–5]. В Акмолинской области, по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., из общей численности населения в 682 тыс. человек на долю казахов приходилось 62,6 %, в Семипалатинской области из 684 тыс. человек – 90,6 % [3, с. 29; 4, с. 28].

Высшим начальником Степного края являлся генерал-губернатор. Генерал-

губернаторская власть, возникнув в период преобразований Петра I и выполняя преимущественно административно-хозяйственные функции, к началу эпохи «великих реформ» 60–70-х гг. XIX в. приобрела, как отмечает исследователь И.Л. Дамешек, «чрезвычайный политический характер» [5, с. 221]. Эта модель административной политики самодержавия наиболее широко применялась прежде всего на окраинных и в национальных районах Российской империи, т. е. в местностях на особом положении управляемых. В соответствии с инструкцией, генерал-губернаторы, кандидатуры которых утверждал непосредственно император, определялись как «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства...» [5, с. 219]. Степные генерал-губернаторы так же, как генерал-губернаторы других регионов Российской империи, концентрируя в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, являлись верхушкой местной правящей бюрократии. Однако умение эффективно использовать имевшиеся у них широкие полномочия на пользу населения огромного региона в значительной мере зависело от личности конкретного генерал-губернатора, его деловых и человеческих качеств, пристрастий и настроений. Среди представителей высшей элиты Степного края были генерал-губернаторы, для которых стремление подчеркнуть свою значимость в управленческой иерархии сопровождалось проявлением высокомерия, а зачастую и пренебрежительного отношения к подчиненным лицам, причем главное предназначение генерал-губернаторской власти они видели в поддержании «общественного спокойствия». Но в ряду степных генерал-губернаторов были также люди, немало сделавшие для хозяйственного и культурного развития региона и оставившие здесь о себе добрую память. К их числу, несомненно, можно отнести генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе.

Максим Антонович Таубе родился в 1826 г., происходил из дворян Лифляндской губернии, барон. Воспитывался в Дворянском полку, затем закончил артиллерийское училище и в 1845 г. начал службу в лейб-гвардии Литовского полка в звании прапорщика. Будучи на хорошем счету у начальства, быстро продвигался по служебной лестнице. В 1858 г. М.А. Таубе уже полковник, а с 1863 г. – командир Новороссийского драгунского полка. В 1865 г. в чине генерал-майора стал начальником Николаевского кавалерийского училища. Впоследствии занимал ряд других командных должностей, в том числе командующего 3 кавалерийской дивизией, командира 12 армейского корпуса и командующего войсками Киевского военного округа. В 1876 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, а в 1890 г. – генерала от кавалерии. За безупречную службу был отмечен многими наградами [6, с. 470].

Генерал-губернатором Степного края М.А. Таубе был назначен в 1889 г., сменив на этом посту первого степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского. Г.Е. Катанаев, природный сибирский казак, дослужившийся до генеральских эполет, который хорошо знал М.А. Таубе по Омску, писал о нем: «Честный немец – прибалтийский рыцарь. Между трех огней в одном лице: и генерал-губернатор, и командующий войсками, и наказной атаман» [7, с. 34]. Имея богатый опыт военной службы, новый степной генерал-губернатор, в отличие от своего предшественника, не обладал опытом гражданского управления. Это отнюдь не помешало Максиму Антоновичу достаточно быстро освоиться с обязанностями высшего начальника Степного края. Его пребывание в должности генерал-губернатора огромного региона совпало по времени с крутыми переменами в жизни Омска и степных областей, что было связано со строительством Сибирской железной дороги. Первый поезд прибыл в Омск в августе 1894 г. «25 августа, – сообщала в данной связи газета “Акмолинские областные ведомости”, – левый берег Иртыша впервые огласился

свистком паровоза... Еще накануне город расцвятился флагами и украшениями для иллюминации. Торжественный момент прибытия и остановки поезда приветствован был музыкой и громогласным “ура” собравшейся публики... Встретить первый поезд пожелали не только русские горожане и казаки, но и киргизы (казахи – *А.Т.*), для большинства которых железнодорожный поезд представлял невиданное зрелище» [8]. Корреспондент другой омской газеты «Степной край», описывая это событие, отмечал, что «день 25 августа сего года будет рубежом старой и новой жизни г. Омска и прилегающих местностей» [9, с. 145].

После строительства железной дороги Омск из военно-чиновничьего стал достаточно быстро превращаться в крупный торгово-промышленный и транспортный центр Западной Сибири и Степного края. Здания административных учреждений, торгово-промышленных фирм, банков, транспортных и других контор заметно преобразили его облик, прежде всего центральную часть города. К слову сказать, проявляя попечение о благоустройстве Омска, М.А. Таубе заботился и о том, чтобы у приезжавших в административный центр Степного края путешественников и гостей города осталось о нем приятное впечатление. Несмотря на занятость всевозможными делами по управлению краем, он находил время и принимал некоторых из них в генерал-губернаторском дворце. Один из иностранцев, посетивший Омск в 1897 г., писал в своих путевых заметках, что хотя во время ночлега в местной гостинице его сильно укусы клопы, от пребывания в городе на Иртыше он сохранил самые добрые воспоминания во многом благодаря теплоте приему, оказанному генерал-губернатором [10, с. 71].

Но не только дела о благоустройстве своей резиденции волновали М.А. Таубе. В связи с возросшим в 90-е гг. XIX в. потоком крестьян-переселенцев в Степной край он приложил немало усилий для упорядочения и правильной организации переселенческого дела во вверенном ему регионе. Администрация Степного генерал-

губернаторства осуществила целый ряд мероприятий по заготовке колонизационного фонда и поземельного устройства переселенцев, оказанию им агрономической помощи. Поскольку переселенческие участки образовывались путем изъятия земельных площадей у коренного населения степи, власти во избежание конфликтов между русскими переселенцами и казаками стремились действовать достаточно гибко. «Если в одних случаях, – отмечает исследователь Д.В. Кузнецов, – местное начальство считало возможным изъять земли у казахов, считая, что у них есть возможность использовать оставшиеся площади для выпаса и содержания скота, то в других случаях администрация наряду с предоставлением обменных площадей в качестве компенсации производила выселение казахов в другие местности с выдачей им денежного пособия для того, чтобы они могли завести скотоводческое хозяйство на новом, пригодном для него месте» [11, с. 17]. Однако далеко не всегда такая политика давала нужные властям результаты: конфликты в степных областях все же проявляли себя, выливаясь иногда в волнения среди казахского населения. Поэтому генерал-губернатор М.А. Таубе настаивал на усилении надзора за положением дел в степи, добиваясь увеличения штатов уездных управлений и введения должностей участковых приставов, наделенных достаточно широкими полномочиями [12, с. 454].

Определенное влияние М.А. Таубе оказал также на процесс интеграции коренного населения казахской степи в общероссийское культурное пространство. Он выступил инициатором открытия русско-казахских школ в Степном крае. В начале 1900 г. в своем обращении к министру народного просвещения М.А. Таубе указал, что развитие русского образования среди детей кочевников своевременно и крайне необходимо. При этом, как отмечал он, учитывая экономическое состояние областей Степного края и целый ряд других факторов, приоритет следует отдать открытию подвижных аульных школ. Указанные учебные заведения являются наиболее

удобным типом школ для данного региона, как по дешевизне содержания, так и по соответствию их кочевому образу жизни и разбросанности по обширным территориям казахского населения. Ввиду недостатка местных средств, особенно у администрации Акмолинской области, учреждение аульных школ, согласно доводам степного генерал-губернатора, могло состояться не иначе как при обязательном участии министерства народного просвещения. Генерал-губернатор М.А. Таубе предлагал на первых порах открыть в Акмолинской области 10, а в Семипалатинской области – 20 аульных школ и для наблюдения за ними учредить должность инспектора [13, с. 171–172]. И хотя в связи с отсутствием у Министерства народного просвещения свободных денежных средств решение этого вопроса состоялось только в 1901 г. уже при другом генерал-губернаторе, первые шаги в этом направлении были сделаны именно М.А. Таубе.

Наряду с делами по гражданскому управлению Степным краем М.А. Таубе пришлось активно заниматься также вопросами, связанными с военным строительством. Дело в том, что в 1897 г. был создан единый Сибирский военный округ, командующим которым стал степной генерал-губернатор [14, с. 216]. Такое положение просуществовало до 1906 г., когда по настоянию военного министерства были воссозданы Омский и Иркутский военные округа. Являясь командующим Сибирским военным округом, Максим Антонович проделал значительную работу по повышению боеготовности воинских

частей, дислоцированных на его территории, созданию здесь необходимого мобилизационного потенциала. Все это принесло свои результаты в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., когда именно сибирские полки внесли особенно заметный вклад на театре военных действий в борьбу с врагом [15, с. 78–79].

Являясь убежденным сторонником существовавшего в России самодержавного строя, М.А. Таубе, тем не менее, не был чужд великодушию в отношении так называемых государственных преступников, уже понесших, как он считал, справедливое наказание за свои деяния. Народник Л.К. Чермак вспоминал, что, будучи выслан в 1896 г. за участие в революционном движении в Степной край, он по прибытии в Омск получил от М.А. Таубе предписание отправиться к месту ссылки в Семипалатинск. Поскольку своих средств на дальнейшую дорогу у Чермака не имелось, он попросил генерал-губернатора отправить его к месту ссылки за казенный счет. На брошенную М.А. Таубе реплику: «Но ведь вам придется идти этапом с партией уголовных ... пешком», ссыльный вновь заявил об отсутствии у него денег. Каково же было изумление Л.К. Чермака, когда на другой день утром к нему по поручению М.А. Таубе явился полицейский пристав и вручил 30 руб. на оплату проезда на лошадях до Семипалатинска [16, с. 56–57].

В июле 1900 г. М.А. Таубе был назначен членом Государственного совета и покинул Омск. С 1906 г. и до своей кончины в 1910 г. в реформированном Госсовете он входил в состав присутствующих членов.

Список литературы

1. Степное положение Высочайше утвержденное 25 марта 1891 г. об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, с приложением извлечения из положения об управлении Туркестанским краем. Омск, 1895. 90 с.
2. *БуктугUTOва Р.С.* Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX в. Кокшетау, 2006. 296 с.
3. *Абилов К.Ж.* История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Караганда, 2005. 356 с.
4. *Козина В.В.* Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.). Караганда, 2007. 144 с.
5. *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. 246 с.
6. Энциклопедия города Омска. Омск, 2011. Т. 3 : Омск в лицах. Книга 2 : А–Я. 692 с.

7. Катанаев Г.Е. Очерки былого. Омск, 2012. 415 с.
8. Акмолинские областные ведомости. 1894, 31 авг.
9. Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1 : Дореволюционный Омск. 292 с.
10. Время и город: Омск XVIII – начала XX вв. в описаниях современников. Омск, 1996. 107 с.
11. Кузнецов Д.В. Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис... канд. ист. наук. Омск, 2000. 23 с.
12. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Алматы, 2000. 766 с.
13. Журн. Мин-ва нар. просвещения. СПб., 1905. Ч. CCCLXII. Декабрь.
14. Власть в Сибири: XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2005. 696 с.
15. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в. Кемерово, 2003. 385 с.
16. Кадиков Э.Р. Экспедиция по исследованию степных областей в воспоминаниях Л.К. Чермака // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики. Омск, 2013. С. 55–80.

Е.П. Антонов

ИСТОРИК Г.В. КСЕНОФОНТОВ О КОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В ИСТОРИОГРАФИИ ЯКУТИИ

Революция и Гражданская война в Якутской области имели этническое измерение. В период строительства национальной государственности в форме автономии и национально-культурного возрождения, в период нэпа перед национальной интеллигенцией встала задача трансформации якутского народа в нацию, для чего требовалось изучение этнографии, истории, языка, фольклора. По советской традиции научное исследование этнических проблем способствовало закреплению идентичности различных народов, административных и культурных полномочий и обоснованию национальной политики в данном регионе [1, с. 339].

Поражение движения областничества и установление советской власти в 1919 г. привело одного из видных общественно-политических деятелей Якутии Г.В. Ксенофонтова «к глубокому разочарованию» и к «окончательному отходу от всякой политической деятельности» [2, с. 76]. Отойдя от политики, он занялся этнографией, историей и фольклористикой и внес своими научными трудами огромный вклад в формирование национальной идентичности якутов. В частности, об этом свидетельствует письмо Г.В. Ксенофонтова от 26 ноября 1927 г., отправленное из Ленинграда в научный отдел Наркомата просвещения ЯАССР.

Ученый писал, что имеющаяся литература о якутах стала научной лишь со

времен Сибиряковской экспедиции (1894–1896 гг.). До того момента литература о якутах представляла собой собрание «всякого рода вымыслов, обывательской фантазии, проникнутых одной господствующей идеей – доказать, что якуты представляют из себя “низшую расу”, подлинных дикарей, которые стали похожи на людей только со времени русского завоевания, а особенно – со времени озарения их светом христианской истины». Эта идея проходила «красною нитью даже в трудах социалистов-народников». Невежество послужило причиной отрицания отличий тысячелетней культуры центральноазиатских номадов от примитивных культур полинезийцев и африканских племен ньям-ньям. Гавриил Васильевич считал, что В.Л. Серошевский, В.Ф. Трощанский и Н.А. Виташевский не отличали духовное наследие скотоводческих хозяйств от охотничьего и собирательского типа занятий африканских племен [3, оп. 1, д. 2131, л. 3].

Г.В. Ксенофонтов справедливо подметил общий недостаток в трудах дореволюционных авторов, заключающийся в отрицании самой возможности «развития, трансформации, человеческого движения – в самом глубинном смысле этого слова» народа саха. Он был не согласен с трактовкой якутского общества, как «по-детски незрелого и примитивного» [4, с. 321, 381].

Предшественники-якутоведы, подвергнутые острой критике Гавриилом Васильевичем, представляли собой служащих местной администрации, участников академических экспедиций, политических ссыльных, путешественников и т.д., т.е. культурных медиаторов. По существу они осуществляли функции перевода «чужого» в «свое», когда знания о «колонируемых» превращались в важную стратегическую составляющую имперской политики. Это были не просто пассивные информанты, а активные участники отношений «власть – знание» в Якутии [5, с. 198]. Благодаря их усилиям возник «непротиворечивый нарратив ментального «освоения» сибирских территорий» и был обоснован тезис «об органическом русском государстве, впитывающем в себя разные народы и земли» [6, с. 433, 437].

Г.В. Ксенофонтов предлагал бороться с подобными предрассудками путем публикаций образцов народного творчества, которые будут говорить сами за себя. Он опасался, что через 10–15 лет невозможно будет отыскать «ни сказочников, ни шаманов, ни национального жилища и одеяния». И, по его мнению, если ученые «европейской расы» отказывались изучать народы Якутии, то за эту задачу должны были взяться местные исследователи [3, оп. 1, д. 2131, л. 4–5]. Такой выход предложил Гавриил Васильевич, поскольку коренным народам «никогда не удавалось говорить за самих себя», а прежние сведения обретали достоверность только после прохождения «сквозь очистительный огонь работ» российских и европейских авторов [4, с. 436].

И эту задачу исследователь активно реализовывал. Совнарком Якутии и Институт языка и культуры финансировал командировки Ксенофонтова, в том числе и в Бурят-Монголию. Он объездил огромную территорию, собрал богатый материал и завершил свой капитальный труд «Эллэйада», что дало основание А.П. Окладникову уже в 1931 г. написать, что Гавриил Васильевич ввел в научный оборот «почти все, что сохранилось из преданий о легендарном прошлом якутов». Однако не

все так положительно встретили публикации ученого. Например, известный якутский поэт А.А. Кюндэ считал, что в условиях развертывания классовой борьбы рассказы «незрелых пролетарских литераторов гораздо ценнее, чем “Эллэйада”» [7, с. 67; 8].

В 1937 г. после публикации I тома «Урангхай-сахалар» Г.В. Ксенофонтова С.А. Токарев подготовил солидную статью объемом в 3 п.л. «По поводу одной теории этногенеза якутов», в которой высказал гипотезу о северном происхождении якутов. Гавриил Васильевич эмоционально расценил эту попытку как «разновидность и логическое завершение старого русского великодержавия и общего настроения российской мелкой буржуазии или мещанских кругов, искони склонных принижать культурную историю малых и колониальных народов царской России». Г.В. Ксенофонтов сообщил директору Института языка и культуры при СНК ЯАССР П.А. Ойунскому о подготовке своей статьи «Ответ С.А. Токареву» [9, с. 124–125].

Между тем другая (подавляющая) часть якутской элиты усматривала в российском владычестве «принудительный, но, тем не менее, желанный путь к европейскому социальному и культурному развитию, “окно в Европу” для инородческих подданных Российской империи [10, с. 155]. Например, уроженец Хангаласского улуса Якутского округа, историк Г.А. Попов утверждал, что Гавриил Васильевич поставил в вину европейским ученым деление народов «на черную кость» (представители негроидной и монголоидной рас) и «белую кость» (представители белой расы), пытался «выпятивать исключительно отрицательные стороны» трудов европейцев и «затушевать их заслуги и их положительную роль».

Попов дал показания, что в 1934 г. или 1935 г. в Центральном архиве Ксенофонтов пытался доказать ему, что русские историки проглядели «великое прошлое» якутов и отзывались о них, как о дикарях. В ответ Григорий Андреевич возразил, что при всех недостатках дореволюционной историографии России она, несомненно, внесла ценный вклад в науку. После такого

резкого замечания Ксенофонов замолчал и стал проявлять враждебное к нему отношение.

Г.А. Попов дал показание, что на I языковедческой конференции в Якутии в августе 1935 г. Г.В. Ксенофонов выступил с речью, где отметил отрицательные стороны завоевания Якутии. Участники мероприятия из числа национальной интеллигенции и студентов под председательством П.А. Ойунского поддержали выступление рукоплесканиями. Никто из докладчиков не сделал никаких замечаний в адрес Гавриила Васильевича. Но ученый секретарь Общества изучения Якутской АССР В.Н. Владимирский заявил, что это националистический доклад и покинул зал [11, д. 1623р, л. 30–35].

На допросе 7 июня 1938 г. Г.А. Попов заявил, что в Институте языка и культуры коммунист Ойунский подчеркивал достоинства трудов Ксенофопова. Никакой критики трудов Гавриила Васильевича слышать не приходилось. Платон Алексеевич включал в план издательства работы Ксенофопова. Ойунский отмечал, что древняя история и культура якутов происходит из южных частей Азии. Якуты пережили эпоху феодализма и являлись

носителями особой культуры. В Якутии у них сложилось «нечто вроде ханства во главе с Тыгыном» [11, д. 1623р, л. 84–85].

П.А. Ойунский писал, что тюркские предки якутов обитали где-то в Средней Азии, восточнее Аральского моря. Оттуда были вытеснены джунгарами и, преодолев огромные расстояния, вышли к озеру Байкал, где встретились с монгольскими, бурятскими, эвенкийскими племенами, а в период возвышения монголов предки якутов переселились в бассейн средней Лены, и это переселение завершилось где-то в XVI в. [12, с. 16].

Г.В. Ксенофонов сыграл в условиях национального строительства неоценимую роль в формировании идентичности якутского народа. Он стал первым национальным историком и этнографом, который дал собственную трактовку этногенезу и древней истории якутов. Впервые ученый попытался отойти от стереотипов европоцентризма и русоцентризма в ходе разработки этнической истории саха. Подобные тенденции находили понимание и поддержку не только среди национальной интеллигенции, но даже среди партийно-советской верхушки.

Список литературы

1. *Ларюэль М.* «Этногенез» узбеков как элемент советской науки // *Ab imperio*. 2005. № 4. С. 337–360.
2. *Дьячкова А.Н.* Г.В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск, 2000. 203 с.
3. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 60.
4. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с.
5. *Ремнев А.В.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. № 1. С. 169–208.
6. *Глебов С.* О территории власти и власти территории: заметки на полях «Сибири в составе Российской империи» // *Ab imperio*. 2008. № 4. С. 429–439.
7. *Антонов Е.П.* Интеллигенция Якутии (1922–1938 гг.). Якутск, 1998. 136 с.
8. *Кюндэ А.А.* Об издании «Эллэйады» // Автономная Якутия. 1929. 13 июня.
9. П.А. Ойунский – директор Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР (1935–1937 гг.) : сб. док. Якутск, 2003. 163 с.
10. *Бобровников В.* Анатолий Ремнев как историк имперского Востока // *Ab imperio*. 2012. № 1. С. 151–159.
11. Архив Управление Федеральной службы безопасности РФ по Республике Саха (Якутия).
12. *Иванов В.Н.* Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель // Платон Алексеевич Ойунский: взгляд через годы : сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 5–19.

МЕНТАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СИБИРСКОГО ПРОСТРАНСТВА МИГРАНТАМИ ИЗ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

Образ Сибири в представлениях мигрантов – малоизученная и актуальная тема. Рост количества мигрантов в современном мире наглядно демонстрирует необходимость изучения не только количества, половозрастного состава переселенцев, но и их ментальных установок, представлений, картины мира и системы ценностей. «Разночтения» в идеальных представлениях с реалиями жизни часто становятся причиной конфликтов на уровне повседневности. Восприятие образа Сибири переселенцами как экономическими, так и политическими рубежа XIX–XX вв. позволяет проанализировать причины несовпадения ожиданий с обретенной реальностью и спрогнозировать вероятные последствия современной волны миграции.

В процессе исследования нами были изучены источники личного происхождения, материалы делопроизводства. В качестве методологической базы исследования были востребованы установки таких исследовательских подходов, как теория картины мира и история ментальностей. Результатом проведенного исследования стало понимание неразрывности представлений о географическом, информационном и правовом поле сибирского пространства. Первоначальные представления о географическом положении, специфике климатических условий играли важную, но не определяющую роль в картине мира и ментальных установках мигрантов. Информационное поле, формируемое в начале переселенческого пути и дополняемое, корректируемое по мере пребывания в месте водворения, в значительной мере программировало положительную либо отрицательную мотивацию к профессиональной деятельности, демографическому поведению. Правовое поле, понимаемое как условия, способствующие либо препятствующие устройству быта

мигрантов, завершало процесс ментального конструирования сибирского пространства мигрантами из Европейской части Российской империи.

Концепция имперской географии власти, предложенная А.В. Ремневым, дает уникальную возможность увидеть лицо российской провинции. Не менее интересен взгляд изнутри: как население регионов, в данном случае Сибири, рефлексировало относительно места своего жительства. Представляется интересным рассмотреть воззрения мигрантов, приехавших в Сибирь, сопоставив их ожидания с реалиями.

Объектом исследования являются представления мигрантов из западных губерний Российской империи, приезжавших на строительство Транссибирской магистрали, выпускников Варшавского университета, желавших сделать карьеру в России, а также мигрантов-агровладельцев начала XX в. о сибирском регионе. Концепт «Сибирь» в данном случае оказывается идентичным понятию «пространство». Анализ данного концепта позволяет выделить представления сибирских католиков о географическом, информационном и правовом пространстве Сибири. В процессе исследования нами были востребованы установки следующих исследовательских подходов: теории картины мира как совокупности образов, представлений, ценностей, и истории ментальностей, как инструмента исследования коллективного бессознательного.

Нами были изучены письма, воспоминания, дневники мигрантов, для которых Сибирь на длительное время стала местом жительства. Интересные наблюдения оставил ксендз Ян Хыличковский, сосланный в Сибирь на поселение в 1863 г. и возвратившийся в 1885 г. по «всемиловейшему соизволению» в Петроковскую губернию Царства Польского. «Еще не так давно слово Сибирь

связывалось с представлением о диком и безлюдном крае. Полагали, будто бы даже малый лучик цивилизации не проникал сквозь эти безмерные пространства, протянувшиеся от Уральских гор до Тихого океана и от Ледовитого моря до регионов Алтая и Маньчжурии. И страх также охватывал каждого, кто вспоминал от этой стороне – о тех норах, которые тамошним людям служат жилищем, о шкурах, заменяющих им одежду, о горах, дебрях, степях и лесах, кишаших диким зверьем, о варварском местном народе, враждебном, страшном для пришельца. Сегодня эти предубеждения рассеялись. Значительное число лиц, возвращающихся из Сибири, огласили и оглашают в печати свои описания и воспоминания о пребывании в различных уголках этих азиатских владений. Оказалось, что Сибирь не только не отсталая, но напротив, – является землей богатой и обетованной» [1, с. 352].

Изучение просвещенческо-информационного дискурса польской прессы того времени приводит исследователя к следующему выводу: «Если вообще какой-то образ Сибири и существовал в крестьянском сознании, то был это образ “черной дыры”, в которую, если какому осужденному или рекруту довелось попасть, то он в ней исчезал бесследно и навсегда» [2, с. 376–383]. Формирование образа Сибири как самостоятельная цель издателями польских газет и журналов «для народа» не ставилась.

Образ Сибири формировался не только в общественном мнении. Русские периодические издания прогосударственного толка преследовали рекламную цель заселения малолюдных сибирских окраин. Для этого при помощи средств массовой информации выстраивалась модель аналога Нового Света. Историк Н.Н. Родигина отмечает, что характерной чертой образа региона в глазах корреспондентов являлось сравнение его с Америкой. «При этом Америка воспринималась как некий социокультурный идеал, аналог новой, свободной, прогрессивной и экономически благополучной жизни» [3, с. 233].

Аксиоматично, что вследствие как экономических миграций, так и

репрессивных действий царского правительства сибирский регион стал местом проживания представителей разных народов и конфессий. Образ «Сибирь – место каторги и ссылки, тюрьма народов» был для того времени чрезвычайно актуальным. Не всегда формулярные списки высланных в Сибирь были составлены в соответствии со всеми правилами делопроизводства, имели место ошибки. Был ли единичным случай, упомянутый в делах хранения Исторического архива Омской области: «О высылке обратно в Польшу отправленного по ошибке в Сибирь прусского шляхтича Юзефа Оссовского от 19.11.1864–8.01.1865» [4]? Историк С.Г. Пяткова утверждает: «Неправильно составленная о переселенцах документация вызывала их недоверие к действиям местного начальства» [5].

Для характеристики представлений западных мигрантов достаточно вспомнить два устойчивых фразеологических оборота, характеризовавших степень восприятия Сибири: «нелюдская земля» и «земля обетованная». На лекции, прочитанной в Лозанне в 1917 г., Б. Пилсудский произнес слова, ныне часто цитируемые: «Сибирь, которой агрессивное правительство пугало всех, не желающих повиноваться ему, стала повседневной, понятной каждому поляку угрозой. Сибирь вошла в польскую поэзию, заменив в ней античный Тартар и средневековый ад» [6]. Однако на практике ссыльные, и в первую очередь служители церкви, встречали лояльное к себе отношение со стороны сибирской администрации, сочувствие местного населения, приходя таким образом к выводу, «что Сибирь – это не Тартар или пекло, что это их далекая вторая Отчизна» [6]. Парадоксальным на первый взгляд кажется факт, что после помилования в 1876 г. часть «повстанцев» осталась в Сибири; для многих из них «Сибирь была тем местом, где открывались более широкие возможности для самореализации, чем в порабощенном Царстве Польском, т. е. в так называемых Западных губерниях Российской империи» [7].

Список литературы

1. Шостакович Б.С. Труд Яна Хыличковского – уникальный источник о сибирской деревне и хозяйственной деятельности ее крестьянства во второй половине XIX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2012. Ч. 1. С. 350–356.
2. Менджецкий В. Образ Сибири на страницах периодической печати «для народа» в Королевстве Польском в конце XIX – начале XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2010. Ч. 2. С. 376–383.
3. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.
4. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 3. Оп. 4. Д. 5755.
5. Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. Сургут : РИО СурГПУ, 2008. 161 с.
6. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М. : Ладомир, 2002. С. 13–30.
7. Masiarz W. Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805–1937) // Kościół katolicki na Syberii. Historia – Współczesność – Przyszłość. Wrocław : Silesia, 2002. S. 125–140.

С. И. Алексеева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ СИБИРСКОЕ СОБРАНИЕ (1910–1917 ГОДЫ)

Вопросы, связанные с генезисом гражданского общества в России, находятся в центре внимания историков. Существенную роль в этом процессе играли общественные организации. Особое место среди них занимали общественные собрания или клубы. Отмечая сложность типологии и неопределенность задач подобных организаций, исследователи относят их, за исключением политических клубов, к категории досуговых обществ, удовлетворявших потребности человека в различных формах свободного времяпрепровождения [1, с. 237–239, 374–431]. При этом социально-политическое лицо общественных собраний, их вклад в формирование гражданского общества, особенно в связи с переустройством жизни страны на началах конституционализма, свободы союзов и собраний в 1905 г., остается неясным.

Объектом исследования являются общественные организации, предметом – история Санкт-Петербургского сибирского собрания (далее – Сибирского клуба, Сибирского собрания). В качестве критерия классификации общественных собраний используется предложенное А.Н. Медушевским деление общественных организаций на политически ориентированные – декларирующие

общественно значимые цели, и стоящие вне политики, ограничивающие свои функции организацией досуга и развлечений [2, с. 168].

Идея учреждения в Петербурге сибирского собрания возникла задолго до его открытия и была сочувственно встречена столичной колонией сибиряков и общественностью. Одним из первых о желательности собрания высказалось сибирское купечество на Ирбитской ярмарке. Особая ценность клуба как площадки для обсуждения специальных сибирских тем усматривалась в специфике его аудитории, представленной наиболее активной частью сибиряков, тяготевших к столице как культурному, научному и политическому центру, т. е. аудитории, отсутствовавшей в клубной публике сибирских городов [3, с. 2].

Инициатором и основателем столичного Сибирского собрания выступил депутат Государственной думы III и IV созывов от Тобольской губернии, лидер фракции трудовиков и Сибирской парламентской группы В.И. Дзюбинский. Устав клуба, основанный на типовых положениях уставов общественных собраний, был зарегистрирован 26 января 1910 г. Торжественное открытие собрания состоялось 1 апреля 1910 г.

По уставу Сибирское собрание имело целью: 1) сблизить сибиряков между собою для предоставления им и их семействам возможности приятного и полезного препровождения времени и 2) содействовать возможно большему культурному развитию и экономическому преуспеянию Сибири [4, с. 3]. Ожидалось, что собрание познакомит столицу с экономическими и политическими проблемами Сибири, с особыми течениями ее общественной мысли и будет содействовать культурному подъему сибирской окраины. Таким образом, клубу надлежало стать центром духовной жизни петербургских сибиряков, что сразу выводило его деятельность за рамки досуговых обществ.

К началу 1913 г. собрание насчитывало 266 действительных членов. Среди них – известные ученые, промышленники, журналисты, писатели, артисты, 16 думских депутатов (7 кадетов, 6 трудовиков, 1 народный социалист, 2 социал-демократа, 1 беспартийный) и 2 члена Госсовета. Почетными членами были избраны патриарх сибирского областничества Г.Н. Потанин и общественные управления 10 сибирских городов: Кургана, Тобольска, Петропавловска, Камышлова, Тюмени, Омска, Томска, Семипалатинска, Ишима и Хабаровска. Самой массовой категорией членов клуба были «сотрудники», не участвовавшие в его управлении. Это право сотрудников было исключено из итоговой редакции устава клуба Особым городским по делам об обществах присутствием. В 1911 г. в собрание входило 853 члена-сотрудника, и оно с полным основанием считалось «собранием сибирской молодежи», таившей в себе заряд «здорового критицизма и демократического протестантства». Однако, по наблюдению писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, отношение старших членов клуба к запросам молодежи было «в значительной степени холодное и неглубокое», и молодежь не всегда находила здесь ободрение «в борьбе за свои права и светлое будущее...» [5, с. 169].

Делами клуба заведовали общие собрания почетных и действительных членов и совет старшин. Первым его председателем

был избран член Госсовета, крупный предприниматель и меценат, глава екатеринбургского отделения Сибирского торгового банка В.А. Поклевский-Козелл. Затем на этот пост избирались сибирский общественный деятель Н.М. Павлинов (1913 г.), депутат Госдумы, трудовик А.С. Суханов (1914–1915 гг.) и председатель правления центрального банка Общества взаимного кредита, кадет А.И. Макушин (1916–1917 гг.), один из инициаторов создания Сибирской парламентской группы.

При клубе была организована библиотека-читальня, получавшая сибирскую прессу. Театрально-концертная комиссия во главе с артистом императорских театров В.И. Лосевым и композитором А.В. Таскиным силами слушателей драматических курсов и артистов частных театров обеспечивала программу клубных вечеров. Начали работу экскурсионная и забайкальская комиссии. Программа научных чтений собрания включала все важнейшие «сибирские вопросы»: отношение к столыпинским реформам, крестьянской общине, переселенческой политике, положению сибирских инородцев, введению земства, созданию рациональной сети железных дорог и водных путей. В оживленных прениях по докладам принимали участие думские депутаты, ученые-сибиреведы, высшие чиновники министерств и учащая молодежь. Отдельные вечера посвящались знаковым событиям общественной жизни: кончине Л.Н. Толстого, думцев С.А. Муромцева и А.В. Караулова, чествованию Г.Н. Потанина и других сибирских деятелей [6, с. 7–13].

Главным козырем сторонников необходимости Сибирского клуба было создание некоммерческого Юридического бюро справок как самостоятельной отрасли деятельности собрания. В задачи бюро входило: 1) давать сибирским городам «советы и указания» по возбужденным ими ходатайствам в министерствах и судах; 2) способствовать скорейшему прохождению дел через центральные учреждения; 3) извещать города о положении дел, находящихся в производстве. В состав бюро планировалось ввести юрисконсульта с

обязанностью ведения текущих дел и совет из юристов и «других лиц, знающих как местные условия сибирской жизни, так и условия движения дел в центральных учреждениях». На содержание бюро клиенты-города вносили плату по 300–500 руб. в год, размещавшуюся на отдельном счете в Сибирском торговом банке. Его директором-распорядителем являлся член клуба М.А. Соловейчик. Круг дел, разрешенных с помощью бюро, включал ассигнование средств на строительство школ, расширение сети учебных заведений, введение попутного сбора с товаров, отчуждение земли под железные дороги, возведение в потомственное почетное гражданство и т. п. Клиентами бюро выступали не только города Сибири, но и финансовые организации, например, Омское общество взаимного кредита.

Представление о полномочиях думских депутатов оказалось прочно связано с юро справок. Программа его содержала все элементы лоббизма. Сначала этой деятельностью «единолично, без коллективного обсуждения» занимался В.И. Дзюбинский, опираясь на свои контакты в Совете по делам местного хозяйства при МВД, имевшем аналогичный справочный отдел, не взимавший плату за услуги. С избранием в состав бюро 19 ноября 1911 г. присяжных поверенных А.А. Леонтьева и Н.М. Павлинова его работа приобрела коллегияльный оттенок. Но расходы бюро остались непрозрачными. Суммы с его счета выдавались А.А. Леонтьеву «в безотчетное распоряжение». Только в 1914 г. постановлением годичного собрания клуба функции бюро были переданы совету старшин, а его средства соединены с общими суммами собрания [7, ф. 367, оп. 1, д. 1, л. 1–2 об., 14–15 об., 22–23 об., 95].

Программа действий собрания признавалась многими крайне неудовлетворительной. Критике подвергались «научно-танцевальный» характер клуба и бесправность членов-сотрудников. «Разумная осторожность» совета старшин в этих вопросах привела к отчуждению от него рядовой аудитории клуба [8, с. 83–91]. Власти видели в

Сибирском собрании оппозиционную структуру. 264 из 874 членов и более половины старшин были известны охранному отделению как «лица, не вполне благонадежные». По агентурным сведениям, клуб служил явкой местной ячейки партии эсеров [7, ф. 569, оп. 13, д. 388д, л. 159–160 об.]. Градоначальство ввело мелочный контроль программы клубных вечеров, запреты на прения и прием в сотрудники учащихся. В 1914 г. клуб был вынужден отказаться от помещения в новом здании Сибирского торгового банка (Невский пр., 44), выходявшем «на линию высочайших проездов» [7, ф. 287, оп. 1, д. 180, л. 7, 40, 55, 92–93 об., 95]. В начале 1917 г., так и не реализовав свои главные проекты по изданию общесибирской газеты и учреждению товарищества «Дом сибиряка», собрание де-факто прекратило свою работу [7, ф. 367, оп. 1, д. 3, л. 21, 27–27 об.].

Петербургское Сибирское собрание возникло на волне самоорганизации русского общества, вызванной реализацией Манифеста 17 октября 1905 г. и повесткой столыпинских реформ. Ведущую роль в его учреждении сыграли депутаты Сибирской парламентской группы и представители торгово-промышленного мира Сибири. Клуб использовался ими как внедумская трибуна сибирских парламентариев и лоббистская структура – посредник-конкурент для Совета по делам местного хозяйства. В системе организаций, объединявших сибиряков Петербурга, собрание отличали самая широкая программа и состав участников. Тем не менее ему не удалось возглавить сибирскую колонию столицы. Среди причин: досуговый формат общества, недостаток финансов, надзор полиции, разочарование в плодах парламентской борьбы по сибирской тематике, преобладание в правительственных сферах европейских интересов над азиатскими. В итоге при внешней верности идеологии областничества, в Собрании нарастал раскол между умеренным кадетским советом старшин и рядовыми членами клуба, следовавшими радикальной программе эсеров.

Список литературы

1. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / под ред. А.С. Тумановой. М., 2011. 887 с.
2. Медушевский А.Н. Самоорганизация российской общественности // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 164–169.
3. Потанин Г.Н. Признания сибирского патриота // Сибирская жизнь. 1912. № 6. 8 января.
4. Устав Санкт-Петербургского сибирского собрания. СПб., 1910.
5. Гребенщиков Г.Д. Письма к друзьям // Барнаул. 1995. № 4. С. 151–175.
6. Отчет о деятельности Санкт-Петербургского сибирского собрания за 1910, 1911 и 1912 гг. СПб., 1913
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
8. Хохряков А. Prodomosua («Сибирский клуб» и «Справочное бюро» при нем) // Сибирские вопросы. 1911. № 40–41. С. 83–91.

Э.Р. Кадиков

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В СИБИРИ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Конец XIX – начало XX в. в отечественной истории – период острого противостояния общества и государства. Олицетворением серьезного и трудноразрешимого конфликта, имевшего довольно глубокие корни и проявлявшегося в социальной, политической и ментальной сферах, являлись профессиональные революционеры, которым сочувствовали и симпатизировали тогда многие слои русского общества. Однако взаимоотношения революционеров и власти отнюдь не сводились к борьбе и «войне на уничтожение». Кроме конфликта имело место прямое или косвенное сотрудничество с государством, являвшегося воплощением не только самодержавной системы, но и империи. Данное обстоятельство весьма характерно было для Сибири. Именно здесь российские революционеры нередко представляли в новом и на первый взгляд удивительном качестве – служителей империи, неизменно трудившихся на ее благо, являя собой один из многочисленных примеров сотрудничества общества и власти того времени. Очень многие участники Освободительного движения, начиная еще с декабристов, вынужденно оказавшись в далеком от центра регионе, вольно или невольно исполняли важнейшие функции империи, внося свою лепту в культурное, научное, общественное, экономическое

развитие ее восточной окраины. В силу своей компетенции они принимали участие в исследовании обширных территорий и изучении местного населения, работали в поземельно-устроительных партиях, трудились в управлениях по постройке и эксплуатации железных дорог, развивали речной транспорт, возглавляли торговые предприятия, управляли редакциями газет и журналов, занимались просвещением местного населения. Деятельность их, без сомнения, оказывала благотворное влияние на край, способствовала его стремительному развитию в рассматриваемый период, расширяла ареал русской культуры, упрочивала связи окраины с имперским центром и тем самым укрепляла империю.

Одним из ярких примеров в данном отношении является деятельность известного на рубеже XIX–XX вв. в революционных кругах народника, а впоследствии и социалиста-революционера Л.К. Чермака. Будучи видным экономистом и земским статистиком, он, оказавшись в политической ссылке, с разрешения степного генерал-губернатора М.А. Таубе принял активное участие в работе Экспедиции по исследованию Степных областей, функционировавшей под руководством департамента государственных земельных имуществ Министерства земледелия. Перед участниками экспедиции была поставлена

конкретная практическая задача – выявить излишки земли у казахов для водворения на них переселенцев, для решения которой статистикам необходимо было тщательно разобраться в вопросах киргизского землепользования, в обычно-правовых порядках, установленных киргизами. Организовать и выполнить эту большую и сложную работу поручили известному земскому статистику Ф.А. Щербине, возглавлявшему статистическое бюро Воронежского земства. Узнав о пребывании в крае Л.К. Чермака, он решил привлечь его к работе в экспедиции, деятельность которой началась в 1896 г. с изучения казахского и переселенческого хозяйства в Кокчетавском уезде Акмолинской области. Разъезды по необъятным пространствам Степного края, имеющие целью сбор материала, занимали, по воспоминаниям Л.К. Чермака, не менее 4-х месяцев в году. Как правило, поздней осенью или в начале зимы участники экспедиции возвращались в Омск «с грудой описательного материала, в виде подворных карточек, аульных, волостных и иных описаний» [1, л. 98]. По мере того как исследователи съезжались, разворачивался процесс обработки привезенного ими обширного материала. После окончания первого полевого сезона на Л.К. Чермака как на агронома по образованию и статистика по профессии было возложено разделение обследованного Кокчетавского уезда на районы, преимущественно по естественно-историческим признакам. Работы, вспоминал ссыльный народник, было много, и обычно вечера также проходили за разборкой собранных материалов, за ознакомлением с литературой: «Днем работали в нашем Бюро, вечером у себя, и когда мы сходились у кого-нибудь, что бывало нередко, то разговор почти неизбежно сводился к нашей работе» [1, л. 58].

Лишь постепенно, в ходе разработки материалов, собранных в различных районах, отличающихся и по природным условиям, и в экономическом отношении, исследователям удалось подойти к более или менее полному и точному определению вопроса, что же такое киргизское хозяйство. Л.К. Чермак подчеркивал, что законченное

представление о нем сложилось у статистиков только после того, как ими были обследованы крайние восточные уезды Степного края, Зайсанский и Усть-Каменогорский, Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области, граничившие с краем на западе, с густым населением, с большим числом переселенческих поселков, с более благоприятными для оседлой жизни природными условиями [1, л. 58]. Сопоставление форм хозяйства и быта киргизов на обширной территории Степного генерал-губернаторства позволило, по заверениям Л.К. Чермака, проследить и понять их эволюцию во времени. Говоря о научном и практическом значении названной проблемы, ссыльный революционер констатировал, что, хотя земельной собственности в Степном крае не имелось (по «Степному положению», на основании которого шло управление местным киргизским населением, земли, занятые киргизами, предоставлялись им в бессрочное пользование на основании обычаев), земельных споров было много и по всей территории края вопрос землепользования стоял весьма остро. В отношении изучения вопроса о формах землепользования чрезвычайно интересным представлялся Л.К. Чермаку Атбасарский уезд, разнообразие естественно-исторических условий которого предопределило разнообразие форм поземельных отношений [1, л. 118–120].

Исследовательской работой на Крайнем Севере Восточной Сибири занимался известный социалист-революционер В.М. Зензинов. В мае 1910 г. он был арестован в Петербурге и, проведя в Петропавловской крепости шесть месяцев, в очередной раз на 5 лет выслан в Якутскую область. Однако вследствие дерзкого побега его оттуда летом 1907 г. (сразу по прибытии в Якутск В.М. Зензинов бежал в Охотск, преодолев со своим товарищем под видом золотопромышленника около 1500 верст через тайгу и болота, оттуда на японской рыбацкой шхуне перебрался в Японию, а затем через Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал вернулся в Европу) теперь строптивного эсера под

«особым вниманием» отправили в Русское Устье, в низовья реки Индигирки у побережья Северного Ледовитого океана, откуда никакой побег был невозможен и куда до этого никого еще не ссылали. Казалось бы, в таких условиях В.М. Зензинов должен был сломаться и «умереть со скуки». Тем не менее этого не произошло – на Крайнем Севере он был чрезвычайно занят. Уже в первый день пребывания в месте водворения (21 января 1912 г.) социалист-революционер с интересом записывает в своем дневнике: «Не знаю и не понимаю, куда я попал. После полуторамесячного странствия по якутам с их непонятной речью и чуждой жизнью, я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные столы – и чистая русская речь. Лица открытые, простые, великорусские черты – нет и намека на Азию. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII-го, быть может даже XVII-го века. Странные, древние обороты речи и слова, совершенно патриархальные, почти идиллические отношения» [2, с. 68]. «Сказать ли правду? – признавался далее В.М. Зензинов. – Когда я доехал до этих мест и начал слушать рассказы о здешней жизни от местных людей, меня охватила смертная тоска и на душу навалилась тяжесть. Отсутствие почты, морозы, ветра и вьюги, которые заносят улицы и дома, беспощадное, суровое одиночество, отсутствие другой еды кроме рыбы, мысли о невозможности выбраться отсюда – все это меня испугало. Но это была лишь минутная слабость. Я увидел, наконец, сам это Русское Устье, о котором думал вот уже семь месяцев, осмотрелся в нем и вижу, что страхи эти не так страшны. Моя жизнь здесь – и внешняя и внутренняя – надеюсь, будет интересна, мне удастся, быть может, осуществить свои надежды, а может быть кое-что и сверх этого. И в этом далеком, далеком уголке я проживу; так, как хотел» [2, с. 68–69]. Помимо ведения хозяйства ссыльный эсер занимался фотографией, метеорологией, орнитологией, медициной. Довольно часто путешествовал – на оленях и собаках в разных направлениях проделал в

общей сложности около 10 тысяч верст. Ему удалось собрать много этнографических и естественно-исторических наблюдений. За время пребывания в низовьях Индигирки В.М. Зензинов обстоятельно изучил географические условия, историю Русского Устья, хозяйство и промыслы местных жителей, их культуру питания, общественную жизнь, нравы, обычаи, верования. Огромное внимание уделил характеристике особенностей языка, рассмотрению песен и обрядов. В результате по приезду в Россию он издал две книги («Старинные люди у холодного океана» и «Очерки торговли на севере Якутской области») [3; 4], получившие высокую оценку специалистов. При этом если Л.К. Чермак был на официальной службе и получал за свою работу жалованье, В.М. Зензинов занимался изысканиями по собственной инициативе, имея для этого возможности и, конечно, самое главное – интерес. Его деятельность на севере Якутской области, без сомнения, являлась работой на благо империи.

Рассматриваемый период – время строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В этом важном с точки зрения развития региона и укрепления позиций империи деле самое энергичное участие принимали и представители революционных партий. Некоторые из них трудились в железнодорожных управлениях уже построенных и эксплуатируемых дорог. Так, начальник коммерческого отдела Забайкальской железной дороги А.А. Криль, служащий Управления по постройке Кругобайкальской железной дороги Н.В. Левченко, старший инженер горной партии по обследованию района постройки Кругобайкальской железной дороги В.А. Вознесенский, служащий Управления Забайкальской железной дороги К.Ф. Лыткин в 1905 г. входили в число виднейших руководителей Иркутской организации Партии социалистов-революционеров. Дворянин А.А. Криль по наружности своей, как отмечали агенты полиции, «напоминающий Карла Маркса» [5, д. 1800, ч. 51, л. 3], вместе со своим

другом и соратником, агентом компании «Надежда» Г.М. Фриденсоном, а также горным инженером В.А. Вознесенским стояли у истоков местной эсеровской организации. К тому времени А.А. Криль имел многолетний опыт работы в сфере путей сообщения: с 1875 г. до начала 1890-х гг. служил в Екатеринбурге и Перми в управлении Уральской железной дороги. В качестве участника Красного креста Народной воли оказывал помощь революционным деятелям, за что был привлечен к дознанию и приговорен к ссылке в Западную Сибирь под надзор на пять лет, замененной, однако, пребыванием в Перми под гласным надзором полиции. С 1892 г. служил в Москве, затем в Иркутске в управлении железных дорог, являясь одновременно сотрудником различных журналов и работая переводчиком [5, д. 80, л. 34.]. В.А. Вознесенский в 1886 г. окончил Петербургский горный институт, в 1897 г. по делу народолюбцев был заключен в крепость, а затем сослан в Восточную Сибирь. Оказавшись в Иркутске, он сразу подал ходатайство о разрешении работать ему по специальности – старшим инженером горной партии под руководством Шумилина по обследованию района постройки Кругобайкальской железной дороги. 25 августа 1899 г. иркутский генерал-губернатор такое разрешение дал [6].

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют увидеть парадоксальную на первый взгляд картину: вступившие в борьбу с государством революционеры в то же время могли быть в прямом (Л.К. Чермак, А.А. Криль, В.А. Вознесенский и др.) или переносном (В.М. Зензинов) смысле «слугами государевыми»,

выполняя важную функцию по развитию, расширению, укреплению империи на необъятных пространствах Сибири и Средней Азии. Однако противоречие в данном случае имеет место быть только на первый взгляд. Во-первых, российские революционеры вели борьбу не с империей, а с российским самодержавием, препятствовавшим формированию гражданского общества и становлению демократического государства. Не с империей, а с самодержавной политической системой боролись, зачастую жертвуя жизнями, своими и чужими, члены революционных организаций и партий. При этом многие из них по своим взглядам были искренними империалистами, что вполне отчетливо продемонстрировала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Во-вторых, даже если находившийся на службе империи революционер не являлся по взглядам империалистом, особых противоречий в собственной деятельности он не видел, так как трудился прежде всего не столько на империю, сколько на благо страны и ее народа, энергично участвуя в деле, в котором интересы народа, страны, государства и империи совпадали. Несмотря на всю заинтересованность империи в таких людях, как Л.К. Чермак, В.А. Вознесенский, В.М. Зензинов, и в позитивных результатах их деятельности, российское государство не забывало об их революционном прошлом и с большим подозрением, зачастую необоснованным, относилось к ним, в конечном итоге так и не позволив, в частности, Л.К. Чермаку завершить исследовательскую работу в экспедиции. Для власти наши герои являлись прежде всего революционерами.

Список литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 67.
2. Зензинов В. Русское Устье (из дневника ссыльного) // Современные записки. 1920. Кн. I.
3. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914. 133 с.
4. Зензинов В.М. Очерки торговли на Севере Якутской области. М., 1916. 97 с.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. ДП ОО. Оп. 1905.
6. Вознесенский Владимир Александрович [Электронный ресурс] // Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала. URL: http://irkipedia.ru/content/voznenskiy_vladimir_aleksandrovich (дата обращения 14.09.2015).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКИ С КОНЦА XIX ВЕКА ПО 1914 ГОД

К началу XX в. общероссийское цензурное законодательство было кодифицировано в Уставе о цензуре и печати, который содержался в XIV томе Свода законов Российской империи [1, кн. 5, т. XIV, отд. II.]. Устав о цензуре и печати состоял из 302 статей. Он включал нормы Устава 1826 г. (относившиеся к духовной цензуре) Устава 1828 г., Временных правил 1865 г. и ряда отдельных указов (1863, 1867, 1870, 1872, 1873, 1879, 1881, 1882, 1897 гг.). Нарушениям постановлений о печати были посвящены целая глава Уложения о наказаниях и ряд статей Уголовного уложения 1903 г.

Устав о цензуре и печати мало соответствовал реалиям начала 1900-х гг., так как в нем можно было встретить и ряд постановлений, дошедших еще от николаевской эпохи, когда цензура, по выражению министра народного просвещения Головнина, казалась «таким же необходимым и незаменимым устоем благополучия России, как крепостное право» [Цит. по: 2, с. 62].

Уставом предусматривалась предварительная цензура всех периодических изданий, за исключением немногих, изъятых от предварительной цензуры произведений печати. На территории империи предварительной цензуре не подвергались повременные издания, получившие от министра внутренних дел разрешение на выход без предварительной цензуры; все издания правительственные; все издания академий, университетов и «ученых обществ и установлений»; все издания на древних классических языках и переводы с этих языков; чертежи, планы и карты. Кроме того, согласно статье 6 в Москве и Петербурге предварительной цензуре не подвергались все оригинальные сочинения объемом не менее десяти печатных листов и все переводы объемом не менее двадцати печатных листов. При этом отметим, что

освобождение повременных изданий от предварительной цензуры по разрешению министра внутренних дел было скорее исключением, чем правилом. Но и это не означало, что правительственные чиновники не вмешивались в их деятельность. Подавляющее большинство остальных повременных изданий, не подпадавших под указанные пункты устава, подлежали предварительной цензуре.

Произведения, изъятые от предварительной цензуры, регулировались статьями 143, 144, 147, 149 и 151 Устава о цензуре и печати. Этими статьями предусматривалось право министра внутренних дел делать повременным изданиям, изъятым от предварительной цензуры, предостережения с указанием на статьи, подавшие к этому повод. При этом третье предостережение, согласно статье 144 приостанавливало продолжение издания на срок, который будет назначен министром внутренних дел, но не свыше 6 месяцев. Статьей 147 был предусмотрен тот случай, когда по значительности «вреда», предусматриваемого от распространения «противозаконного» сочинения или повременного издания, наложение ареста не могло быть отложено до судебного приговора. В таких случаях Совету Главного управления по делам печати и Цензурному комитету предоставлялось право немедленно останавливать выпуск в свет данного сочинения, при этом начав в то же самое время судебное преследование против виновного. Статьями 149 и 151 этот порядок ареста периодических изданий и привлечения виновных к судебной ответственности рассматривался в применении к частным случаям. Так, например, если в задержанном сочинении или номере, кроме «вредного» влияния, усматривалось и преступление, то независимо от задержания экземпляров подобных изданий, против виновного могло

быть возбуждено судебное преследование согласно установленным законом порядком.

Кроме того, запрещению на основании статьи 4 Устава о цензуре и печати подвергались «произведения словесности, наук и искусств», во-первых, когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры; 2) когда в оных содержится что-либо, нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уважение к Императорскому Дому, и что-либо противное коренным государственным постановлениям; 3) когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветой» [1, т. XIV, с. 68.]. Эти пункты статьи 4 можно было трактовать настолько широко, насколько простиралось весьма богатое воображение ответственного за цензуру чиновника. Однако именно эти правила и составляли структурную основу устава и определяли его содержание. Так, пункт 1 статьи 4 фактически повторялся в уставе утверждением и закреплением духовной цензуры, например, в статье 31, пункт 2 статьи 4 находил свое продолжение в статье 73 и т.д. Наконец, в статье 93 отделения VIII «Правил в руководство цензуре» практически вновь повторялись все пункты статьи 4, согласно которым цензорам предписывалось «во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения» к государю, государству и церкви, соблюдать «непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого» [1, т. XIV, с. 68, 72].

Самым же тяжелым в Уставе о цензуре и печати для периодических изданий было наличие предварительной цензуры. Кроме того, очень широкие права получал министр внутренних дел. Он мог приостанавливать любое периодическое издание на срок от трех до восьми месяцев, запрещать

обсуждение вопросов «государственной важности» и т.д.

Известные трудности создавались уставом непосредственно и для возникновения самих печатных изданий. Согласно статьям 117, 118, 119, 126, 127 и 130 для этого требовалось получить разрешение министра внутренних дел, предоставив необходимые документы и приступить к изданию в течение годичного срока с момента выдачи разрешения. Наконец, вносился залог в сумме от 2,5 до 5 тысяч рублей, из которого и выплачивались штрафы в случае наложения их на периодическое издание. Другими словами, для организации нового повременного издания создавались довольно серьезные затруднения и финансового характера. Таким образом, Устав о цензуре и печати создавал широкие возможности для произвола чиновников, наблюдающих за периодическими изданиями, а следовательно, и для административного и иного вмешательства, ущемляя тем самым одну из важнейших либеральных свобод – свободу слова.

Этим законом положение периодической печати регулировалось до издания «Именного Высочайшего указа правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. Временные правила, ликвидировавшие наиболее одиозные статьи Устава о цензуре и печати, и прежде всего – предварительную цензуру, явились крупным переломным моментом в российском законодательстве в отношении печати.

Основными статьями временных правил являлись I, II, III и IV, которыми отменялась «предварительная, как общая, так и духовная, цензура выходящих в городах империи повременных изданий, а равно эстампов, рисунков и других изображений, помещаемых в сих изданиях или выпускаемых ими отдельными листами», но сохранялись «действующие о повременных изданиях постановления в отношении изданий, выходящих вне городов» [3, с. 195].

Временными правилами о повременных изданиях уголовное

преследование предусматривалось также и за распространение посредством периодического издания «заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» и, наконец, за опубликование в повременном издании сведений о передвижении войск или морских сил или о средствах обороны. Толковать же такие статьи можно было самым разнообразным способом, а это в свою очередь порождало новые злоупотребления со стороны ответственных за цензуру лиц.

Временными правилами для повременных изданий предварительная цензура так же, как и административные кары, были отменены. Концессионный порядок выхода изданий, при котором требовалось не только получение разрешения министра внутренних дел, но и внесение крупного денежного залога, был заменен явочным. Однако временные правила 24 ноября 1905 г. были составлены таким образом, что основанная явочным порядком газета, не подвергаясь никакой цензуре, если того желала местная администрация, могла никогда не выйти в свет. Для этого было вполне достаточно некоторой «распорядительности» со стороны того самого должностного лица, которое было обязано в двухнедельный срок выдать свидетельство каждому желающему издавать газету или журнал. Этот же администратор мог отправить «должностное лицо по делам печати» в типографию, где он по закону 24 ноября имел право «наложить арест» на первый же номер газеты, т.е. отобрать все предназначенные к распространению экземпляры издания. Сделав это с первым номером, должностное лицо могло безнаказанно производить ту же самую операцию и над всеми последующими выпусками. Для этого ему вполне было достаточно объявить, и такие случаи не были единичными, что в «содержании таковых номеров заключаются признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного» [4, с. 6]. Таким образом, к услугам должностного лица по делам печати, тем более, что за неправильный

арест газетного номера оно взысканию не подлежало, предполагались широкие возможности для ареста газетного или журнального номера.

Однако уже в дополнении временных правил от 18 марта 1906 г. и во временных правилах о непериодической печати от 26 апреля 1906 г. достаточно явно отразилось возвращение законодательства о печати к старым полицейским традициям.

В 1906 г. и в последующие годы определенные изменения претерпело и Уложение о наказаниях, отдельные статьи которого относились к законодательству о печати. Состав преступлений, за которые несло ответственность повременное издание в лице своего ответственного редактора, был предусмотрен статьями 1012(2), 1012(3), 1013, 1014, 1024 и 1029–1047(1). Они и составляли большую часть главы V, отделения II «О нарушениях постановлений о книгопечатании и торговле книгами и т.п., а равно о театральных представлениях» Уложения о наказаниях [1, т. XV, с. 104–109]. Эти статьи в своем подавляющем большинстве на протяжении 1907–1914 гг. развивали те положения, которые были зафиксированы в Уставе о цензуре и печати и во Временных правилах о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.

Российское законодательство посредством Уложения о наказаниях, строго следило и за сохранением «доброго имени» не только должностных лиц или общества, но и любого частного лица. Если в газете или журнале появлялись сообщения, которые могли повредить «их чести, достоинству или доброму имени», то редактор наказывался денежным штрафом до пятисот рублей и заключению в тюрьме на срок от двух месяцев до одного года и четырех месяцев, или по усмотрению суда одному из этих видов наказаний – статья (1039). Однако если подсудимый предоставлял суду неопровержимые доказательства справедливости опубликованных статей, то он освобождался от ответственности по указанной статье. Тем не менее он мог быть подвергнут взысканию по следующей, 1040 статье, в случае, если суд в форме преследуемого сочинения или в способе его

распространения и других обстоятельствах усматривал «явный умысел нанести должностному лицу или установлению оскорбление». В этом случае оскорбительный отзыв в печати о частном или должностном лице, обществе или учреждении, выражавший или заключающий в себе «злословие или брань» наказывался более «мягко»: денежному взысканию не более трехсот рублей и аресту от семи дней до трех месяцев, или заключению в тюрьме от двух до восьми месяцев [1, т. XV, с. 108].

Статьи 1041–1047 Уложения о наказаниях подробно указывали на степень ответственности автора, издателя, владельца типографии и редактора повременного издания, который считался «во всяком случае главным виновником». Суд имел право запрещать выход периодического издания на определенный срок или «совершенное его прекращение». Наконец, эти статьи регламентировали право суда запрещать оказавшимся виновными издателю и редактору принимать на себя в течение определенного срока, но не более пяти лет, обязанности редактора или издателя какого-либо повременного издания. Статьи 1046 и 1047, касавшиеся запрещения виновным редакторам и издателям исполнять эти обязанности в течение определенного срока были отменены Временными правилами 24 ноября 1905 г. Однако так же, как и статьи 1035–1038, например, чиновниками канцелярии иркутского генерал-губернатора, спустя больше года после их отмены, все еще включались в число действующих статей в российском законодательстве [5, ф. 25, оп. 6, д. 3340, л. 5].

Наконец, продолжали сохранять свое значение ряд постановлений уголовного уложения 1903 г. Из них прежде всего следует отметить статью 128, каравшую «порицание установленных законами основными образа правления» ссылкой на поселение; статью 132 и особенно знаменитую статью 129, в которой был сосредоточен «центр тяжести уголовных репрессий».

Устанавливая такие суровые кары, эти статьи были так отредактированы, что под

них можно было подвести «деяния», по существу ничего преступного и революционного в себе не заключавших.

После роспуска 3 июня 1907 г. II Государственной думы в императорском манифесте четко указывалось, что меняется только избирательный закон, в то время как все другие права, дарованные подданным Манифестом 17 Октября 1905 г. и Основными законами, оставались «незыблемыми и неизменными». Тем не менее в тот же день, 3 июня, на территории Сибири так же, как и во всей империи, были изданы в порядке чрезвычайной и усиленной охраны тождественные по существу, если не всегда по форме, обязательные постановления о печати. Этими постановлениями периодическая печать фактически была переведена «на штрафное положение» [4, с. 38]. На основании 1, 2 и 3 пунктов 19 статьи Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, генерал-губернаторы или «облеченные их властью лица» имели очень широкие полномочия. Прежде всего издавать обязательные постановления по предметам, «относившимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности». Первый пункт всех постановлений о печати гласил: «...воспрещается оглашение или публичное восхваление каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству». Запрещалось распространять произведения печати, подвергнутые аресту установленным в законе порядком. Далее следовал ряд более специальных запретов. Так, например, запрещалось «восхваление преступлений», распространение «ложных, возбуждающих тревогу слухов» о чем бы то ни было. Виновные в нарушении того или иного «воспрещения», другими словами, ответственные редакторы повременных изданий, подвергались в административном порядке штрафу до 3 000 рублей. В местностях, объявленных на положении усиленной охраны – штрафу до 500 рублей, или заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев, или аресту на тот же срок. Наконец, согласно пункту 14 статьи 19

правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, начальнику губернии предоставлялось право приостанавливать, т.е. фактически закрывать, периодические издания на все время объявленного военного положения [1, т. II, с. 173].

Таким образом, российское законодательство, регламентируя правовое положение периодических изданий, очень наглядно демонстрировало, насколько серьезно государство относилось к их роли и

влиянию в общественно-политической жизни и старалось жестко контролировать любые явления, встречавшиеся в их практической деятельности. Это хорошо понимали и чиновники, имевшие отношение к условиям выхода и функционирования повременных изданий. Отсюда во многом и их поступки, в которых явно усматривалось стремление действовать по принципу: лучше осудить невинного, чем оставить нарушение закона безнаказанным».

Список литературы

1. Свод законов Российской империи. СПб.
2. Горбунов А. Действующее законодательство о печати // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 62–85.
3. Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9. 352 с.
4. Розенберг В. Летопись русской печати. 1907–1914 гг. М., 1914. 102 с.
5. ГАИО (Государственный архив Иркутской области).

В.В. Ведерников

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Проблема, которой будет посвящена статья, разумеется, требует серьезного монографического исследования. В той или иной мере она была затронута в ряде работ и имеет обширную историографию. К сожалению, в советское время решение серьезной исследовательской задачи было осложнено идеологизированным подходом к проблеме. Исследователю необходимо было показать «реакционную» и «контрреволюционную» роль духовенства, сотрудничество Церкви и власти в борьбе с революционным движением. Разумеется, картина получалась неполной, однобокой, черно-белой [1–3]. Между тем современник событий, обозреватель журнала «Русское богатство» А. Петрищев, подводя итоги революции, отмечал: «Что бы там ни говорили о русском духовенстве, но оно внесло свою лепту в освободительное движение. И, если хотите, лепту не малую» [4, с. 82–83]. Лишь в последнее время историографическая ситуация начала меняться [5, с. 29–43; 6, с. 30–38; 7–9]. Появились работы историков Церкви, в

которых, главным образом, детально анализируются проекты внутрицерковных реформ, подготовка церковного Собора. При этом, однако, отношение Церкви к политическим реформам оказывается вне рамок исследования [10–13]. Понимая обширность и сложность темы, я попытаюсь на ограниченном круге прежде всего публицистических источников рассмотреть реакцию церковных кругов на реформу государственного строя и отношение к политической роли Церкви российской общественности.

К началу XX в. Русская православная церковь была крупнейшей конфессией на территории Российской империи. Численность священно- и церковнослужителей составляла свыше 103 тыс. человек. Число храмов достигло 48 тыс., а к православному вероисповеданию принадлежало свыше 87 млн. человек [14, с. 28, 32 (II паг.)]. Но оказавшись в Синодальный период в состоянии духовной несвободы, Церковь не могла выступить в качестве авторитетной и независимой

общественной силы, поскольку она рассматривалась властью прежде всего как проводник государственного влияния.

Вопрос об общественной роли Церкви закономерно возникал в период резких и решительных перемен. Так, в канун Великих реформ полемику в обществе вызвала книга тверского священника И.С. Беллюстина, описывавшая тяжелое и безрадостное положение сельского духовенства. Проблема вновь обостряется в годы кризиса власти на рубеже 1870–1880-х гг. Подчиненное положение Церкви, тяжелое материальное положение белого духовенства, мелочная регламентация, когда проповедь должна была соответствовать утвержденным образцам – все это не позволяло священнику завоевать авторитет в крестьянской среде, выступить в качестве силы, препятствующей революционной пропаганде. Резко критикуя подчиненную роль Церкви, ее служение государству публицист Р.А. Фадеев указывал, что подчиненная мелочному бюрократическому контролю Церковь не способна оказывать нравственного влияния на народ. Более того, само духовенство «прониклось глухим недовольством», а через несколько лет «противники государства найдут, может быть, союзников у самого алтаря», – прозорливо предсказал публицист [15, с. 46]. На необходимость поднять нравственный уровень духовенства как на первоочередную задачу преобразований указывал и М.Т. Лорис-Меликов [16, с. 100]. К сожалению, назревшие церковные реформы осуществлены не были. За одним исключением. В период пребывания на посту обер-прокурора К.П. Победоносцева священники переводятся на жалование, размер которого, впрочем, был крайне невысоким.

Серьезные общественные потрясения периода Первой русской революции не обошли стороной и Православную церковь.

Реформы государственного строя в ходе 1905 г. изменяли традиционную симфонию власти и православия. Указ Сенату от 17 апреля 1905 г., провозглашавший начала веротерпимости, был шагом на пути отделения Церкви от государства, созыв законодательной

Государственной думы, узаконенный манифестом 17 октября, ставил под сомнение принцип самодержавия, тесно связанного с православием. Призванная законодательствовать, многоконфессиональная дума, таким образом, могла рассматривать и вопросы, касавшиеся Православной церкви. Сам созыв Государственной думы выдвигал в качестве первоочередного вопрос о роли духовенства в избирательном процессе, о политических предпочтениях во время избирательной борьбы.

Духовенство становилось субъектом политического процесса. Поэтому соперничающие общественные силы попытались дать оценку политического потенциала Церкви. Одним из первых это сделал известный либеральный публицист и философ кн. Е.Н. Трубецкой. На страницах еженедельника «Право» он поставил вопрос об отношении духовенства к освободительному движению. Освобожденная от государственной опеки Церковь, стоя «над схваткой» и не участвуя непосредственно в политической борьбе, могла бы, по мнению публициста, превратиться в серьезную морально-нравственную силу, умеряющую страсти. В полемику с князем вступил представитель левого крыла освобожденцев П.Н. Милюков, смысл высказываний которого сводился к тому, что духовенство – крайне реакционная и инертная часть русского общества. «А что если они (священники – В.В.) <...> будут продолжать вести активную борьбу против “сеятелей” Некрасова и примутся “изгонять бесов” Достоевского?» – вопрошал оппонента Милюков, очевидно, все еще считавший «духов русской революции» естественными союзниками либерального движения [17, с. 27]. Более взвешенную позицию заняла газета «Русские ведомости». Орган либеральной московской профессуры, до недавнего времени проявлявший полное равнодушие к жизни Церкви, в дни Октябрьской политической забастовки опубликовал обширную статью, посвященную общественной роли духовенства. Газету волновал не столько вопрос о политических позициях церковных

иерархов, сколько рядовых сельских батюшек. Такая постановка проблемы понятна. С опубликованием Положения о выборах в булыгинскую думу стало ясно, что делая крестьянство самой многочисленной курией избирателей, государство рассчитывает растворить оппозиционно настроенную интеллигенцию в серой народной массе. А ведь ближе всего к народу стоял школьный учитель и сельский священник. Анализируя проявления общественной активности духовенства, автор приходил к выводу, что оно неоднородно. В его рядах есть как сторонники обновления (к их числу газета относил епископа Нарвского Антонина и викария нижегородской епархии Исидора), так и издатели «Троицких листков», которые выступали за сохранение самодержавия. Автор статьи склоняется к выводу, что «в настоящее время имеется действительно налицо много признаков того, что духовенство наше готовится выступить как новый фактор социального движения, освободившись от наложенного на него светскою властью и традицией уз и прещений» [18]. Примечательно, что другая московская либеральная газета «Русское слово», которая ориентировалась на массового читателя, оставаясь изданием либеральным, в то же самое время уделяла внимание проблемам веры и Церкви, чем значительно отличалась от «Русских ведомостей». Газета привлекала к постоянному сотрудничеству популярного проповедника о. Григория Петрова и публициста В.В. Розанова. Церковно-общественная тематика занимала большое место на страницах умеренно-либерального «Слова». В свою очередь, охранительные «Московские ведомости» привлекают к сотрудничеству защитников неограниченного самодержавия о. Иоанна Кронштадтского, протоиерея Иоанна Восторгова, серпуховского епископа Никона и других.

«Мир Божий». Трудно указать другое издание, название которого входило бы в такое кричащее противоречие с содержанием! Этот журнал отличала яркая оппозиционность, позитивизм и критическое отношение к религии. Но и этот орган, в

котором активно сотрудничали русские марксисты, в разгар революции уделил внимание положению духовенства. В сельских священниках обозреватель издания А.И. Богданович видел прежде всего представителей интеллигенции, которые смогут стать «пастырями добрыми» для измученной и забитой крестьянской массы. По словам публициста, «больше всех, быть может, выиграет при обновлении русского строя именно духовенство<...> В громадной части своей духовенство те же земледельцы. И вот когда оно внесет в деревню истинное знание, свободу и свет настоящего просвещения, евангельский дух любви, воодушевление и энергию истинной веры – кто может сделать больше, чем оно?» [19, с. 12 (II паг.) Подп. А.И.].

Церковно-общественные проблемы начинают активно обсуждаться и на страницах церковных периодических изданий. До начала XX в. духовенство не имело собственной газеты. Многочисленные периодические церковные издания имели официальный характер и предпочитали не касаться животрепещущих общественных вопросов (анализ церковной печати начала XX в. см.: [20; 21]). Живой голос рядовых служителей Церкви был почти не слышен. В.В. Розанов совершенно справедливо писал в начале 1906 г.: «Нужна газета или небольшой, напр., еженедельный журнал под руководством компетентного духовного лица или, еще лучше, под руководством компетентного или компетентных профессоров духовных академий, но поставленных независимо, свободно в отношении к своему ведомству и сословию, в отношении к богословской официальной литературе и своей духовной администрации. Пусть в этой газете или журнале батюшки говорят свои речи, а не подсказанные. Пусть они будут не телефоном, не проволокой металлической, по которой несутся чужие, приказанные или страхом внесенные речи» [22, с. 14].

В годы революции такие издания появляются. В Киеве в апреле 1906 г. очень недолго выходила газета «Народ», редактируемая С.Н. Булгаковым, в Харькове с февраля по июль 1906 г. издавалась

еженедельная «Церковная газета», называвшая себя органом «церковного обновления и культурно-прогрессивных стремлений», а в Вятке около двух лет выходил еженедельник «Епархиальные отголоски», позицию которого современный исследователь считает «прокадетской» [23, с. 247]. Злободневные политические вопросы нашли отражение и на страницах еженедельника «Церковный вестник», издававшегося при Санкт-Петербургской духовной академии, и ежемесячного журнала «Богословский вестник», издаваемого Московской духовной академией.

Одним из самых заметных печатных органов, представлявших интересы духовенства, стала газета «Колокол». Издателем и фактическим редактором ее был В.М. Скворцов, выполнявший обязанности чиновника особых поручений при К.П. Победоносцеве. По воспоминаниям самого Скворцова, в 1905 г. у него созрела мысль «об основании ежедневного церковно-политического органа». «Одинокое составлял я программу нового в русской журналистике органа», – продолжает Скворцов, который поставил себе задачей – проводить в среду духовенства, призывавшегося к участию в народно-представительных учреждениях, здравые государственно-политические понятия, а в среду светскую – истинные христианские начала жизни и мысли. Начинание нашло сочувствие у Победоносцева. Формально независимая газета была, по словам Скворцова, «полуофициозом» Синода [24].

Своей задачей газета ставила организацию диалога между Церковью и обществом, а также между различными христианскими конфессиями. «Имея в виду знакомить общество с религиозным миром, с бытовою и церковною жизнью старообрядчества и русского сектантства, с церковно-приходскою жизнью инославных церквей, редакция охотно откроет свои столбцы авторам и из этого лагеря для правдивого слова и справедливых заявлений о своих духовных нуждах и церковных делах», – писала газета [25].

Политические взгляды издателей новой газеты были сформулированы не слишком

определенно, но указание на «самобытные начала» русской истории и критика освободительного движения позволяли все же оценить новое издание как орган консервативный.

Оценка манифеста 17 октября расколола русское общество. Умеренные либералы считали, что царская власть ограничена, а провозглашенные права и свободы означают переход к правовому государству. Но революционеры и черносотенцы, расходясь почти по всем вопросам, были солидарны в одном: неограниченное самодержавие сохранилось и после 17 октября. Кадеты, как всегда, заняли колеблющуюся и неопределенную позицию.

В оценке значения манифеста не было единства и среди иерархов. Наиболее радикальную позицию занял епископ Нарвский Антонин. В статье, опубликованной в газете «Слово», епископ, базируясь на догматах троичности и искупления, пытался обосновать необходимость правового строя. Владыка писал: «В тот момент, когда Христос вознесен был на крест, пали нравственные основы самодержавия; на дощечке Голгофского креста, поверх трезычного титла вины Распятого, вечною правдою начертана нравственная основа освободительного принципа: перед законом все равны. Божественною кровью смыты земные привилегии, исключительности и отличия» [26]. Епископ доказывал, что «православие и самодержавие не только органически не связаны между собою, напротив, они взаимно отталкивают друг друга». Заповедь епископ считал аналогом конституции [26]. После 17 октября он выпустил из формы поминовения царя титул «самодержавнейший» [3, с. 104]. С другой стороны, о. Иоанн Восторгов высказался за неизбежность самодержавия. Основываясь на текстах Писания, батюшка призывал: «Сам Всевышний поставляет царей на престол (Дан. II, 21). Сам Господь в Ветхом Завете повелел помазать на царство Саула, Давида, Соломона и других царей и назвал их Своими избранниками и помазанниками» [27, с. 503]. Помазание на царство,

естественно, означало неограниченность самодержавия, хоть это и не было сказано прямо. Аргументы в защиту незыблемости самодержавия привел и епископ Серпуховской Никон. По его словам, «в установлении тех или других законов бытия, как в мире нравственном, так и физическом, Бог не ограничивает Себя волею сотворенных Им существ. Так же и Самодержец не должен быть ограничиваем волею своих подданных в законодательстве» [28]. Следует отметить, что такая праворадикальная позиция по отношению к преобразованию государственного строя вовсе не была общей для консервативного лагеря. Статья епископа вызвала отповедь со стороны кн. Мещерского, который увидел в этом вмешательство епископа в чисто политические дела и желание отождествить царское самодержавие со вседержительством Божиим. Позиция же синодального руководства по отношению к манифесту была высказана первоприсутствующим членом Св. Синода Петербургским митрополитом Антонием на приеме у Императора 4 ноября 1905 г. Владыка приветствовал реформу, которая призвала Россию «к обновлению жизни дарованными ей правами гражданского развития» и признал «великое историческое значение» манифеста 17 октября [14, с. 12–13].

Однозначно высказался «Богословский вестник»: «Правовой строй осуществлен во всех европейских государствах, а с 17 октября 1905 г. он введен в России» [29, с. 148]. «Церковный вестник», занимая менее радикальную позицию, считал, что «Церковь не связана с определенной формой правления: она так же хорошо уживается с самодержавием, как с конституцией и даже республикой» [30, с. 35].

Даже «Колокол» открыто не выступал в поддержку самодержавия. Газета высказалась «за выработку самобытных государственных форм и строя обновленной “единой нераздельной” России, в живом единении Царя с народом, в лице избранных представителей последнего и с самоуправляющеюся землею за право и правду, равные для всех» [25]. Вопрос о форме государственного устройства был в

газете предметом дискуссии. Л.А. Тихомиров выступил с традиционными для правых аргументами в защиту самодержавия, которое 17 октября сохранилось в неприкосновенности, лишь разорвав с традициями приказного строя [31]. Но в той же газете под рубрикой «Трибуна» (т.е. в порядке дискуссии) публикуется «письмо в редакцию» за подписью Ал. Ф-н, автор, которого считает, что самодержавие все же должно быть ограничено «Закономерность же “по произволению” государя (неизбежно в большинстве случаев его министров) уже является неприкрытым поползновением к деспотии, в сущности бюрократической», – утверждал автор письма [32]. Настороженно отнеслась газета и к толкованию текстов Писания для обоснования преимущества той или иной формы государственного правления. «Христианство затрагивает человеческую природу гораздо глубже и в тех ее основах, для которых внешний порядок имеет слишком второстепенное значение. Оно, как показал исторический опыт, может делать свое дело в самых разнообразных условиях жизни и для осуществления своих великих целей никогда не требовало того или иного внешнего строя», – резонно заметил один из авторов газеты [33].

Избирательная кампания в думу, которая началась в 1906 г., с одной стороны, привлекла внимание политических изданий к позиции духовенства, а с другой стороны, поставила вопрос перед самими духовными лицами о том, следует ли вообще участвовать в политической жизни. А если следует, то отдавать ли свои голоса какой-либо из существующих партий или же создать свою особую политическую организацию.

«Московские ведомости» считали, что духовенство сможет оказать воздействие на настроение прежде всего сельских избирателей. В воззвании Русской монархической партии избирателям рекомендуется не выбирать в думу того, «кто не исповедует христианской веры или не чтит Святой Церкви и ее уставов, кто отвергает храм Божий, кто идет против

царя» [34]. Священники же должны были не столько бороться за депутатские места, сколько «выразить и поддержать народные верования» которые, по мнению газеты, были тождественны взглядам крайне правых [35].

Накануне выборов газета «Речь» опубликовала записку Союза ревнителей церковного обновления, в которой священники-реформаторы признают наиболее совершенным тот же политический строй, который основан на твердых началах законности» [36] (об отношении кадетов к Союзу церковного обновления подробнее см.: [3, с. 152–153].

Острый интерес к участию в выборах духовенства проявила правительственная газета «Русское государство». Опасность для правительственных реформаторов составляли крайние левые, призывавшие к продолжению революции, кадеты, выступавшие с программой радикальных преобразований и критиковавшие правительство Витте-Дурново. Но опорой не могли быть и крайние правые, отвергавшие реформы вообще. Еще до начала выборной кампании газета выступила с проектом создания в думе проправительственной крестьянской фракции. «Девяносто, если не все сто процентов крестьян – безусловно, монархисты. Министерство же естественно явится в Государственной Думе выразителем воли и взглядов Монарха. Примкнув к вожакам министерской партии, крестьяне-депутаты получат надежных руководителей и останутся верны несомненным наказам “мира” и “громады”, которые их выберут и пошлют с заветом: идти к Батюшке-Царю и чтить его волю» [37; Подп. Н.С. П.]. Руководителем же «сереньких» крестьян должны выступить деревенские батюшки. «В лице деревенского священника Государственная Дума встретит горячего защитника крестьянских интересов, – защитника образованного, привыкшего говорить, а главное – защитника по сердцу, убежденного; его всегда поддержат и депутаты-крестьяне», – писал анонимный автор правительственного официоза [38; Подп. Вемъ]. Как видим, взгляды на роль сельского батюшки совпали у редактора

«Мира Божия» и «Русского государства». Но вот политическую позицию священников они оценивали по-разному. В первом случае священник – почти социалист, борец за народное дело. Во втором – стихийный консерватор, приверженец монархии, но противник «приказного» строя.

Выборы от городов не дали ни одного места представителю православного духовенства. Объяснялось это тем, что почти во всех городах (кроме Екатеринослава) побеждали кадетские выборщики. Заинтересованные в поддержке демократического избирателя, кадеты могли демонстративно включить в списки кандидатов в думу рабочего (как это произошло в Москве), но не священника. Косвенным образом это свидетельствует о снижении религиозности горожан. Все шесть депутатов-священников были выбраны губернскими избирательными собраниями. Три священника – Н. В. Огнев (Вятская губ.), К.И. Афанасьев (Область Войска Донского), А.В. Поярков (Воронежская губ.) – принадлежали к думской оппозиции. В.И. Гума (Бессарабская губерния), А.В. Концевич (Волынская губ.), П.Ф. Воздвиженский (Тамбовская губ.) заняли позицию правее кадетов. И хотя депутаты-священники распределились между «левым» и «правым» секторами равномерно, было бы неправильно утверждать, что такое распределение отражает политические симпатии духовенства или, точнее, сельских избирателей. Если Н.В. Огнев и К.И. Афанасьев были известны избирателям как яркие представители оппозиции, то В.И. Гума прошел как компромиссный кандидат от блока «прогрессистов» (избиратели правее кадетов) и «партии Центра» (избиратели правее октябристов). По словам кадетской газеты «Бессарабская жизнь», о. Гума «просто хороший батюшка, популярный среди крестьян» [39; Подп. Скальпель]. Выборы от Тамбовской губернии были проведены при сильном давлении на избирателей администрации, и дума их кассировала. В Волынской губернии, отличавшейся пестрым национальным составом, выборы проходили не по партийным, а по «национальным»

спискам. Польские и русские помещики заключили блок с крестьянами против представлявших городских избирателей евреев. По соглашению было решено провести в думу трех польских землевладельцев двух русских, одного православного священника и шестерых крестьян [40]. Судя по письмам, о. Концевич был ярким юдофобом, защитником неограниченной власти монарха [41, л. 32]. Таким образом, лишь в последнем случае можно говорить о том, что избиратели сознательно проголосовали за правого претендента.

Подводя итоги, можно сказать, что для церковной публицистики характерны положительные оценки преобразований, надежды на освобождение Церкви от давящего бюрократического гнета. «Черносотенство» занимало маргинальные позиции и находило критику даже на страницах консервативного «Колокола». Церковь была готова к обновлению. Об этом

свидетельствуют и итоги выборов в думу. Духовенство в подавляющем большинстве своем считало невозможным непосредственное участие в политической борьбе, отрицательно отнеслось к идее создания отдельной «клерикальной» политической партии. Именно такой позиции придерживается и современная православная церковь. В принятом Архиерейском соборе документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» провозглашается неучастие священнослужителей в деятельности политических организаций, политической агитации и т.д. [42]. К сожалению, поворот правительства к консервативному курсу, соблазн использовать влияние Церкви для решения политических вопросов искусственно замедлили процессы обновления и реформ. Поиски новых путей возобновились лишь с падением самодержавия в 1917 г.

Список литературы

1. *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. 98 с.
2. *Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924. 210 с.
3. *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. 226 с.
4. *Петрищев А.* Перед кризисом // Русское богатство. 1907. № 6. С. 78–106.
5. *Леонтьева Т.Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 29–43.
6. *Бабкин М.А.* События первой российской революции и Святейший Синод Русской православной церкви (1905–1906 гг.) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4(21). С. 30–38.
7. *Фирсов С.Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. 662 с.
8. *Леонов Д.Е.* Русская православная церковь в период революции 1905–1907 гг. (по материалам Верхнего Поволжья) : автореф. дис....канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 24 с.
9. *Бунин А.Ю.* Деятельность православного духовенства Курского края в 1905–1929 гг. : автореф. дис....канд. ист. наук. Курск, 2005. 25 с.
10. *Ореханов Г.* На пути к Собору: церковная реформа и Первая русская революция М., 2002. 221 с.
11. *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 532 с.
12. *Cunningham J.* The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906. N.Y., 1981. 106 p.
13. *Roslof E.* Renovationism, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946. Bloomington, 2002.
14. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. 268 с.
15. *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России // Собр. соч. СПб., 1890. Т. 3. Ч. 1–2.
16. *Лорис-Меликов М.Т.* Всеподданнейший доклад от 11 апреля 1880 г. // Былое. 1918. № 10/11.
17. *Милюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб, 1907.
18. Два течения в современном духовенстве // Русские ведомости. 1905. 10 окт. № 265.
19. *Богданович А.И.* Критические заметки // Мир Божий. 1905. № 7.
20. *Кашеваров А.Н.* Печать Русской православной церкви в XX в. СПб., 2004.

21. *Нетужилов К.Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX в. СПб., 2009.
22. *Розанов В.В.* Церковно-общественное движение // Розанов В.В. Около народной души. М., 2003.
23. *Пухов Д.Ю.* Демократическая пресса Урала в период революции 1905–1907 гг. // Документальный архивный источник. Екатеринбург, 2007. Вып. 7.
24. *Скворцов В.М.* Юбилейное послесловие // Колокол. 1915. 31 дек. № 2891.
25. Колокол. 1905. № 1.
26. Слово. 1905. 18 дек.
27. Восторгов Иоанн, протоиерей. Царя чтите // Полн. собр. соч. СПб., 1996. Т. 2.
28. Никон, епископ Серпуховской. Самодержавие по образу Божия вседержительства // Московские ведомости. 1906. 20, 21 янв. № 17, 18.
29. *Мышцын В.Н.* Политические партии и их идеалы // Богословский вестник. 1906. № 1.
30. *Кудрявцев В.* Церковь и политика // Церковный вестник. 1906. 12 янв. № 2.
31. *Тихомиров Л.* Народное представительство // Колокол. 1906. 18 янв. № 14.
32. Колокол. 1906. 5 февр. № 29.
33. *Кузнецов Н.* Конституция и самодержавие // Колокол. 1906. 28 янв. № 23.
34. Московские ведомости. 1906. 4 янв. № 4.
35. Священники-избиратели // Московские ведомости. 1906. 18 марта. № 73.
36. Речь. 1906. 11 марта.
37. Крестьянство и партии // Русское государство. 1906. 24 февр.
38. Деревенские батюшки // Русское государство. 1906. 15 марта. № 36.
39. Мир праху твоему // Бессарабская жизнь. 1906. 11 апр. № 86.
40. Волынь. 1906. 16 апр. № 81.
41. Концевич А.В. – Литвину И. 1906. 17 мая // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2, 1906. Д. 1981.
42. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения 30.08.2015).

Н.Г. Казыдуб, О.А. Милищенко

ИСТОРИЯ АГРОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ОМГАУ ОТ «НАСАЖДЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ХОЗЯЙСТВА» ДО СЕЛЕКЦИОННОЙ НАУКИ (1910–1930-е ГОДЫ)

История «коренного» факультета ОмСХИ-ОмГАУ – агрономического (сегодня – агротехнологический) – охватывает не только сам факультет, но и предшествующий период деятельности его инициаторов – сотрудников полеводческого отделения казенного Омского среднего сельскохозяйственного училища I разряда (ОССХУ; 1912–1919 гг.) и учебных курсов, проводимых с 1904 г. на базе казенной Омской низшей школы молочного хозяйства и скотоводства I разряда (1903–1918 гг.), Омского гражданского опытного поля (1898–1922 гг.) и Омской селекционной станции (Н.Л. Скалзубова – В.В. Таланова, 1914–1932 гг.). В этот период прослеживается путь от робкого «насаждения агрономической культуры» в Западной Сибири до начала селекционной работы по всем научным методам того времени. Источниками для

исследования послужили как опубликованные документы различных ведомств, курировавших селекционную работу (Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление землеустройства и земледелия, Ученого комитета переселенческого управления и др.), так и материалы Народного музея истории ОмГАУ, кафедральных архивов.

Авторы публицистических очерков по истории Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова (ОмСХИ, а также в других огласовках) по политическим причинам избегали прежде публикации материалов по предыстории (1898–1918 гг.) и отчасти ранней истории агрономического факультета Сибирского института сельского хозяйства (1918–1919 гг.) [1]. И этим поступком проигнорировали воспоминания

людей – свидетелей самого процесса организации факультета на рубеже эпох: время до Октябрьской революции, время гражданской войны и время НЭПа. Бурные события, пережитые страной за первые десять лет Советской власти, почти не сохранили архивных документов о первых днях факультета, да и вуза в целом (в сетку высших школ он был включен в апреле 1922 г., а в СССР о нем узнали только в 1923 г. от А.В. Луначарского и В.И. Ленина; других документов не сохранилось).

Базой для будущего агрономического факультета СИСХ, с одной стороны, послужил накопленный прежде научно-производственный потенциал Омского опытного поля (ведет свое начало с Омского казачьего опытного хутора, 1828–1849 гг.), просуществовавшего с 1860-х гг. по 1920-е гг., вплоть до организации СибНИИСХ; с другой стороны, потенциал Западно-Сибирской областной селекционной станции им. Н.Л. Скалозубова (открытой в 1914 г. под Ялуторовском Тобольским губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым и переведенной на Омское опытное поле в 1915 г. его другом, курганским купцом А.Д. Смолиным) [2;3, с. 60], работы которого продолжили его дочь – А.Н. Скалозубова и один из организаторов агрофакультета – профессор В.В. Таланов. И наконец, учебно-практический потенциал последовательно созданных: Омской казенной низшей школы лесного хозяйства, Омской казенной низшей школы молочного хозяйства и скотоводства, Сибирской машиноиспытательной станции (СибМИС, 1910 г.) и казенного Омского среднего сельскохозяйственного училища (ОССХУ, 1912 г.) [4]. Не малую роль сыграли и разночинные члены основанного в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, открытого на рубеже 1899–1900 гг. Омского отделения Московского Императорского общества сельского хозяйства, Акмолинской областной агрономической организации (1911 г.) и др.

Важно также отметить, что с 1902 г. администрацией Степного края и Акмолинской области велась активная переписка с Министерством земледелия и

государственных имуществ, Главным переселенческим управлением в С.-Петербурге по вопросам организации в Омске сельскохозяйственного института. Одновременно, в 1909–1915 гг., в нашем крае проходили почвенно-ботанические экспедиции, организованные Главным управлением землеустройства и земледелия, в которых среди прочих исследователей участвовали известные преподаватели и организаторы школ и кафедр агрофака профессор С.С. Неустроев и ассистент, прапорщик К.П. Горшенин. Последний в 1928 г. был назначен первым директором сибирского (омского) отделения Почвенного института им. В.В. Докучаева, на базе агрофакультета. Как тогда было принято говорить, ученые исполняли волю правительства «к насаждению культурных хозяйств в Сибири» [5; 6].

Решение же об открытии института (на базе ОССХУ) в составе единственного, агрономического, отделения было принято на Омском съезде сибирских деятелей сельского хозяйства и кооперации, проходившем в Коммерческом клубе 2–12 января 1916 г. Участники этого съезда – чиновники переселенческих отрядов, лесничие, купцы, маслоделы, скотоводы, служащие, преподаватели, ветеринары, агрономы, кредитные и кооперативные товарищества, и др. и особенно сибирское казачество, после проведения в Омске Первой Западно-Сибирской выставки сельского хозяйства, промышленности и лесоводства, первого съезда деятелей сельского хозяйства и стали инициаторами открытия вуза. Среди них можно указать Степного генерал-губернатора Е.О. Шмит, Акмолинского губернатора А.Н. Неверова, городского голову В.А. Морозова, банкира Н.Д. Буяновского, Акмолинского областного агронома, кандидата сельскохозяйственных наук Ф.Ф. Штумпфа, заводчика С.Х. Рандрупа и мн. др.

Следует отметить, что в связи с перспективой открытия в Омске сельскохозяйственного института, Акмолинский гражданский губернатор А.Н. Неверов поспособствовал открытию в Омске ОССХУ с двумя отделениями: культур-

техническим и полеводческим. Для полеводческого отделения из общего Омского гражданского опытного поля, в 1896–1904 гг. переведенного от соседства с железной дорогой на место нынешней усадьбы СибНИИСХ, было выделено Малое опытное поле.

Институт, к открытию которого стремился губернатор А.Н. Неверов (выпускник физмата Харьковского университета, где прослушал курс сельскохозяйственных наук), намечали открыть еще в 1914 г., но помешала Первая мировая война.

Инженер и агроном В.П. Балиев, по свидетельству первого ректора Сибирской сельскохозяйственной академии Н.Е. Ишмаева, весной 1917 г. даже пытался организовать научно-агрономические силы региона для создания местного подразделения Лиги аграрных реформ – мозгового центра при Министерстве земледелия во Временном правительстве. 16 сентября 1917 г. Организационное бюро Комиссии по открытию в Омске сельхозинститута телеграфировало в Петроград министру: «помещение приготовлено и приспособлено для занятий, физическая и химическая лаборатории подготовлены, учебные пособия закупаются, часть профессорского персонала имеется» [7]. И все же решению Съезда 1916 г., после которого летом 1917 г. и были созданы Организационное и Исполнительное бюро Комиссии по постройке института в Омске, помешала революция. СИСХ был открыт «на общественных началах» (иначе – как «частное учебное заведение»), хотя Министерство земледелия планировало открыть новый вуз 1 января 1918 г. Объявления об организации вуза были размещены в газетах «Заря» и «Омский телеграф», а первые заявления о приеме на учебу от абитуриентов стали поступать (в канцелярию ОССХУ) уже с конца ноября 1917 г.

Свой первый устав новый вуз получил только 25 июля 1919 г., после объединения с Омским политехническим институтом, от колчаковского правительства в лице министра земледелия Н.И. Петрова,

министра финансов И.А. Михайлова и товарища министра полиции, знаменитого экономиста Н.Я. Новомбергского [8] как Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП). В этом статусе он и оставался до апреля 1922 г., пока после присоединения к нему Омского землеустроительного института (сегодня – землеустроительный факультет), не стал называться Сибирской сельскохозяйственной академией (в просторечии – Сибакой).

Знаменательным было то, что с этого момента агрономическая наука в нашем крае укрепилась именно на кафедрах, и первые преподаватели факультета приступили к реализации программ развития земледелия в регионе на плановой основе.

Первыми организаторами учебного процесса и кафедр единственного тогда факультета были В.В. Таланов (селекция), С.С. Неуструев (ботаника и почвоведение), К.А. Умов (специалист по агрономии и земледелию), а также преподаватели ОССХУ – Н.Н. Болдырев (химик), П.И. Плодовский (ректор-организатор института, по свидетельству ученика ОССХУ В.В. Назаренко, зоолог), К.Н. Савон (химик, позже преподавал в СибАДИ), П.А. Нассонов (специалист по общему земледелию), П.П. Астреин (геодезист и лесовод), Н.А. Нейц (математик), В.П. Хоцевич (механик и машиновед), С.Д. Лавров (специалист в области энтомологии, ботаники и зоологии), Я.И. Шебалин (математик, регент хора, отец композитора В.Я. Шебалина), И.И. Осипов (из агрономической организации Сибирского казачьего войска, специалист по сельскохозяйственной экономике и «общественной агрономии») и др., позже перешедшие на работу в Сибирский зооветеринарный институт, Омский педагогический институт и СибАДИ. Для укрепления и организации научных кадров на факультет еще в январе-феврале 1918 г. были приглашены: первый официальный ректор института, физик, профессор В.С. Титов, ассистент, преподаватель физики, будущий знаменитый акустик, ученый с мировым именем, действительный член АН

СССР Г.С. Ландсберг, профессора Д.В. Алексеев (химия, первый декан агрофака в 1918–1920 гг.), Г.Г. Петров (ботаника, второй декан агрофака 1912–1923 гг.), В.Ч. Дорогостайский (анатомия животных), Б.А. Сварчевский (зоология, с 1 января 1918 г.; с 10 сентября – самый первый проректор в истории вуза), глава местного советского комиссариата земледелия агроном В.П. Балиев (с января 1918 г.; преподавал также механику и ботанику в ОССХУ в 1912–1919 гг.). Энциклопедист и поэт, преподаватель ряда предметов, основатель первого вузовского музея (охоты и леса) П.Л. Драверт в ноябре 1918 г. вывез из Семипалатинска на агрофакультет пять вагонов с оборудованием бывшей почвенно-ботанической лаборатории С.С. Неуструева и К.П. Горшенина и нерастраченный кредит в 1000 твердых рублей. Значительно позже влились в коллектив: в 1919 г. – ректор и декан агрономического факультета профессор В.Т. Шевяков, в 1920 г. – К.П. Горшенин, ученик С.С. Неуструева и третий декан агрофака (1923–1926 гг.), а также бывшие чиновники лесного ведомства и лесоводы В.А. Шингарев (с 1920 г.), В.П. Корш, Н.А. Тихомиров, Н.И. Грибанов (с 1921 г.), В.В. Барышевцев (с 1923 г.).

Профессора В.Р. Берг – растениевод, один из организаторов Омской селекционной станции им. Н.Л. Скалозубова (1918–1931 гг.) и СибНИИСХ (1931–1935 гг.) и Б.Н. Городков – выдающийся советский арктический геоботаник и географ (1920–1921 гг.), И.И. Осипов – с 1920 г. уже председатель совета Западно-Сибирского общества агрономов (1921–1922 гг.) также причастны к яркой странице истории факультета. Явно объединяющим агрономов СИСХ на первом этапе истории агрофака стал В.П. Балиев. По характеристике К.А. Умова (основателя кафедры земледелия СИСХ, 1918 г.) Балиев был «один из немногих пионеров сибирской агрономии», которому «...пришлось закладывать основы агрономии во всех областях: в сельскохозяйственном опытном деле, в сельхозобразовании, в практической агрономии». У В.П. Балиева, по мнению К.А. Умова, наличествовало «глубокое

понимание сущности эволюции сельскохозяйственной жизни края, и в целом Сибиряка не может не посчитать личность В.П. Балиева в ряду немногих, коим она навсегда обязана самим своим рождением и существованием» [7].

Еще до официального открытия вуза, первые занятия для студентов-агрономов (по астрономии, географии и геологии) проводил со 2 февраля 1918 г. в учебном корпусе ОССХУ Н.Д. Павлов – генерал-майор, начальник военно-топографического отдела Сибирского военного округа, приглашенный по телефону лично ректором В.С. Титовым. Об этом свидетельствовал принявший от чиновника Омской городской управы и завканцелярией ОССХУ А. Васильева все текущие и архивные дела В.Н. Ручкин – штабс-капитан, в будущем профессор, доктор сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой кормопроизводства и хранения сельхозпродукции ОмСХИ им. С.М. Кирова. 2 февраля 1918 г. состоялось первое заседание учебного совета СИСХ, на котором исполнявший обязанности директора ОССХУ К.Н. Савон передал ректору СИСХ В.С. Титову все дела [9].

С 24 февраля 1918 г. начались официальные занятия первокурсников-агрономов на втором этаже купеческого дома М.А. Шаниной, которая любезно сдала этаж в бесплатную аренду с 15 января 1918 г. по 15 июля 1920 г. до постройки институтом своего корпуса (там, где сегодня находится ботанический сад). Студенты сначала выслушали яркую речь бывшего директора ОССХУ, действительного статского советника, профессора П.И. Плодовского по поводу открытия первого за Уралом сельскохозяйственного института, а затем прослушали его же первую лекцию по зоологии. На Омском железнодорожном вокзале, на стихийном митинге, выступил командир Омской Красной гвардии З.И. Лобков и, сославшись на постановление Омского городского совета крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (местного Совнаркома; документ не найден), объявил собравшимся гражданам Республики, что с этого дня дети крестьян смогут свободно и

бесплатно учиться в сельхозинституте на агрономов (по воспоминаниям выпускника института 1932 г. профессора В.П. Черноголовина) [10, с. 39, 40, 56]. Вдова покойного инженера и первого строителя частной телефонной станции в Омске С.Ф. Кравцова передала в безвозмездную аренду институту три телефонных абонентских номера с телефонными аппаратами. Ее дочь Е.Г. Кравцова закончила агрофак и долго работала по плодовоощной селекции на опытной станции в Алтайском крае.

Следует также подчеркнуть, что из агрономического факультета через временное посредничество кабинетов, кафедр и отделений в свое время были сформированы такие факультеты, как лесотехнический, зернового хозяйства, молочного хозяйства, агроэкономический, механизации сельского хозяйства, гидромелиоративный, экономический, агрохимический. Именно при агрофаке в 1921 г. была открыта одна из первых в Омске метеорологическая станция. Именно под руководством ректора и профессора Г.Г. Петрова факультет возродил и облагородил в 1927 г. ботанический сад, основанный еще в далеком 1895 г. Именно при факультете под руководством В.П. Балиева, А.В. Тарчевского и др. проводились первые выставки сельскохозяйственной техники.

В 1920 г. для рабфака и первых курсов лесфака, инженерного и агрономического факультетов было передано здание бывшего управления АО Кузнецких каменноугольных копей (дом В.А. Печокаса, бывшее Омское казенное межевое училище), по ул. Тобольской (Орджоникидзе), д. 14.

В июне-сентябре 1921 г. под руководством В.П. Корша, К.П. Горшенина, К.Е. Мурашкинского и С.А. Богославского состоялась не только на агрофаке, но и на лестехфаке, и вообще в СИСХиП, первая комплексная лесотипологическая экспедиция на Екатериновскую лесную дачу вблизи г. Тара. Целью экспедиции было исследование леса, почвы и ботанические и энтомологические сборы для кафедральных коллекций. По бедности того времени на всю экспедицию было самое простое оборудование: одна лупа, две линейки и

угольник. Первый выпуск агрономов состоялся в 1922 г. (21 агроном и 1 лесничий; куратор группы – профессор В.Р. Берг). Самым известным из этого выпуска стал Александр Захарович Ламбин, в будущем профессор, доктор сельскохозяйственных наук и заведующий кафедрой земледелия агрофака.

Кафедра селекции, генетики и физиологии растений была создана на факультете в 1930 г. Она является одной из старейших в вузе, ее важности определяется деятельностью при ней опытного поля и опытной станции, а также ряда лабораторий. С самого начала кафедра стала выпускающей, здесь были подготовлены специалисты мирового уровня. У истоков создания кафедры стояли всемирно известные ученые генетики и цитологи: доктор биологических наук Б.А. Вакар и академик, доктор сельскохозяйственных наук Н.В. Цицин, прославившиеся работами в области отдаленной гибридизации растений. Цитогенетик Б.А. Вакар (1890–1976 гг.) заведовал кафедрой с 1930 г. по 1937 г. Он провел здесь оригинальные цитогенетические исследования пшенично-пырейных гибридов, созданных Н.В. Цициным, и первым открыл их геномный состав. Опубликовал свыше 50 работ, многие из которых были переведены на немецкий и английский языки и изданы в Германии и США.

Н.В. Цицин (1898–1980 гг.) – ботаник, генетик и селекционер – был директором СибНИИСХ и одновременно заведующим кафедрой в ОмСХИ в 1937–1939 гг. В последующем стал директором Главного ботанического сада АН СССР в Москве. Ученый вывел 12 сортов озимых и яровых пшенично-пырейных гибридов, 6 из которых были районированы. Он опубликовал более 400 научных работ. С 1939 г. по 1960 г. кафедрой руководил профессор К.Г. Ренард (1884–1961 гг.). Ренард был известным селекционером по озимой пшенице, льну и другим культурам. Он является автором сортов пивоваренного ячменя и льна-долгунца. Важным достижением кафедры селекции агрономического факультета были разработка и внедрение в производство

технологии семеноводства сахарной свеклы. Эта работа позволила восполнить снижение производства сахара в стране в годы Великой отечественной войны, когда страна временно потеряла традиционные районы возделывания этой культуры на Кавказе, в Крыму и в Украине. Ученый также читал курсы лекций по селекции полевых и плодовых культур, селекции и семеноводству злаковых культур, декоративному садоводству. Опубликовал свыше 70 научных работ.

Под руководством отмеченных ученых сложилось содружество известных исследователей, положившее начало комплексным исследованиям по генетике, селекции и семеноводству основной культуры Сибири – яровой пшеницы. Позднее сотрудник кафедры Г.И. Попова изучала возможность создания исходного

материала для селекции методом отдаленной гибридизации. Исследователи-селекционеры и генетики М.С. Бодров (1903–1983 гг.) и Б.А. Быстров изучали возможность применения ультрафиолетового и рентгеновского излучения для создания селекционного материала.

Таким образом, следует отметить важность открытия в 1918 г. СИСХ и организации агрономического факультета с его многочисленными подразделениями для развития общей агрономии и селекции культурных растений в период с 1918 г. по конец 1930-х гг., для масштабных преобразований как в хозяйстве Западной Сибири, так и в области подготовки высококвалифицированных специалистов по сельскому хозяйству и фундаментальным наукам.

Список литературы

1. *Червоненко В.Н.* Очерки истории Омского сельскохозяйственного института. 1918–1993. Омск, 1994. 362 с.
2. *Крюкова Н.С.* Николай Лукич Скалозубов [Электронный ресурс]. URL: <http://bio.1september.ru/articlef.php?ID=200403904> (дата обращения: 08.09.2015).
3. *Шелухин И.С.* Николай Лукич Скалозубов. Новосибирск, 1961. 79 с.
4. Правила для поступающих в Омское среднее сельскохозяйственное училище / сост. П.И. Плодовский // Сельскохозяйственный сборник Правительственной агрономической организации Акмолинской области. Омск : Электротип. Акм. обл. правления, 1913. С. 325–330.
5. *Кузнецов Д.В.* Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья (конец XIX – начало XX вв.) : дисс. ... канд. ист. наук. Омск: ОмПТИ, 2000. 300 с.
6. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. : справочник. Петроград, 1914. С. 487–488.
7. *Шепелева В.Б.* Страницы жизни омских ученых-аграриев // Вестник ОмГАУ. 1999. № 2. С. 73–79.
8. *Михалин В.А.* Из истории изучения сельского хозяйства Сибири в начале 1920-х гг. (записка Н. Я. Новомбергского) // Сибирь в XVII–XX вв.: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 103–109.
9. Воспоминания профессора В.Н. Ручкина [Электронный ресурс] // История Сибачи. URL: <http://sibaka-story.ucoz.ru> (дата обращения: 08.09.2015).
10. *Черноголовин В.П.* Запахи трав степных. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 159 с.

Н.А. Черкасская

УПОКОЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В КИТАЕ: ОБОСНОВАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В ночь на 18 июля 1918 г. в 30 километрах от города Алапаевска были убиты большевиками шестеро родственников царской семьи и двое их

приближенных. Это были великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князья императорской крови Иоанн, Константин и Игорь

Константиновичи, князь Владимир Павлович Палей, а также монахиня Варвара и Федор Ремез. Они были сброшены в шахту глубиной 60 метров. В конце сентября того же года в город вошла армия адмирала Колчака, в октябре тела были извлечены из шахты и после экспертизы и освидетельствования они были упокоены [1].

Вскоре к городу вновь приближались красные, и для захоронения возникала опасность. Прибывший в Алапаевск игумен Серафим (Кузнецов) получил распоряжение от А.В. Колчака перевезти гробы Романовых дальше на Восток. Конечным пунктом их упокоения в 1920 г. стал храм Серафима Саровского в русской духовной миссии в Китае [2, с. 134].

Возникает несколько вопросов, связанных с этим событием. Почему местом упокоения Романовых стала именно китайская земля? Каким было отношение к этому китайского населения, а также русских эмигрантов в Китае?

Православные храмы в Китае возникают после 1685 г., когда здесь оказались пленные русские казаки из крепости Албазин на берегу Амура [2]. Китайский император разрешил им перестроить святилище китайского божества войны в храм Св. Николая. Через 20 лет в Китай направились несколько священников, их целью было распространение православия среди китайцев, используя таким образом ситуацию с пленением казаков. Примерно с этого же времени ведется отсчет началу русско-китайских отношений.

Китайские власти относились к России не так, как к странам Европы. «Император Канси<...> разрешил пребывание в Пекине Российской духовной миссии и присвоил высокий придворный ранг главе миссии. Он также повелел взять весь состав миссии на казенное довольствие и регулярно уплачивать им из казны жалование» [3, с. 9–10]. Очевидно, придавая Российской духовной миссии (далее – Миссии) такой статус, китайские власти не видели в ней политической опасности, а в условиях закрытости Китая это было особенно ценно. Еще одной задачей Миссии была образовательная и научная деятельность. На

протяжении всего периода ее существования открывались школы русского языка для китайцев, а также русские сами учили китайский и маньчжурский языки [3, с. 177].

В XIX в. частью Миссии становится посольство. Отдельной дипломатической миссии в то время в Китае не могло существовать, поэтому политическая деятельность была встроена в религиозную. Дипломатическую функцию Миссия утратила после 1858 г. – открытия Китая европейскими державами [4] и создания дипломатических миссий.

Православие к началу XX в. широко распространилось в Китае, уже не ограничиваясь Пекином и крупными городами. В конце XIX в. окончательно сложились места поселения русских, которые проживали в районах строительства железной дороги. С этим было связано одно из направлений миссионерской деятельности миссии. К концу 1898 г. она имела 5 церквей, ее паства состояла из 120 русских и 458 китайцев.

Первая волна антимиссионерских выступлений в Китае русской Миссии не коснулась, так как к ней китайцы относились благожелательнее всего, а китайские власти уже не так симпатизировали католикам и протестантам [5, с. 9–95]. Однако позже восстание ихэтуаней коснулось и русской Миссии. В ходе него в 1900 г. была разрушен храм и убиты 222 православных китайца. В честь них была построена церковь Всех Святых Мучеников. После этого встал вопрос о закрытии Миссии или ее переводе в другой город. В 1901 г. китайское правительство взяло на себя ответственность за ущерб и отвело Миссии земельный участок в 12,5 русских десятин с усадьбой, а также несколько участков частных владений в Бэйгуане. Бэйгуань обнесли каменной стеной [6]. После постройки храма Всех Святых Священный Синод «направил доклад императору Николаю II с предложением установить 24 июня по новому стилю (по старому стилю 11 июня) днем памяти святых китайских мучеников, а накануне, 23 июня, установить день строгого поста» [7].

После революции в Китай хлынул поток беженцев из России, в основном из

Азиатской части – Сибири и Дальнего Востока. Многие из них искали помощи в Русской духовной миссии и неизменно ее находили.

В 1920 г. игумен Серафим привез тела Романовых в Китай, на территорию Русской духовной миссии, где они были похоронены в склепе храма Серафима Саровского. Личность его была тесно связана с императорским домом, который поддерживал издание его журнала «Голос долга», и с Елизаветой Федоровной, которая вскоре подружилась с ним и воспринимала его в качестве советчика по устройству Марфо-Мариинской обители и которая была убита в Алапаевске [8, с. 18–19]. Выбор его пути и конечного места захоронения был далеко не случаен, особенно если учесть тяжелые условия Гражданской войны. Во-первых, можно было ехать по пути отступления белой армии. Вторым мотивом, очевидно, была возможность получения помощи от Миссии в Китае, куда в то время по мере отступления белых прибывали эмигранты. С большим риском Серафим добрался до Читы, везя тела в товарном вагоне, при этом в Омске поезд досматривали, но неизвестно почему не заглянули именно в этот вагон. По пути из Читы в Китай помощь предоставили белогвардейские власти. «На станции Хайлар вагон захватили большевики, которые <...> хотели над всеми совершить надругание, однако китайские войска отобрали вагон в тот самый момент, когда они вскрывали первый гроб. С этого момента я с гробами находился под охраной китайских и японских военных властей, которые <...> охраняли меня <...> до Пекина». В начале марта гробы с телами мучеников прибыли в Харбин, где их встречал епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Сюда же прибыл последний императорский посланник в Китае – князь Николай Александрович Кудашев, которому как официальному лицу пришлось приехать в Харбин для опознания и составления протокола. Из Харбина поезд выехал 8 апреля и направился в Мукден, где пробыл до 13 апреля» [9].

Наличие помощи китайских военных властей говорит о том, что китайские власти с пониманием относились к своей роли в этом деле и к Русской духовной миссии, которая теперь оставалась без официального государственного покровителя.

«Когда 16 апреля 1920 г., в Светлую Пятницу, вагон с телами Алапаевских мучеников прибыл в Пекин, там их уже ожидал архиепископ Иннокентий с крестным ходом <...>. Гробы были вынесены из вагона и в сопровождении крестного хода перенесены в Церковь Преп. Серафима Саровского на кладбище Русской духовной миссии в Китае» [9].

Это был обычный крестный ход, хотя хоронили великих князей, к тому же на русской земле. В условиях отдаленности от положенного места захоронения – Петропавловского собора – и отсутствия средств и возможностей провести похороны, положенные членам императорской фамилии, явно было невозможно.

С другой стороны, Романовы (и их приближенные), убитые в Алапаевске, стали единственной группой убитых Романовых, которые были в те годы похоронены похристиански. Тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря, убитых под Пермью в июне 1918 г. и тела великий князей Павла Александровича (отца князя В.П. Палея), Дмитрия Константиновича, Николая и Георгия Михайловичей, расстрелянных в январе 1919 г. в Петропавловской крепости, найдены не были.

Стоит заметить, что для русской эмиграции в Китае новость об убийстве Романовых на Урале – как в Екатеринбурге, так и в Алапаевске – стала настоящим потрясением. Дни убийства официально были траурными для всей русской эмиграции в Китае вплоть до 1945 г. [2, с. 1310133]. До Октябрьской революции на всех службах молились об императоре и династии, а день именин Николая II проводились праздничные службы. Кроме того, стоит сказать и о харбинской часовне, проект которой был задуман художником Н.К. Рерихом. Она должна была быть построена в честь убитых Николая II и

Александра Карагеоргиевича. Персона короля была важна в те годы для многих русских людей. Король Александр был покровителем русской эмиграции в Сербии. Средства на часовню жертвовали русские эмигранты. Когда строительство было окончено, убранство часовни украсил «деревянный иконостас, содержащий иконы святых, в честь которых названы убиенные <...> члены императорской фамилии. На особой доске были выбиты фамилии жертвователей на постройку часовни-памятника» [10].

Земля, в которой были упокоены Романовы, в XVIII в. была навечно подарена императором Канси русской духовной миссии в Китае. Как подчеркивает исследователь русской эмиграции в Китае Г.В. Мелихов, таким образом, эта земля, хоть и находясь в Китае, была русской. Возможно, этот факт также сыграл свою роль в вопросе о захоронении. Между тем когда советское правительство заявило о своих правах на китайское имущество России, то суд отверг эти претензии [2, с. 139]. Все заботы о захоронениях оставшаяся после революции на самокупаемости Миссия взяла на себя [2].

Позднее тела Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары были вывезены в Иерусалим. В 30-е гг. тела были перенесены в новые гробы и захоронены в склепе храма Миссии, только тело князя Палея было по завещанию его матери оставлено на кладбище Миссии. Это было сделано благодаря поддержке эмигрантов – русской группы войск шаньдунской армии. В 1938 г.

тела были перенесены в склеп храма Всех Святых Мучеников. В 1957 г. храм Всех Святых Мучеников был разрушен по указанию коммунистических властей, а останки вновь перенесены на Серафимовское кладбище, которое позднее сравняли с землей. По другой версии их перезахоронили в 1963 г. на том же кладбище, в этом участвовали русские старожилы Пекина [2, с. 141]. Сейчас там находится парк «Озеро молодежи» и площадка для игры в гольф, а сами останки считаются утраченными [2], несмотря на то, что по старым картам и планам местности достоверно известно, где находилось само кладбище.

В условиях возрождения исторической памяти в России начался процесс перезахоронения членов дома Романовых, например, императрицы Марии Федоровны, великого князя Николая Николаевича младшего и его супруги Анастасии Николаевны. В сентябре этого года было возобновлено исследование останков, найденных под Екатеринбургом по поводу их принадлежности к детям Николая II – Алексею и Марии. Вопрос об упокоении Алапаевских мучеников не может еще долгие годы оставаться нерешенным.

Небольшие по длительности поиски, проводившиеся в последние годы, не дали никаких результатов. История в данном случае требует лишь отдать им последнюю дань и возратить их на Родину, однако имея сегодня большие возможности в восстановлении справедливости, имеем ли мы желание?

Список литературы

1. Палей О.В. Воспоминания о России. М. : Захаров, 2009. 240 с.
2. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М, 2003. 440 с.
3. История Российской духовной миссии в Китае: сборник статей. М, 1997. 407 с.
4. Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый [Электронный ресурс] // Образование и Православие [сайт]. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/663rossijskaja-dukhov-.htm (дата обращения: 01.09.2015).
5. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М, 2007. 240 с.
6. Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1990–1997). М. : Изд. Свято-Владимирского Братства. 1998. 277 с.
7. Протоиерей Иоанн Ду. Распространение Русской Православной Церкви в Тяньцзине и его окрестностях [Электронный ресурс] // Православие в Китае [сайт]. URL: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb2/History3.htm> (дата обращения: 29.08.2015).

8. *Алексий (Марченко)*. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов). История взаимоотношений // Мгновения истории : альманах. 2011. № 2. 28 с.

9. *Алексеева Т.А.* Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Алапаевские новомученики: к 90-летию со дня гибели князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей [Электронный ресурс] // Ansy.ru [сайт]. URL: <http://www.ansya.ru/health/t-a-alekseeva-gosudarstvennij-kompleks-dvorec-kongressov/pg-1.html> (дата обращения: 29.08.2015).

10. *Росов В.А.* Часовня-памятник венценосным мученикам: неосуществленный проект Н.К.Периха в Харбине [Электронный ресурс] // AryaVest [сайт]. URL: <http://www.aryavest.com/work.php?workid=44> (дата обращения: 29.08.2015).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От оргкомитета</i>	4
-----------------------------	---

Доклады пленарного заседания

<i>Сорокин Ю.А.</i> Исторический нарратив и региональное историописание: профессиональные качества историка А.В. Ремнева.....	6
<i>Шиловский М.В.</i> Кадровая политика самодержавия в отношении глав территориальных образований Азиатской России (конец XVI – начало XX века)	9
<i>Ермекбай Ж.А.</i> Вопросы истории Казахстана в трудах профессора А.В. Ремнева.....	13

Секция 1

ВОКРУГ ИМПЕРИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

<i>Бобровников В.О.</i> К истории (меж)имперских трансферов XIX–XX вв.: инородцы/туземцы Кавказа и Алжира.....	17
<i>Рышков В.М.</i> На пути к колониальному будущему: трансформация экономики Сибири в годы Первой мировой войны	21
<i>Аманжолова Д.А.</i> Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е годы.....	23
<i>Мулина С.А.</i> Память о Сибири в межвоенной Польше	26
<i>Бустанов А.К.</i> Советская визуальность и ислам.....	30
<i>Селезнев А.Г., Селезнева И.А.</i> В поисках новой мифологии истории: новые религиозные движения в Сибири.....	32
<i>Григоричев К.В.</i> «Азия», «Китай», «Восток»: постимперское пространство сквозь призму «китайского» рынка	33
<i>Пешков И.О.</i> Статус внешней Монголии в перспективе новой имперской истории и постколониальной теории	36

Секция 2

АЗИАТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ, ЭТНИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

<i>Вовина В.Г.</i> Северная крестьянская волость в петровское время: Кургомень в 1710 годы	40
<i>Акишин М.О.</i> Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии в XVII веке.....	42
<i>Конев А.Ю.</i> Народы Сибири в социально-правовом измерении империи (XVII – начало XX вв.): современные подходы к изучению.....	46
<i>Корусенко С.Н.</i> Татары Сибири в источниках XVII–XX вв.: этносословные штудии	46
<i>Томилов И.С.</i> Изменение сословного состава городов пореформенной Тобольской губернии ..	48

<i>Дятлов В.И.</i> «Желтый вопрос» на дореволюционном Дальнем Востоке: эпитет «желтый» в оценке миграционной ситуации	51
<i>Николаев В.В., Самушкина Е.В.</i> Этничность алтайцев в дискурсах социокультурной модернизации (конец XIX – начало XX века).....	55

Секция 3

ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ

<i>Татаурова Л.В.</i> Исторические нарративы и археология русских	59
<i>Козлова А.А.</i> Органы государственного управления в царствование Анны Иоанновны	62
<i>Воропанов В.А.</i> О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII века	64
<i>Саражина Р.Г.</i> Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в последней четверти XVIII века	65
<i>Любичанковский С.В., Джунджузов С.В.</i> Христианизация и переселение калмыков в Оренбургский край (1740–1750-е годы)	68
<i>Ищенко О.В.</i> Конфессиональный фактор в развитии образования на сибирской окраине Российской империи в конце XVIII – начале XX века.....	72
<i>Бижигитова К.С.</i> Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в степи (конец XVIII – начало XX века).....	76
<i>Ведерников В.В.</i> Ментальное пространство горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая половина XIX века).....	79
<i>Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е.</i> Образ администрации горного округа в трудах ученых и путешественников, посетивших Алтай в 20–40-х годы XIX века	82
<i>Кабакова Н.В.</i> К вопросу о деятельности сибирских властей в организации переселений государственных крестьян в Тобольскую губернию (1840-е годы)	85
<i>Султангалиева Г.С.</i> Взгляды российской власти на формирование казахского чиновничества в первой половине XIX века	88
<i>Головнева Е.В., Жигунова М.А.</i> Сибирь и сибиряки: ментальное освоение края в XIX веке.....	92
<i>Степаненкова З.В.</i> В.В. Берви-Флеровский о национальной политике российского правительства второй половины XIX веке	95
<i>Герасимова В.А.</i> «Примерный солдат своего Отечества»? Еврейский кантонист на службе империи (по мемуарам А.М. Пантофеля).....	97
<i>Сорокина Т.Н.</i> А.И. Деспот-Зенович: первые дни службы кяхтинского пограничного комиссара	99
<i>Свешников А.В.</i> «Человек в футляре» имперского масштаба: Александр Иванович Георгиевский на посту председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения.....	101

<i>Филимонов А.В.</i> Комитет Сибирской железной дороги и Переселенческое управление как высшие государственные структуры нового типа в аспекте финансирования переселенческого дела (1892–1905 годы)	104
<i>Суворова Н.Г.</i> «Имперские эксперты» как фактор колонизации азиатской России в конце XIX – начале XX века	110
<i>Белоконь И.В.</i> А.Н. Куропаткин как имперский идеолог и геополитик	114
<i>Толочко А.П.</i> Генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе (биографический очерк).....	116
<i>Антонов Е.П.</i> Историк Г.В. Ксенофонтов о колониальном дискурсе в историографии Якутии	120
<i>Недзелюк Т.Г.</i> Ментальное конструирование сибирского пространства мигрантами из Европы на рубеже XIX–XX столетий	123
<i>Алексеева С.И.</i> Санкт-Петербургское Сибирское собрание (1910–1917 гг.)	125
<i>Кадиков Э.Р.</i> Революционеры в Сибири на службе империи в конце XIX – начале XX века...	128
<i>Воробьев В.В.</i> Законодательная регламентация правового положения сибирской периодики с конца XIX века по 1914 год	132
<i>Ведерников В.В.</i> Православная церковь и политические реформы в период Первой русской революции.....	136
<i>Казыдуб Н.Г., Милиценко О.А.</i> История агрономического факультета ОмГАУ: от «насаждения культурного хозяйства» до селекционной науки (1910–1930-е годы)	143
<i>Черкасская Н.А.</i> Упокоение представителей Дома Романовых в Китае: обоснование и последствия.....	148

Электронное научное издание

Материалы Международной научной конференции
«Азиатская Россия: люди и структуры империи»,

посвященной 60-летию А.В. Ремнева

(Омск, 24–26 октября 2015 года)

Под редакцией Натальи Геннадьевны Суворовой

Оформление и компьютерная верстка М.Л. Бережновой